

Цена 20 коп.

ЛЕВ ЭКОНОМОВ

**В КАМЕННЫХ
ТИСКАХ**

БИБЛИОТЕЧКА
ЖУРНАЛА
Пограничник

№ 3(9), 1967 год

ЛЕВ ЭКОНОМОВ

В
КАМЕННЫХ
ТИСКАХ

Повесть

МОСКВА

Лев Экономов пришел в литературу со своей темой, подсказанной ему жизнью, армией. Он участник Великой Отечественной войны, был авиационным механиком, затем воздушным стрелком. Еще в армии Экономов начал писать повесть о летчиках — «Под крылом земля». Книга напечатана Военным издательством в 1959 году.

Демобилизовавшись, он становится литератором. Экономов часто бывает в воинских частях, встречается с солдатами и офицерами. Здесь он черпает материал для своих произведений.

Его перу принадлежат вышедшие в центральных издательствах роман о летчиках — «Перехватчики», книга очерков о войнах противовоздушной обороны — «Часовые неба», повествование о ракетчиках — «Повелители огненных стрел».

Недавно Лев Экономов закончил новый роман о послевоенной армии — «Готовность номер один» и документальные очерки о радиолокаторщиках — «Кордон в облаках».

«В каменных тисках» — первое произведение Л. Экономова, написанное на материале пограничной жизни.

Глава первая

ПЕРЕД ужином, все, кто был на заставе, собрались в спортивном городке. Даже повар пришел подтянуться раз-другой на перекладине.

— Что там сегодня нарисовал? — спрашивает у повара курносый, усыпанный веснушками солдат Степаков. Он любит поесть и не упускает случая, чтобы не напомнить старшине слова полководца Суворова о том, что путь к сердцу солдата лежит через желудок.

— Пюре с говяжьей тушенкой, — отвечает повар, снимая с запотевшей головы колпак.

— А как насчет чая? — интересуется солдат Шульгаев. Для него главное — чай. Он даже имеет свой чайник для заварки утоляющего жажду кок-чая...

— Из Каменки.

Шульгаев морщится.

Воду на заставу привозят из разных мест. Самая вкусная из Разливов. Но добраться туда бывает нелегко после дождей. Дорогу размывает. Вот и сегодня водовозка вынуждена была вернуться назад и взять воду из Каменки — чуть горьковатую, жесткую.

Повар вздыхает. Если бы его воля, он поил бы всех отменными чаями.

— Посмотрим, с какими вестями майор Семенов вер-

нется, — как бы в оправдание говорит повар, — тогда и разговор будет другой.

При упоминании о Семенове, уехавшем рано утром в горы, на водопроводную трассу, которую собирается прокладывать колхоз для своего профилактория, замполит Вальский посмотрел на часы. Он остался за начальника заставы и теперь вместе со всеми с нетерпением ждет приезда майора.

— Наверное, все агитирует нашего башлыка* Караева! — смеется рядовой Степаков.

— Оно хорошо бы, — соглашается повар. Ведь если трасса пройдет мимо заставы — пограничники будут обеспечены отличной водой. Он уже хочет объявить солдатам, чтобы подготовились к ужину, как вдруг с шумом распахивается окно дежурки и из него высовывается, словно зажженный факел, огненно-рыжая голова Боровкова.

— Товарищ капитан, к телефону!

Замполит бросается к трубке, которую Боровков протягивает из окна.

Все смотрят на капитана. Лицо его потемнело и напряглось. Он сует трубку обратно Боровкову, грозит ему пальцем и приказывает поднять заставу «В ружье!»

Взволнованность капитана, его недвусмысленный жест дежурному сигнального аппарата, наконец, его решение объявить тревогу — все это имеет основание: три часа назад на заставу поступил сигнал «Тревога». Боровков доложил о сигнале Вальскому. Капитан немедленно выслал наряд с розыскной собакой под командой сержанта Климова.

Проверив левый фланг, наряд не обнаружил признаков нарушения границы, возвратился на заставу. Решили, что проскочил дикобраз или еще какой-нибудь зверь. Так случалось.

И вот теперь, выслушав по телефону доклад солда-

та Вагидова о появлении в горах неизвестных, капитан понял, что дежурный у сигнального прибора перепутал фланги.

Пограничники, оседлав коней, выстроились для действий по обстановке. Капитан распорядился перекрыть линию государственной границы и начать поиск нарушителей. Старшине Кучкину приказал ждать машину. Как только Вагидов приедет — отправиться на ней с пограничниками к месту, где был обнаружен нарушитель. Сам же с группой пограничников отправился к месту прорыва, на правый фланг.

Что же произошло в горах? О каких неизвестных лицах сообщал Вагидов — водитель машины, на которой уехал Семенов?

Час назад этот солдат и не думал о нарушителях. Сидел в кабине новеньского ЗИЛа и проворно крутил барабанку. Ему некогда было даже поправить съехавшую на ухо пилотку, потому что бегущая под колеса твердь представляла собою не широкую асфальтовую ленту, а хаотическое нагромождение камней, щебенки, осыпающейся с гор, растущего из щелей в скалах колючего кустарника с опаленной жаром листвой, трепещущей на ветру.

Рядом с водителем сидел худенький мальчик лет одиннадцати в выгоревшей ковбойке с зеленою нашивкой на рукаве. Такие нашивки носят в школе, где он учится, все члены отряда юных друзей пограничников. Солнце слепило мальчику глаза. Он щурился, а задуваемый в открытое окно ветерок трепал светлую челку.

В кузове автомашины был отец мальчика — начальник погранзаставы майор Семенов. Он сидел у кабины, чуть ссунувшись, подставив ветру задубелое, опаленное солнцем лицо с высоким, покатым лбом, пересеченным глубокими морщинами. Рядом с ним сидели жилистый чернобородый старик в тельпеке — огромной, как копна, лохматой шапке из бараньего меха — председатель колхоза Караев — и молодой белобрысый лейте-

* Башлык — председатель колхоза (*туркм.*).

нант Берзинь — начальник радиолокационной станции, что расположена в нескольких километрах от заставы. До армии Берзинь работал сантехником и мог оказаться полезным при проведении водной магистрали. На лавочке возле майора примостилась сестра лейтенанта — Илга, учительница, недавно приехавшая к брату.

Пропыленные и прожаренные на солнце, они возвращались из глухого Барсова ущелья, где с незапамятных времен были ключи с теплой, насыщенной солями, водой. Вода эта заинтересовала медицинских работников только что созданного неподалеку колхозного профилактория. В воде обнаружили целебные свойства. Врачи предложили председателю колхоза подвести к ключам трубы и откачивать насосами воду для нужд профилактория.

Караев обратился к Семенову с просьбой разрешить обследовать ключи и путь к ним в пограничной зоне.

— А мы, — говорил Семенов Караеву, — мечтаем хорошую воду подвести на заставу. Вот и решить бы нам эту задачу на паях. — И Семенов поехал с Каравьевым в горы.

По давно укоренившейся привычке Семенов внимательно наблюдал за местностью, стараясь запомнить предметы, их расположение, форму, размеры и цвет.

Колючая шаровидная трава, будто несметные полчища гигантских ежей, усеяла отлогие склоны гор. Причудливые скалы похожи на ветхие замки с башнями и крепостными стенами. Старые умирающие горы. Местами они совсем разрушились, похоронили себя под гигантскими курганами щебенки. А местами и щебенка не устояла под натиском неумолимого времени. Рассыпалась, смешалась с пылью бесчисленных поколений умерших деревьев, трав, зверей и птиц. Эту пыль майор видел на берегах обмелевших горных потоков. Высохшая, она ничем не отличалась от ржавых камней, которые и тут и там торчали из земли, словно осколки разорвавшихся снарядов.

Семенов думал о том, как нелегко бывает найти на-

рушителя в этом хаотическом нагромождении скал, по-росших арчой, где не везде можно поставить заграждения и сделать контрольно-следовую полосу. Чтобы знать горы, их нужно исходить вдоль и поперек.

Как-то, еще солдатом, Семенов прочитал очерки крымских рыбаков — листригонах. Нет, не о тех мифических кровожадных людоедах, о которых поведал Гомер в своей «Одиссее», а о милых простых людях, живших в Балаклаве и красочно описанных Куприным. Они жили у моря, ловили рыбу. Могли «с точностью магнитной стрелки» указать, в какой стороне север. С той поры Семенов стал развивать в себе чувство направления, способность ориентироваться в горах и ущельях. И вот теперь он мог с уверенностью балаклавских греков в любую минуту встать лицом к северу, указать, в какой стороне застава и наблюдательные посты в горах.

Уже в машине майор вспомнил, что совсем недавно, проверяя службу нарядов, наткнулся на неприметный родничок в каменной расщелине, значительно ближе Барсова ущелья. Вода из родника была на редкость вкусной. И он решил свезти на это место Караева. Вдруг анализы этой воды покажут, что она тоже целебная? Тогда трасса водопровода намного бы сократилась.

Была и еще одна причина, побудившая Семенова поехать в Барсово ущелье. Но эту причину было нелегко объяснить даже самому себе. Ведь не мог же он так, сразу влюбиться в сестру Берзиня, тоненькую, похожую на мальчишку, с бледным лицом и огромными круглыми глазами?

В который уже раз сегодня Семенов задавал себе этот вопрос, куря сигарету за сигаретой.

Нет, он всегда любил только Машу, хотя, если быть откровенным, иногда и не совсем понимал ее. Она была человеком настроения, которое неизвестно отчего зависело и часто менялось, подчиняясь каким-то неведомым ему — да, наверное, и самой Маше — силам. Спер-

ва Семенов объяснял это Машиной молодостью, так сказать, «болезнью роста», и все надеялся, что она изменится и ему не нужно будет утром гадать, с какой ноги она встанет. Но с годами ее характер не делался лучше. Скорее наоборот. Сначала Семенова раздражали резкие, необоснованные перемены в Машином настроении. Он не мог принаршиваться к ее капризам. Но потом увидел, что Машу не переделаешь уже, махнул на все это рукой, смирился: она была искренним человеком, верной женой и хорошей матерью.

У Семенова и мысли не было, чтобы кто-то другой мог овладеть его чувствами. А между тем Илга, словно воткнувшаяся в тело заноза, нет-нет да и напоминала майору о себе.

Семенов уже не раз ловил себя на том, что ему нравится быть там, где Илга, слушать, как она оживленно рассказывает о чем-нибудь, пританцовывая на каблучках, неотступно глядя собеседнику в лицо, нравится смотреть, как она думает, устремив взгляд в пространство, пощипывая пальцами нижнюю губу.

Умудренный жизненным опытом Семенов видел, что Илга чуточку рисовалась, но в этом он не находил ничего предосудительного.

... Машина петляла и кружилась по прихоти горной дороги: спускалась в ущелья, поднималась на перевалы. Покрытые снегом, они казались издалека пенными гребнями, а машина — уткой ладьей, гонимой непонятными течениями и ветрами. И только подольше приглядевшись к этой единственной двигающейся в горах точке, можно было заключить, что движение ее имеет определенную направленность.

Машина шла навстречу солнцу, клонившемуся к зубчатому горизонту. Оно было оранжевое, как апельсин.

Ладный смуглолицый Вагидов с усиками-шнурочками был чем-то похож в ту минуту на рулевого шхуны, попавшей в шторм. Не рассчитай он самую малость, запоздай повернуть руль на полсекунды, и машина врезалась в скалу или свалился в пропасть.

Семенов привык к горным дорогам. Они не пугали его. И товарищей его тоже не пугали. Они сидели на скамейках и смотрели вперед, держа в руках стеклянные бутыли с водой, взятой для анализов из источников.

На крутых поворотах Илга опиралась плечом на Семенова. Майор поддерживал ее; ему нравились эти повороты, нравилось чувствовать голову девушки у себя на плече. Иногда он украдкой посматривал на нее и думал о том, что хорошо, когда на свете живут такие солнечные женщины, как Илга.

Обогнув высокую гору, машина спустилась к шумливой реке, пробившей себе каменное ложе у подошвы скалы.

Водитель остановил машину у самой воды, достал из-под сиденья брезентовое ведро и, обмотав руку тряпкой, открыл горловину радиатора, из которого выбивалась струйка пара. Все выпрыгнули из кузова, чтобы поразмыться немного и напиться воды. Илга и сын Семенова Стасик принялись собирать круглые, как бильярдные шары, обкатанные водой камушки.

Семенов достал сигареты, и мужчины закурили, присев на берегу.

Солнце коснулось нижним краем верхушек гор, по залитой золотом земле протянулись от скал и деревьев резкие тени.

Река манила разморенных зноем людей, и было бы непростительно уезжать домой, не выкупавшись.

Полез в воду шофер Вагидов. За ним — Стасик, обрасывая на ходу ковбойку и брюки.

Лейтенант Берзин аккуратно сложил обмундирование на камне и теперь ходил по берегу, «щупая» воду пальцами длинных жилистых ног.

Семенов тоже начал раздеваться. При этом он смотрел на Илгу, которая стояла задумавшись, по обыкновению пощипывая нижнюю губу.

— Ну, а вы? — спросил он ее.

Илга пожала плечами и ничего не ответила.

Семенов, потоптавшись на месте, растерев ладонями волосатую грудь, тоже полез в воду, где уже баражались, борясь с сильным течением, купальщики.

Илга с завистью смотрела на мужчин, представляя, как бы сейчас плескалась в воде. Нет, она ни за что не отдала бы себя во власть потока, как это случилось с братом, которого отнесло на несколько метров вниз, она бы поспорила с течением. Ведь что там ни говори, а у нее первый разряд по плаванию, она неплохо ныряла и увлекалась подводной охотой.

Желание выкупаться нарастило, и уже скоро Илга не в силах была противиться ему. Она пошла вдоль берега вверх по течению, туда, где река делала поворот. Почувствовав на себе взгляд Семенова, Илга повернула голову и улыбнулась.

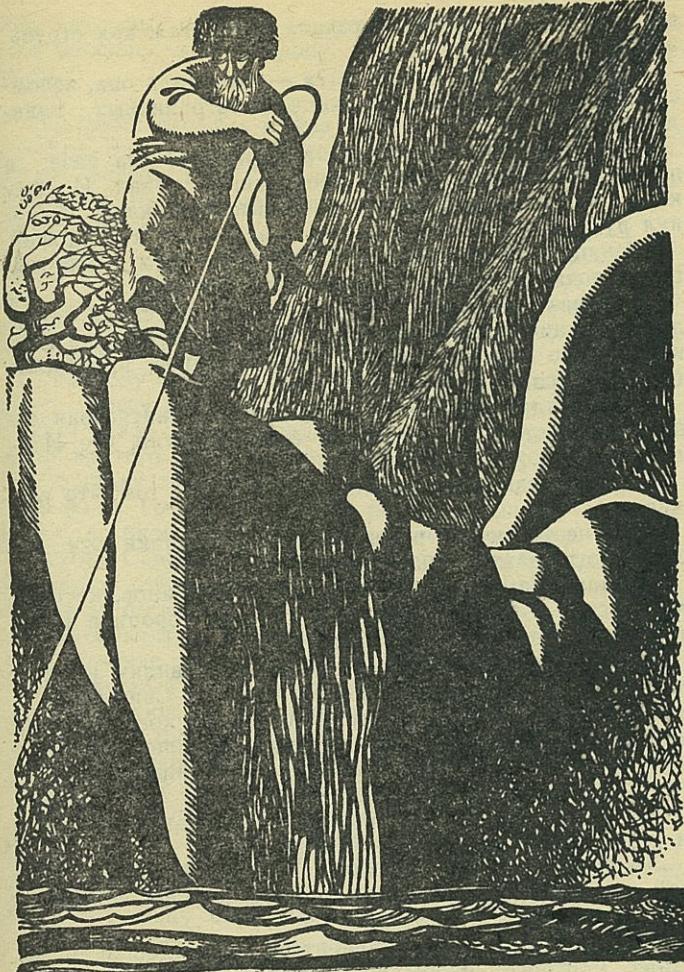
Вот она наконец одна среди каменных нагромождений. Даже голоса не долетали до нее.

Теперь можно было выкупаться и ей. Раздевшись, она постояла немного, потом сколола волосы шпильками, чтобы они не падали на плечи, и, осторожно ступая по острым камням, пошла к воде.

Ей осталось сделать несколько шагов, когда она увидала на противоположном берегу, поднимавшемся высокой сумрачной стеной, белого как лунь старика в длинном сером халате. Старик стоял на узкой каменной площадке и привязывал к скалистому выступу веревку. Занятый делом, он не заметил Илги. Она инстинктивно прижала руки к груди и замерла на секунду, а потом попятилась к лежавшему на камнях платью. Схватив его, она спряталась за выступ скалы и быстро оделась.

Что-то подозрительное было в поведении этого древнего старца, в торопливых движениях его крючковатых рук, затягивающих петлю на веревке.

Осторожно выглянув из-за камня, Илга увидела, как старик, присев на корточки, пристально вглядывался в стремительно бегущий поток, точно надеялся уви-

деть что-то в воде, куда уходила натянутая, как струна, веревка.

«А что если это диверсант?» — подумала она, вспомнив рассказ старшины Кучкина о пограничных инцидентах.

Старик взялся за веревку и дернул ее два раза, а потом что-то тихо сказал, обернувшись назад. И ему кто-то так же тихо ответил из-за выступа скалы, протянул руку с увесистым пакетом, завязанным в целлофан.

Сердце у Илги сжалось. Она сунула ноги в спортивные тапочки и опрометью бросилась к своим.

Над рекой стущился туман, и Илга не сразу увидела пограничников, которые лежали на теплых еще камнях и тихо разговаривали. Она, наверное, пробежала бы мимо, если бы брат не окликнул ее.

— Думала, уехали? — засмеялся он, натягивая сапоги, но тотчас же оборвал смех, заметив, что Илга встревожена. — Что с тобой?

Не переводя дыхания, она рассказала о том, что увидала.

Она не закончила рассказа, а пограничники уже были на ногах, бросились к оружию.

Майор Семенов знал в лицо всех чабанов, которые пасли скот в горах. Человек, о котором говорила Илга, ни на кого из них не был похож.

— Вагидов, срочно поезжайте на развилку и подключитесь к розетке, — приказал он. — Свяжитесь с капитаном Вальским. Пусть вышлет поисковые группы в район обнаружения неизвестного и дополнительные наряды для перекрытия границы. Пусть информирует о нарушении границы соседей.

Вагидов повторил приказание начальника заставы и побежал к машине.

— Пап, я останусь с вами, — попросил Стасик. Ему так хотелось помочь пограничникам в задержании нарушителя.

— Нет! Ты и Илга отправитесь с Вагидовым на заставу. Смотрите, чтобы не разбились бытули с водой.

Все остальные со мной, — скомандовал Семенов и первым бросился в ту сторону, откуда только что пришла Илга.

За время службы майор хорошо изучил особенности участка. Зимой здесь перевалы и большинство троп заносил снегом и они становились недоступными для движения. Частые снежные бураны и туманы затрудняли ориентировку.

Теперь в горы пришла весна. Открылись перевалы и тропы. На всем участке заставы вблизи государственной границы жители сопредельной стороны начали пасти скот. Под видом пастухов, ищущих затаившихся овец или лошадей, могли проникнуть лазутчики.

Семенову хорошо была известна каменная площадка на берегу реки, о которой говорила Илга. Ее выдолбили в скале много десятилетий назад, когда неподалеку от крутого берега в широком ущелье стояло селение. С площадки спускали на веревке ведра и доставали из реки воду. Теперь от селения остались только глиняные стены, до оконных проемов размытые дождями.

Когда Семенов, Караев и Берзинь прибежали к тому месту, откуда Илга увидела старика, на площадке никого не было.

Переправиться здесь на другую сторону — нелегкое дело. Течение в этом месте особенно сильное, а выбраться на отвесный берег почти невозможно.

И все-таки майор Семенов решил это сделать.

— Нас трое, — сказал он. — Будем страховать друг друга веревкой. Первым попытаюсь переплыть реку я. За мной пойдет Мамед, а потом вы, Берзинь.

Семенов обвязался веревкой, надел автомат на спину и бросился в воду. Спустя несколько минут он был на середине реки. Течение подхватило его и понесло вниз. Но Караев и Берзинь крепко держали веревку, помогая пловцу бороться со стихией. Постепенно он отвоевывал расстояние у бурливого потока и, наконец, подплыл к берегу, схватился за выступивший из воды

камень. Закрепиться на нем было делом одной минуты, и вот уже он подал знак форсировать реку следующему. Спустя полчаса все трое были на берегу, а вернее, даже не на берегу, а у подножия скалы, уходившей в воду. Площадка, на которой Илга увидела старика, находилась в нескольких метрах вверх по течению. Не приходилось рассчитывать на то, чтобы подплыть к тому месту — течение здесь было самое сильное.

Сидя на камне, Семенов всматривался в скалистый берег, пытаясь отыскать в нем углубления и выступы, по которым можно подняться вверх.

«Вагидов, наверное, уже добрался до розетки и связался с заставой, — думал он. — Сейчас поднимут всех по тревоге, перекроют границу. Вышлют поисковую группу к площадке.

Однако люди прибудут сюда еще не скоро. Им придется преодолеть реку по канатному мосту, в семи километрах отсюда; пересечь перевал. Сейчас нужно прежде всего рассчитывать на себя».

И еще Семенов думал о лазутчиках: «А что, если они увидели Илгу и подались назад, за кордон?»

— А ну-ка спустите меня по течению вон к тому выступу, — сказал он товарищам. — Кажется, там можно выбраться наверх.

Семенов поправил автомат и снова бросился в воду. Сидевшие на камне Караев и Берзин постепенно отпускали веревку, к которой он был привязан.

— Стоп! — крикнул он, поравнявшись с выступом. Семенов схватился рукой за камень и посмотрел вверх, на огромную трещину в скале. По ней можно было подняться. — Давайте сюда! — крикнул он ожидавшим на камне и натянули веревку.

Караев и Берзин поплыли к майору. Течение тащило их к заветному выступу, где закрепился Семенов.

— Не выпускайте из рук веревки! — предупредил он подплывающих.

Стремительный поток вихрем закрутил пловцов и пронес мимо. Семенов чуть «травил» конец веревки и

постепенно ее натягивал. Какое-то время силы у человека и воды были равны, и державшиеся за веревку не приближались и не удалялись от выступа. Но уже скоро Семенов понял, что не сможет подтянуть к себе товарищей. И они это поняли тоже.

— Бросаю веревку, — сказал Караев лейтенанту. — Тебя одного он вытянет.

— Разобьешься о камни, башлык, — ответил Берзин.

— Не беспокойся, ёлдаш*. Я эту реку вдоль иоперек знаю.

Караев отпустил конец. Течение подхватило его и потащило вдоль скалистого берега.

— Не ждите меня! — крикнул он.

Семенов сразу почувствовал облегчение и стал подтягивать барахтавшегося в потоке Берзина. Вот он уже подал лейтенанту руку и вытащил его на сушу.

— Что с Караевым? — спросил майор.

— Отпустил веревку. Ждать не велел. Говорит, что в таких переплетах ему приходилось бывать. Выплывает. Отсюда есть выход?

Семенов показал на темную щель:

— По ней попробуем подняться.

— Узка больно! С вашей комплекцией нелегко.

— А твоя на что? Первым полезешь. А потом брошишь мне веревку. Если не удержишься — сильней отталкивайся ногами, чтобы упасть в воду. Давай двигай.

Берзин подтянулся на руках и выбрался на уступ. Майор помог ему укрепиться на камнях.

Доложив о нарушении границы начальнику отряда полковнику Коваченко, капитан Вальский тотчас же отправился с пятью пограничниками и розыскной собакой на правый фланг, откуда три часа назад поступил сигнал тревоги.

* Товарищ.

Конники несутся во весь опор — знают, как дорога бывает на границе минута. Собака с ними. Пограничники возлагают на четвероногого друга большие надежды. Да это и понятно. Ведь собака может различить и запомнить миллионы запахов.

Создав умные кибернетические машины: чувствительные фотоэлементы вместо глаз, микрофоны вместо ушей, — человек пока еще мало продвинулся в своем стремлении иметь хотя бы примитивный обоняющий прибор. И неизвестно, создаст ли он такой когда-либо.

Поэтому на границе собака незаменима. Ее «мнение» считается авторитетным.

... Пограничники уже в глубоком каменном ущелье. Они сходят с коней и пробираются по узкой тропе.

Ущелье сомкнулось — двоим разойтись невозможнно. Склоны кое-где заросли черным, как деготь, мхом, а кое-где так обкатаны горными потоками, что кажется, их обрабатывали шлифовальными кругами.

Тропа приводит пограничников к месту, где лазутчик пробрался в тыл. Несмотря на то, что с момента нарушения границы прошло несколько часов, собака быстро берет след.

Солдаты тщательно осматривают местность. Шульгаев достает из сумки полиэтиленовую флягу с герметически закрытой горловиной и ветеринарный шприц. В его задачу входит взять с поверхности следа запах нарушителя. Заключенный в сосуд, этот запах может держаться там несколько месяцев. Его можно перевозить на любое расстояние и при первой же надобности извлечь как вещественное доказательство, что обнаруженные на земле следы принадлежали именно этому человеку. Кроме того, «законсервированный» запах поможет выявить нарушителя за десятки, а то и сотни километров от линии границы, спустя несколько месяцев.

Преследование начинается.

Оставшиеся на заставе пограничники увидели знакомую машину, бросились к шлагбауму.

Резко затормозив, Вагидов выскакивает из кабины, забирается в кузов и подает солдатам бутыли с водой, которые оберегали дорогой от толчков Илга и Стасик. А тем временем в машину садятся пограничники с автоматами и собакой. Среди них и старшина Кучкин. Он так озабочен сейчас, что не замечает Илги.

Кучкин был немного щеславен, как, вероятно, все старшины, отдавшие армейской службе свою жизнь. Юркий, с невыразительными чертами лица, видимо, уже навечно оставшийся в холостяках, старшина Кучкин, однако, считал себя кавалером первой статьи и интересным собеседником. Он любил рассказывать женщинам про всякие пограничные случаи, связанные с задержанием шпионов и диверсантов, и этим на первых порах завоевывал расположение «слабого пола». Но беда старшине заключалась в том, что ни о чем другом он так рассказывать не умел.

Он никогда не согласился бы жить в городе, среди грохочущих трамваев и машин, среди разноголосой толпы, бесконечно снующей по улицам и площадям. В городе старшина не мог услышать, как разговаривает с вершинами гор ветер, как тает снег, как высоко в небе поет песню жаворонок, как растет под ногами трава. Город раздражал Кучкина, мешал ему сблизиться с природой, которая была желанна и понятна старшине, помогала ему выполнять порученное дело.

Вагидов снова садится за руль.

Попасть на другой берег реки можно либо по канатному мосту — а для этого требовалось сделать изрядный крюк, — либо на лодке, в том месте, где течение не столь быстрое. Ехавшие на машине пограничники решают использовать обе возможности с тем, чтобы распределить людей — обстоятельство очень важное во время поиска.

Команду, которая будет форсировать реку на лодке, взглянул старшина Кучкин. Его люди взяли с собой собаку по кличке Альма, автоматы, портативную радиостанцию и фонари с батареями.

Альма считалась лучшей ищейкой на заставе, была злобной и не хотела никого признавать, кроме сержанта Климова, вырастившего и воспитавшего ее еще до призыва в армию.

К месту переправы пограничники во главе с Кучкиным прибыли в сумерки, а когда форсировали реку, стало совсем темно. Лодку спрятали в небольшой каменистой бухточке, неподалеку от наблюдательного поста.

Земли не видно под ногами, но старшина Кучкин, идя впереди всех, свободно ориентировался в темноте. Несмотря на то, что ему было за сорок (в эти годы слух идет на убыль), он за несколько метров слышал писк комара, мог свободно различать слова, произнесенные шепотом, мог точно определить направление, откуда пришел тот или иной звук. Его можно было сравнить с охотниками, постоянной заботой которых является выслеживание зверя или птицы.

Мир звуков был для пограничников таким же привычным, как мир запахов для дегустаторов парфюмерных фабрик.

Идя за Кучкиным, они уже машинально, по привычке, вслушивались в легкий посвист пролетавшего над головой ветра, в журчание пробегавшего где-то неподалеку ручья, в шорох листвы и трав. И старались запомнить их, понять, объяснить...

Собака натянула поводок: учудила на камнях теплый след. Инструктор Климов остановился и толкнул в бок старшину.

— Давай, — говорит Кучкин.

Сержант отпускает поводок, и Альма кидается в сторону. Пограничники бегут за ней. Автоматы на изготовку.

Старшина внезапно останавливается, велит всем лечь за каменный выступ, достает ракетницу. Глухой хлопок, и над горами повисает белая осветительная ракета.

Впереди пограничники видят человека с черной коз-

линой бородкой в разодранной одежде, без шапки. Он вдруг неуклюже припал к земле и пополз за камень.

Альма с рычанием кидается вперед. Вслед за ней — Климов.

— Ни с места, бросай оружие! — кричит он.

Незнакомец встает и начинает размахивать перед собой палкой, стараясь отпугнуть Альму.

— Придержи собаку! — просит он на русском языке.

Голос кажется старшине знакомым.

— Назад Альму! — приказывает он Климову.

Сержант тянет поводок на себя.

— Ты, что ли, Мамед-ага? — спрашивает громко старшина. Председателя колхоза он знал хорошо. Мамед Караев тоже в свое время был пограничником. И еще каким! Он служил в этих краях, сражался с контрабандистами, перегонявшими из Советского Союза гурты скота, с басмаческими шайками.

Когда началась Отечественная война, Караева взяли в пограничный отряд переводчиком с персидского и курдского. Теперь он возглавляет скотоводческий колхоз.

— Ахов!* Мамед! — еще раз позвал Кучкин.

— Он самый... — наконец отозвался тот.

Старшина подходит к нему. Здороваются за руку.

Ракета догорает. И снова все окунается во мрак. Теперь он кажется гуще и непрогляднее.

— Как ты здесь оказался? Где наши? — спрашивает Кучкин.

Председатель в двух словах рассказывает о случившемся: его тащило течением, он чуть было не утонул, когда его стукнуло камнем по голове на перекате. На какое-то мгновение он потерял сознание, спасибо еще, река в этом месте делает кругой поворот, и его выбросило на берег.

Старшина осматривает голову Караева.

— До золотой свадьбы заживет, — успокаивает он.

* Эгей!

— Ой беда, растянул сухожилья на ноге, — говорит Каравей.

— И это пройдет. Значит, они зацепились? — переспрашивает старшина. — Как думаешь, башлык, поднялись наверх? Там берег такой, что не каждому альпинисту под силу.

— Думаю, поднялись, — говорит председатель колхоза. — По трещине.

— Выстрелов не слышал?

— Ни одного.

— Ладно, пойдем. Или не можешь?

— Боль такая, удержу нет.

— Потасцим.

— Ни к чему, ёлдаш. Отлежусь здесь. Завтра пришли машину. Вам нужно торопиться.

Солдат Степаков подходит к председателю и подставляет спину.

— Держитесь и считайте, что сидите на своем добром скакуне, как бывало когда-то.

Мамед обхватывает шею крепкого, как дубок, солдата руками, и небольшой отряд трогается.

Начальник пограничного отряда Коваченко был в штабе, когда позвонил капитан Вальский и доложил о случившемся. Сообщения такого рода не являлись для полковника чем-то необычным. Но всякий раз, когда они поступали в штаб то с одной заставы, то с другой, Коваченко весь напрягался, забывал обо всем, кроме дела, боясь упустить какую-нибудь важную деталь. Он мог бы привести десятки примеров, когда мелочь, которую не учли заранее, намного осложняла поиск нарушителя.

Коваченко представил себе силы и средства застав (они были достаточными для надежного перекрытия государственной границы), представил себе организацию охраны на участке, расстановку постов, взаимодействие и связь нарядов.

Утвердив решение начальника заставы, командир привел в боевую готовность резерв отряда.

Через несколько минут поднятые по тревоге солдаты и офицеры отряда ехали на машине в горы.

Полковник прошел в комнату связи и попросил соединить его по радио с поисковой группой, которую возглавлял Вальский.

Узнав от Вальского, что его группа стала на след, полковник приказал капитану продолжать преследование нарушителя до полного выполнения задачи.

Начальникам соседних застав он приказал вести параллельное преследование и поддерживать связь между собой и с группой Вальского.

Коваченко, уточнив обстановку, решил блокировать район поиска, потом позвонил в округ и попросил два вертолета для высадки дополнительных нарядов на путях вероятного движения лазутчиков.

Семенов знает: вести поиск ночью в горах без собаки — дело не только трудное, но и рискованное. Ведь лазутчики, если им будет грозить опасность, легко могут отделаться от преследователей одной короткой очередью.

Главной задачей майор считает сейчас не преследование, а перекрытие выходов из ущелья со стороны границы. По расчетам, нарушители не должны были оторваться слишком далеко. И все-таки Семенов и Берзинь идут ускоренным шагом, а то и просто бегут, выбирая кратчайшее расстояние.

Разгоряченные быстрой ходьбой, они не замечают, что на них сырая одежда, что мокрые портнянки сбились в сапогах и трут ноги.

Только дойдя до границы, почувствовали, как устали.

Семенов знал три выхода из ущелья. По какому пойдут нарушители?

Посовещавшись, офицеры решают развести костры в камнях у каждого выхода. Расчет прост: лазутчики увидят огонь и повернут в боковые расселины ущелья, которое идет вдоль границы. Конечно, Семенов и Бер-

зинь в этом случае не смогут их задержать, но сейчас главное — не дать нарушителям уйти обратно, преградить путь к отступлению, продержаться до подхода поисковых групп.

Семенов и Берзинь сидят в укрытии, внимательно смотрят, что происходит вокруг, вслушиваются в ночную тишину, лишь изредка прерываемую криком неведомой птицы. От свет костров пляшет на скалах, выхватывая из темноты нависшие над головой громады.

Горы почти сливаются с черным небом, и только по длинной звездной полосе над головами можно определить ширину ущелья. Крупные звезды у верхних кромок гор кажутся огнями раскинувшихся на гребнях селений. Откуда-то густо тянет сыростью.

Семенов старается не глядеть на огонь, чтобы не расстроить зрение.

Подбросив в костер дров, майор отходит в сторонку. Точно так же поступает и Берзинь, следя за костром в другом отщелке.

Семенов думает о своей беспокойной жизни, о том, что надо быть всегда начеку, о Маше, которая, конечно

же, не спит сейчас, волнуется. Как-то она сказала, что не переживет, если с ним что-нибудь случится.

Нет, ничего с ним не случится. Конечно, служба на границе отличается от службы где-нибудь в глубинке страны. На границе воины и в мирное время выполняют боевую задачу. Но ведь он не какой-нибудь допризывник, который и пороху-то не нюхал. Он командир, имеющий за плечами годы и годы службы на границе. Случалось, конечно, всякое и с ним. В одной из стычек с контрабандистами его ранили в руку. Но это было так давно, что и «метина» на ладони уже стерлась. Вот тогда он действительно был еще необстрелянным и, конечно, не начальником заставы, а всего-навсего рядовым бойцом.

Теперь другое дело. Он хорошо знает повадки лазутчиков. Знает методы их «работы». Первая забота всех лазутчиков — действовать скрытно. Враг, как черт ладана, боится костров на своем пути, да еще таких, возле которых нет людей. Стало быть, люди эти, думает враг, где-то притаились поблизости, ждут его появления. В таких случаях он поворачивает обратно. А это сейчас и надо Семенову: пока не подоспят по-

границники с розыскными собаками, он посидит здесь в «секрете». И если будет нужно, примет бой. По всем правилам военного искусства. Нет, его не так-то легко взять. Так что Маше нечего беспокоиться.

Потом он вспоминает, как сегодня утром, увидев в кузове грузовика Илгу, Маша устроила ему у машины сцену ревности: на полуслове прервала с ним разговор, а когда он, ничего не поняв, коснулся пальцами ее локтя, резко повернулась и отстранила его руку.

Ему случалось и раньше испытывать на себе обидчивый характер жены, она могла из-за пустяка надуться и не разговаривать, могла расплакаться, но до такого еще не доходило.

Интересно, как бы поступила Илга на месте Маши?

Впервые Семенов увидел Илгу месяца два назад на железнодорожной станции. Илга только что сошла с поезда. В коротком (таком коротком, что видны были острые колени) светло-красном платье, она невольно заставила Семенова сравнить ее с горным тюльпаном, выросшим на каменистом плато среди сухой прошлогодней травы и колючек.

Илгу встречал ее брат Янис Берзинь, с которым Семенову частенько приходилось сталкиваться по службе.

Майор, приезжавший на станцию по делам, охотно согласился подбросить их до дома на своем газике.

Обмениваясь дорожными впечатлениями со старшиной Кучкиным, который вел машину, Семенов невольно прислушивался к беседе брата и сестры. Впрочем, говорила в основном Илга. Сначала рассказала о Риге, о новых районах, появившихся в столице республики за последние годы, о том, что идет в театрах, потом начала восторгаться дорогой, по которой они ехали, горами со снежными шапками, аркой, растущей прямо на скалах, орлами, парящими высоко над головой.

Илга держалась удивительно просто, непринужденно. Казалось, она хорошо знала ехавших в машине и во

что бы то ни стало хотела сделать их соучастниками своих переживаний.

Увидев родничок и зеленую лужайку среди живописных камней, Илга попросила старшину остановить машину и предложила всем сделать привал. Она велела брату принести чемодан, достала оттуда огромный торт и разрезала его на куски, щедро оделяя всех изделием своей тетушки, у которой жила. Потом извлекла из недр чемодана коричневую глиняную бутылочку с черным рижским бальзамом и дорожную пластмассовую кружку. Наполнив ее, Илга предложила каждому попробовать необычный целебный напиток, состоящий, как она тут же объяснила, из спиртового настоя двадцати различных масел, трав, корней, специй и ягод, часть из которых привозилась из далекой страны инков — Перу.

Напиток и впрямь оказался необычным, напоминал сахарную жженку и был довольно крепким.

Когда все снова заняли места в машине, разговор стал общим — о Рижском взморье, об отдыхе.

В конце четырехчасового пути майор уже кое-что знал об Илге. Она росла без родителей (погибли в войну). По окончании института преподавала естествознание. Выходила замуж. Разошлась. Распродала все свои пожитки и вот приехала к брату в надежде устроиться на работу в здешних местах.

— Поможем, — сказал ей тогда Семенов. Маша была директором средней школы, которая находилась в соседнем ауле, и он был уверен, что она возьмет Илгу преподавателем.

Спустя некоторое время произошла вторая встреча Семенова с Илгой. Это случилось под вечер, когда он возвращался из Барсова ущелья с проверки наряда. Службой солдат он остался доволен, и настроение у него было отличное.

Неподалеку от заставы он слез с коня и пошел по узкому карниzu. Обогнув гору, увидел в ущелье Илгу. Она прыгала с камня на камень, останавливаясь на минуту, чтобы полюбоваться на маленькие чудеса, кото-

рые ей попадались на каждом шагу. Путь ей преградила каменная ванна с водой. Кто ее выдолбил и отшлифовал в скальном массиве? Илга присела на край, сунула в углубление ноги и стала болтать ими, закинув голову и глядя на парящего в небе орла. Потом вскочила и побежала дальше к пламенеющим на камнях тюльпанам. Серые бездушные камни и живые красные цветы среди них — разве это не чудо! Наверное, только в горных долинах можно встретить такие цветы, они вобрали в себя все тепло, все присасенные природой для этих мест краски. Илга набрала целый букет.

Она останавливалась, чтобы посмотреть на смешно ковылявших черепах, больших, серых и грязных, похожих на нечистоплотных старух, и маленьких — с зелеными и желтыми панцирями. Их было много в ущелье. Иногда попадались раздробленные панцири. То ли черепахи сами срывались с высоты и раскалывались, то ли их сталкивали орлы.

Илга встала, будто зачарованная, перед горой, похожей на старинный полуразвалившийся замок. Виднелись башни, бойницы и даже подвесные мосты. И все это сделал ветер, из века в век обдувавший со всех сторон горы.

Несколько минут она стояла задумавшись, по обыкновению пощипывая нижнюю губу. Семенов приставил к глазам бинокль и поразился не меньше, чем она, при виде горы, похожей на замок. Илга показалась ему в ту минуту старой, усталой.

И он пожалел, что застал Илгу врасплох. Лучше бы он никогда не видел ее такой.

В ущелье ей попались рога горного козла вместе с черепом, белым, как мел, промытым и перемытым весенними водами, высушенным ветрами, прокаленным солнцем, промороженным горным морозом. Она долго рассматривала рога, а потом осторожно положила на камни.

Перед ней был завал. Она решила обойти его по карнизу.

И тогда Семенов окликнул ее. Он вдруг испугался, что она упадет.

Она помахала ему рукой, крикнув, чтобы он подождал ее, начала карабкаться по камням вверх.

Майор провел лошадь до конца карниза, а потом стал спускаться ей навстречу.

И опять изумился, подходя к Илге. Лицо ее казалось таким свежим, а широко открытые глаза излучали столько живого блеска и тепла, что Семенов даже усомнился в том, что видел ее иной.

Он подал ей руку, помог забраться на карниз. Рука Илги оказалась нежной, как у ребенка. Он приблизил ее к своему лицу и стал рассматривать тонкие длинные пальцы с перламутрово-розовыми, ухоженными ногтями. Давно уже он не видел таких рук, а может, и никогда не видел. Как-то невольно в ту минуту припомнились руки Маши, округлые, будто нитками перевязанные в запястье с короткими, по-мужски крепкими пальцами. Ногти Маша всегда стригла так, что из-под них выпирали розовые подушечки.

Илга забросала майора вопросами. Ее интересовали тушканчики, дикобразы, иглы от которых она нашла в ущелье.

Семенов был не очень разговорчив. А тут вдруг неожиданно для себя разговорился. Сказал, что тушканчиков надо уничтожать.

— Почему уничтожать?! — удивилась Илга и часто-часто заморгала широко раскрытыми глазами. У нее это получалось очень ловко, словно у наивной девчонки. Она кокетничала с ним — это Семенов видел. И ему это нравилось.

— От них пендинки, — сказал он.

О пендинках она слышала. И даже видела на лицах местных жителей зарубцевавшиеся язвы величиной с полтинник.

— Кто бы мог подумать, что эти долго не заживающие меты оставляют после себя маленькие, почти невидимые москиты! — удивилась Илга, узнав от майора,

ЧТО МОСКИТЫ заражаются ядом от грызунов пустыни, а потом вместе с песком переносятся ветром на далекие расстояния и кусают людей, награждая их болезнями, как малярийные комары и энцефалитные клещи.

Разговор оборвал выбежавший из-под самых ног заяц. Рыжеватый, с желтыми подпалинами на боках, он ошалело мчался по горной тропе и, только стукнувшись о лежавший на его пути камень, отскочил в сторону.

Молча они обогнули одну гору, потом другую.

Илга спросила его о жене, о детях.

— Я их не вижу совсем. Ухожу на службу — жена еще спит. А потом она отправляется в школу, за пять километров, возвращается поздно. Старший сын только летом с нами, он в интернате. А дочка у тещи на Кубани.

— Трудная у вас жизнь, — сказала Илга и как-то по-особому тепло посмотрела на майора.

— Легкой жизни не бывает, — ответил он.

— Да, это так, — сказала она и задумалась.

— Вы о чем? — спросил он через минуту.

— О счастье.

— Это интересно!

— Вы считаете себя счастливым?

Он не знал, что ответить ей.

Считал ли он себя счастливым? У него была трудная, но интересная работа, семья, дети — все, как у других. Никаких отклонений от нормы. А может быть, счастье — это совсем другое? Когда нормы не принимаются во внимание?

— Счастье, как и все остальное, наверное, познается в сравнении, — сказал он. — Если бы слепому дали один глаз — он считал бы себя самым счастливым человеком на земле.

Илга улыбнулась:

— Совсем по Чехову. Помните, у него есть такой рассказ...

Они засмеялись.

— Может быть, счастье — это то, чего у человека нет? — сказала она. — Ведь не случайно счастье сравнивают с жар-птицей, которую никто никогда не видел.

— Ну, а вы считаете себя счастливой? — спросил Семенов.

— Нет, не считаю.

— Но вы все равно похожи на счастливую. Все красивые похожи на счастливых.

— Не знаю. — Она приняла его слова как должное, видно, давно привыкла к комплементам. — Однажды я слышала от старой женщины, что среди красивых больше несчастных, чем среди некрасивых. Именно красота, наверное, и дается тем, кому не досталось счастья. Хочите, я вам расскажу о себе? — Она заглянула ему в глаза. — Или вам это будет неинтересно?

— Хочу, — сказал он.

О своей жизни Илга рассказывала просто, без стеснения, иногда с легкой усмешкой. В ее словах не было жалобных ноток,вольно или невольно рассчитанных на сострадание к себе.

Она никого не обвиняла в том, что у нее сложилась жизнь так, а не иначе, ни на кого не сетовала.

С мужем у нее были и хорошие дни. Когда они поженились, уехали летом на Кавказ. Жили на берегу моря. Вооружившись аквалангами, ластами, проводили исследования по специальной программе. Илга открыла для себя новый, доселе не знакомый ей мир.

Когда Илга окончила институт, мужа послали в длительную командировку. И она, конечно, поехала с ним. Жили в палатках. Он мотался с геологической партией с одного места на другое, она хотела устроиться поблизости в селе на работу — не могла снять комнату. Хозяйки почему-то считали, что с такой девицей беду в доме можно нажить, что Илга внесет разлад в их разменную, раз и навсегда устроенную жизнь. Они не верили ее красоте.

«Да, немногие женщины способны терпеть рядом другую, если видят в ней соперницу, — подумал Семенов. — Маше не нравилась Илга, она называла ее за-летной красоткой, ищущей женихов; побрякушкой, пустой, взбалмошной девицей, хотя для этого не было никаких оснований».

— Потом у нас родился ребенок, — продолжала Илга. — Но радости не было: он появился на два месяца раньше положенного, все время болел. Целый год продолжалась борьба за его жизнь, и этот год был для меня сплошным страданием...

Семенов взглянул на Илгу и увидел глаза, полные слез.

— Не надо. Лучше помолчим, — сказал он.

Она быстро отвернулась, вытерла слезы.

— Он умер, — Илга опустила голову. — Я думала только об одном: почему умер он один. Зачем было жить?

Муж растерялся. Он не мог, не знал, как подбодрить меня в то время.

Чтобы не думать о происшедшем, он целыми днями пропадал на работе, приходил домой поздно и, как правило, выпивши. Нет, он не боялся, не скандалил. Он просто жил какой-то непонятной, своей жизнью.

Я впервые почувствовала себя одинокой, хотя он был рядом, что-то говорил, что-то делал.

Соседи выговаривали ему:

— Нельзя так, нельзя оставлять ее в таком состоянии одну. Возьми отпуск и уезжайте отсюда, отвлекитесь.

— Он отмалчивался, уходил из дома, а потом уехал в экспедицию на Урал.

Я поняла, что мы стали друг другу чужими, ненужными.

А через два месяца я приехала сюда, к брату.

Слушая Илгу, Семенов думал о том, как несправедлива, как немилостива порой бывает судьба к челове-

ку. Ну зачем нужно было ей взваливать на эти хрупкие, совсем еще девчоночки плечи столько горя?

Семенову вдруг захотелось как-то подбодрить Илгу. Но он не знал, как это сделать, только остановился вдруг и обнял ее. Она не отстранилась.

Потом они долго шли молча. На одной из базальтовых огромных глыб, нависавших над головами, они увидели странную надпись, сделанную чуть ли не метровыми буквами: «Пусты!» Кто и когда нацарапал белым камнем тут это слово? Скорее всего кто-то из пограничников в ответ на какие-то свои мысли.

Слово это поразило тогда их обоих.

— Пусть! — сказала Илга, как некое заклинание, как клятву.

Семенов посмотрел на нее с некоторым испугом — неудержимая, безрассудная решимость прозвучала в ее голосе.

И позже, проходя под этой глыбой, он всякий раз вспоминал, как она сказала это «Пусть!», и всякий раз пугался чего-то.

Группа Кучкина добирается до площадки на берегу реки. Старшина, присев на корточки, освещает фонарем камни под ногами. Его опытный взгляд замечает следы лошадиных копыт, он измеряет их, ставит веху.

Инструктор службы собак Климов пускает ищейку по следу.

Альма сразу устремляется к государственной границе, а потом вдруг сворачивает в сторону.

Пограничники двигаются сначала по глубокой щели, поросшей кустарником, потом поднимаются вверх, устанавливают связь с заставой и докладывают о своем местонахождении, о направлении следа нарушителя.

Теперь преследование ведется в скалах, по карнизам, над отвесными обрывами.

А в горах ночь. Черная, непроглядная темнота окружают пограничников, заставляет их двигаться с предель-

ной осторожностью. Собаку иногда приходится переносить на руках, поднимать на веревках.

Между тем соседние заставы перекрывают границу, направления вероятного движения лазутчиков. К площадке, где был обнаружен старик, вскоре прибывает и капитан Вальский с солдатами. Он идет по ущелью параллельно поисковой группе Кучкина. Через четыре километра на одном из карнизов с левой стороны он обнаруживает поисковую группу старшины и помогает ей спуститься на тропу в ущелье.

Уставшую Альму подменяют Лордом — собакой из группы Вальского.

Степаков доволен: это он по совету Климова выучил простую сторожевую собаку ходить по следу.

Спустя сорок минут на след ставят и отдохнувшую Альму.

В половине первого ночи пограничники настигают нарушителя, укрывшегося в небольшой выемке, на одном из труднопроходимых карнизов. В руках его блестит нож. Сержант Климов с проворностью кошки бросается на лазутчика. Холодное оружие отлетает в сторону, а нарушитель вскрикивает от неожиданной боли.

Нарушителем оказывается старик, которого Илга видела на площадке. Халат на нем вывернут наизнанку — черной подкладкой наверх. Борода свалялась и клочьями торчала из-под темного платка, которым было обвязано лицо до самых глаз. Водянистые, полуоткрыты красными веками глаза слезились. Он вдруг что-то забубнил под нос, загораживаясь от света фонаря, то и дело повторяя одно и то же слово «коня».

Задержанного отправили с Климовым и Шульгаевым на заставу, чтобы установить, с какой целью старик перешел границу, был ли он один или ему кто-нибудь помогал. Нужно было выяснить, не выбросил ли нарушитель что-нибудь дорогой, не оставил ли где-нибудь, не спрятал ли.

Глава вторая

ПОЛКОВНИК Коваченко просматривает документы, которые ему принесли на подпись. Вентилятор не приносит облегчения, лишь шевелит на затылке полковника короткие светло-русые волосы. Коваченко встает из-за стола, подходит к шкафчику и достает большой фарфоровый чайник с зеленым кок-чаем и пиалу.

Полковник высок ростом, хорошо сложен. Ему сорок пять, но, глядя на него, думаешь не о годах, а о его силе и жизненной энергии. У полковника небольшие светлые глаза, розовое лицо, выгоревшие брови. Кажется, он только что приехал из отпуска. Между тем Коваченко, наверное, уже забыл, когда и отдыхал. А с тех пор, как в его кабинете раздался звонок, известивший о переходе лазутчиком границы, он вообще не смыкал глаз.

Входит начальник штаба, докладывает о ходе поиска, отмечает бдительность дружинника — председателя колхоза Карапова и учительницы Илги Берзинь, которые помогли пограничникам обнаружить нарушителя. При упоминании майором фамилии школьной учительницы Коваченко подумал о светловолосой, глазастой девушке, с которой он уже дважды встречался по делу задержанного старика. Она произвела на полковника хорошее впечатление. У нее были интересные мысли о работе добровольных дружин, о дрессировке собак.

Помнится, она проявила незаурядную осведомленность о природе обоняния. Он и не знал, например, что бабочка посыпает свой запах (иной раз против ветра) на несколько километров.

— Нет, здесь и речи не может быть о летучих частичках пахучего вещества, выделяемого бабочкой! — говорила она уверенно. — Здесь посыпаются особого рода волны!

Коваченко придерживался иного мнения. Он считал, что молекулы вещества попадают на слизистую оболоч-

ку и вызывают определенный запах. Но он понимал и Илгу. Ведь если запах — это волны, значит его можно передавать по радио и телевидению на огромные расстояния, значит его можно принимать, и соответствующая аппаратура позволит человеку со временем нюхать цветы, растущие на планетах туманности Андромеды.

Полковнику было приятно, что Илга понимала заботы и нужды пограничников.

Коваченко с удовлетворением так же отметил, что майор Семенов действовал со знанием дела. Костры, зажженные по его инициативе у выходов из ущелий, конечно, заметил лазутчик, и это заставило его изменить маршрут, что было на руку поисковым группам.

Поисковые группы хорошо организовали взаимодействие. За четыреочных часа пограничники капитана Вальского и старшины Кучкина преодолели расстояние, которое нарушитель прошел за десять часов в светлое время суток. Хорошо были натренированы собаки, взяли след трехчасовой давности и шли по нему около десяти километров в необычайно трудных горных условиях: по кустарнику, сухой траве, по скалам.

Правильно была организована радиосвязь поисковых групп с заставой и отрядом. Когда пограничники находились глубоко в ущелье, они передавали донесения о своих действиях в штаб отряда и получали от полковника указания с помощью ретранслирующей радиостанции, установленной на выходе из ущелья.

Используя предварительные планы на случай поиска и задержания нарушителей, начальники застав в короткие сроки сумели перекрыть границу и направления вероятного движения лазутчика.

Но полковник не чувствовал удовлетворения. Как показала проработка следов, нарушитель границы, скрываясь в складках местности, периодически выходил на возвышенности и появлялся в поле зрения одного из наблюдательных пунктов, но обнаружен не был. Правда, появлялся он всего на две-три минуты, и наблюдатель в это время, возможно, смотрел в другую сторону,

но это не могло служить оправданием ни наблюдателю, ни начальнику отряда. Дежурный сигнального аппарата солдат Боровков из-за своей неорганизованности перепутал фланги и дезориентировал капитана Вальского, а тем временем нарушитель беспрятственно двигался по участку в течение нескольких часов.

Впрочем, все это были только предварительные итоги: операция еще не закончилась. Поисковые группы продолжали обследовать местность, искать возможных сообщников старика. И полковник не мог быть уверен, что в ходе поиска не обнаружатся еще какие-нибудь «накладки».

На допросах задержанный твердил одно и то же: границу перешел один, искал лошадей бая, которых пас.

И действительно, спустя некоторое время пограничники обнаружили на советской территории, в нескольких километрах от границы, пять лошадей, принадлежавших жителям сопредельного государства. Все лошади были серой землистой масти, как будто их специально подбирали. И это не могло не обратить на себя внимания.

Когда старика спросили, что он делал на берегу реки, с кем разговаривал, он сказал, что доставал воду, чтобы напиться, а разговаривал сам с собой. Он всегда сам с собой разговаривает, у него такая привычка.

На вопрос, где веревка, к которой он привязывал котелок, старик ответил, что уронил ее в воду.

Казалось, задержанный никакой ценности не представляет, его можно выдворить с советской территории. Но не могла же Илга Берзинь выдумать, что видела протянутую из-за скалы руку и слышала голоса других людей?!

А если это так, то где эти люди? Уйти обратно они не успели, потому что граница была надежно перекрыта. Почему розыскные собаки шли по одному следу? Почему следопыты ничего определенного не могут сказать на этот счет?

Ответов на эти вопросы у полковника не было. Еще ночью, как только был задержан старик, Коваченко попросил начальника штаба принести ему выписки из журнала наблюдений с заставы майора Семенова и с застав, прилегавших к ней с флангов.

В донесениях сообщалось обо всем, что происходило в поле видимости наблюдателей: о выставлении пограничных нарядов, о прибытии легковых автомашин с людьми в гражданской одежде и военной форме, которые подолгу рассматривали в бинокли советскую территорию.

Наблюдатели подробно описывали приметы людей, появлявшихся у границы. Степакова, например, привлек высокий сухопарый старик с длинной белой бородой, похожий, как писал солдат, «на старика Хоттабыча». В последующих своих записях наблюдатель так и называл его.

«Хоттабыч» всегда появлялся в одном и том же месте с небольшим табуном стреноженных лошадей. Он пас их у самой границы, на плоскогорье, с которого хорошо просматривались все четыре стороны. Старик сильно припадал на левую ногу. Он подолгу сидел без движения на сваленной арке, о чем-то думал, глядя на советскую территорию. Однажды он достал из-под полы длинного ватного халата бинокль и стал рассматривать местность, а потом что-то записывал на бумаге.

Команданту пограничной комендатуры это показалось подозрительным и он распорядился усилить наблюдение за стариком. Может быть, именно этот старик и нарушил границу?

Все это настораживало начальника отряда.

Прежде чем выехать на заставу Семенова, откуда полковник намеревался руководить всеми поисковыми группами, он распорядился показать нарушителя наблюдателю Степакову. Через час Коваченко доложили, что солдат опознал старика. И лошадей его опознал, сказав, что, пересчитывая их с вышки, нередко путался — так онисливались с камнями.

Выходило, что «Хоттабыч» — не просто пастух. Но каких-либо серьезных улик у пограничников пока не было.

А между тем к Коваченко уже дважды обращался пограничный комиссар сопредельной державы с просьбой отпустить пастуха, который является-де жителем пограничного аула, кормильцем престарелой жены и больного сына.

Нужно было торопиться со следствием, искать улики, изобличающие старика во лжи. Нужно было узнать, с кем был старик на площадке у реки и куда девались те люди.

Пока никто в отряде этого не знал, и на участках трех застав проводился пограничный поиск.

Искали нарушителей и прославленные следопыты Мурадгельдыев Баба и Амангельдыев Амангельды.

С Мурадгельдыевым в отряде были знакомы с сорок третьего года, с тех пор как он по ранению вернулся с фронта и снова стал в колхозе пастухом.

Может быть, именно эта работа и научила Мурадгельдыева разбираться в следах, а может, дар следопыта был его особым, до конца необъяснимым даром природы.

Мурадгельдыеву достаточно было посмотреть на след, и он мог сказать, с грузом или без груза шел человек, в какой руке он нес груз, сколько времени прошло с той поры, как был проложен след. Ошибка здесь могла быть только в получасе.

Выходя на улицу, Баба узнавал, кто из односельчан проходил мимо его дома вчера вечером, ночью или утром. Старики и старухи говорили, что он связан с волшебной силой, видит ее и разговаривает с ней.

Баба приглашали на заставы, где он проводил занятия по следопытству. Его имя можно было найти на страницах исторического формуляра отряда и в подшивке пограничной газеты. Баба был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отличие в охране государственной границы СССР».

Не меньшей популярностью пользовался семидесятилетний Амангельдыев Амангельды. Еще в тридцатых годах он помогал пограничникам ловить контрабандистов, участвовал в боях с ними и спас жизнь начальника заставы.

Старик отлично знал тропы и ущелья у границы и тоже был частым гостем на заставах.

Полковник пригласил к себе Баба и Амангельды и сказал, что маршрут движения лазутчиков проходит в поле зрения наблюдателей сопредельной стороны, а пограничникам не хотелось бы, чтобы там знали о нашем поиске.

— Придется соблюдать определенные меры маскировки. Какие? Давайте подумаем вместе.

Они решили осмотреть местность под видом колхозников, заготавливающих дрова.

Баба и Амангельды показали след нарушителя. От контрольно-следовой полосы они внимательно изучили каждый камешек, каждую примятую травинку. Проползли на коленях многие сотни метров. И, как слепые читают книги, напечатанные специальным выпуклым шрифтом, руками, поручая им то, что у обычных людей делает зрение, так и следопыты, ощупывая дорогу, узнавали о событиях, которые произошли на ней несколько часов назад. Казалось, в коже их пальцев есть таинственные образования, с помощью которых они видят то, что недоступно глазам.

Для Коваченко все это не было удивительным. Ведь люди не всегда могут довериться зрению. Оно даже мешает иной раз, отвлекает. Опытные хлеборобы из деревни, где он жил до армии, на ощупь определяли, созрела или нет земля для сева, а мукомолы на ощупь узнавали сорт пшеницы, содержание в ней белка. Ему было известно, что сборщики чая и хлопка могут определять сорт и зрелость их только руками. Только на ощупь врачи выявляют некоторые болезни у своих пациентов.

Следопыты старались узнать, какие песчинки сдви-

нуты с места, какие травинки примяты. И кто это сделал, пограничники или нарушители.

Уже было пройдено больше половины пути, когда Баба вдруг остановился и огляделся. Наконец, показывая на ущелье, сказал:

— Там бросил посох.

Сержант Клинов спустился по веревке в узкое, глубокое ущелье и, к своему удивлению, достал палку с ручкой из рога молодого архара.

Баба спросили, каким образом он узнал, что лазутчик закинул палку, и он ответил:

— Отпечатки пропали. Походка изменилась. Без палки нарушитель совсем захромал.

— Но ведь он мог ее кинуть и в другую сторону, — заметил Шульгаев. Он вместе с Клиновым и Степаковым шел со следопытами, набирался опыта у мудрых стариков.

— Я бы так и сказал, ёлдаш, — улыбнулся Баба. — По-разному упирается каблук сапога при броске. Сам понимай.

Палка, обнаруженная в ущелье, оказалась поблой, но в ней ничего не было. Видно, прежде чем расстаться с ней, хозяин уничтожил все, что там находилось.

Полковник по радио поддерживал связь с солдатами, которые сопровождали следопытов. Он приказал положить палку в мешок и прислать в отряд. Здесь ее запах сличили с запахом, взятым раньше с поверхности следа в полиэтиленовую колбу, и пришли к выводу, что она принадлежала нарушителю.

Однако палка мало что добавила к уже имеющимся уликам. Следопыты же ничего убедительного пока сообщить не могли.

Телефонный звонок вывел полковника из задумчивости. Он снял трубку. Мамед Караев. Интересуется, как идут поиски.

— Пока безрезультатно, яшули*, — ответил полковник.

* Почетное обращение.

— Ты можешь принять меня? — спросил Мамед. — Есть важное дело.

Полковник сказал, что уезжает на заставу Семенова, но до отъезда есть еще немного времени, и они могут встретиться.

— Ты где сейчас? Я подошлю машину.

— Ек, ёк*. Не надо. Я в городе со своим конем. Минут через десять буду.

Коваченко и Караев были знакомы давно. На лето полковник даже отправлял своих сыновей к председателю «На кумыс», как говорил он. Дети Караева тоже всегда находили приют в квартире Коваченко, когда приезжали в город. Случалось, командир и председатель встречались по-домашнему, за обеденным столом.

Вошел начальник штаба и снова доложил полковнику об обстановке на границе. Он уже хотел уйти, но полковник попросил его остаться и послушать сообщение Караева.

— Кажется, у него что-то важное.

Караев начал прямо с порога:

— А я узнал нарушителя!

Коваченко заговорщицки смотрит на начальника штаба и предлагает Мамеду сесть.

— Да, узнал, — сильно прихрамывая, председатель подходит к офицерам, здоровается, потом с удовольствием опускается в мягкое кресло у стола и вытирает огромным красным платком вспотевшее лицо и бородку.

Коваченко наливает в свою пиалу чай на самое донышко, подает Караеву. (По старым обычаям местных жителей чай из пиалы хозяинадается самому почетному гостю. И чем меньше чая, тем больше уважения к нему.)

— Это же Алабаш, старый вожак контрабандистов!

Караев рассказал, что Алабаш был очень богатым человеком. Но богатства его никто не видел. В двадцать

* Нет, нет.

шестом у пограничников была с ним первая стычка. Они отбили тогда сто тридцать пудов чая, двенадцать пудов опия, много тюков с шелком. Шайку его разогнали, но самого взять не удалось. Спустя некоторое время он сколотил новую банду и опять появился в этих краях. Неуловимым бандитом был, как вода сквозь песок просачивался.

Прежде чем перейти границу, изучал ее хорошо, следил за местностью. Выходил с наступлением темноты так, чтобы к рассвету быть у населенного пункта или какого-нибудь скрытого места, где можно переждать день, отсидеться.

Вся его группа оставалась в тайнике, а он шел на связь со своим пособником, скрывавшимся на нашей стороне.

К ночи он возвращался, подавал сигнал, и к нему выходил кто-нибудь один из банды, а потом и все остальные. Товар обменивался на валюту, золото и серебро.

У него была цепь изощренных посредников на той и на нашей стороне. От того, кто снабжал опием контрабандистов, до того, кто его продавал на местах за золото и серебро, добраться было трудно. Захватили лишь нескольких пособников.

Как ни пытались пограничники найти его связи — ничего не получалось. Всех родственников Алабаша проверили — безрезультатно. Заставу на пути его перехода поставили.

В последний раз пограничники столкнулись с бандой Алабаша во время войны. Завязалась перестрелка, и он опять ушел.

Его следы привели к старым, заброшенным колодцам — кирizам. Только вызволить оттуда банду не удалось. Ушла по подземелью неизвестно куда.

О киризах полковник много слышал. Они строились в незапамятные времена, и строительство это было необыкновенно трудным и долгим: находили родник в горах, рыли на его месте колодец (а вернее, долбили к

нему дыру в камне) глубиной двадцать-тридцать метров, в зависимости от залегания водяной жилы. Затем на расстоянии десяти-пятнадцати метров один от другого рыли последующие колодцы и соединяли их в нижней части тоннелями. По дну этих тоннелей вода текла с гор на поля баев и ханов. Длина иных тоннелей достигала десяти-пятнадцати километров. Высота и ширина их позволяли ползать на четвереньках, а то и ходить в согнутом положении.

Некоторыми киризами местные жители пользуются и по сей день. Коваченко знал, что кое-кто из военных даже ловит в киризах рыбу с помощью обычных корзин и сачков. Однако многие колодцы давно уже засыпаны землей.

— Наши старики-яшули говорят, будто отдельные киризы связаны с пещерами в горах, — продолжает Каираев. — И может, даже с подземным Янтарным озером.

Звонит телефон. Майор Семенов сообщает полковнику, что следопыты Мурадгельдыев и Амандурдыев добрались до места, где был задержан нарушитель. Других человеческих следов не обнаружено. Баба и Амангельды тщательно изучили следы лошадей и пришли к выводу, что, направляясь к реке, лошади были нагружены, возможно, на них ехали люди, от реки же, а точнее, от площадки, где Илга увидела старика, лошадишли налегке. Больше всего лошадиных следов обнаружено у реки. Среди них много отпечатков подков, которых раньше следопыты не видели. Как будто лошадей подковали на берегу.

Сообщение Каираева, равно как и сообщение начальника заставы, не могло не насторожить Коваченко и начальника штаба. Посоветовавшись, они решили сообщить всем поисковым группам, чтобы во время прочесывания местности пограничники пристальное взглядались во все щели, воронки, провалы, трещины, заросшие травой и заваленные хворостом, чтобы искали выходные отверстия пропастей, колодцы и пещеры.

Полковник регулярно поддерживал связь с геологи-

ческим управлением Министерства геологии, с Институтом геологии, с республиканской секцией туризма, с местными спелеологами и выяснял, что нового известно о кяризах и пещерах на вверенном ему участке, наносил эти данные на карту. Сейчас он решил еще раз связаться с этими организациями, вот уже много лет искашившими обширнейшие пещеры, входы в которые были завалены во время землетрясения. Потом он приказал начальнику штаба выявить в отряде хороших пловцов и ныряльщиков и обследовать дно возле площадки, на которой обнаружили старика. Ведь там могли оказаться какие-нибудь улики против Алабаша, которые, вероятно, заставили бы заговорить старого контрабандиста.

Полковник связался с районными штабами добровольных народных дружин и попросил, чтобы дружинники установили контроль за рекой (на тот случай, если нарушители, спущенные стариком по веревке, ушли из опасной для них зоны с аквалангами), за всеми известными на участке кяризами, привлекли к этому делу юных друзей пограничников.

— Не исключено, что пловцы для продвижения под водой воспользовались механическими средствами, приводимыми в действие электричеством, — говорит Коваченко. — Стало быть, и это нужно учесть при расстановке пограничных нарядов и дежурных у реки — лазутчики могут плыть под водой со скоростью двух узлов, не больше (большую скорость пловец не выдержит), и продвинуться таким способом на несколько десятков километров.

Когда начальник штаба ушел, Коваченко стал собираться на заставу. Караев попросил полковника забросить его по пути к чабанам, пасшим овец в горах:

— Хочу посоветоваться с ними. Может, они что-нибудь знают о пещерах.

— Вообще надо бы поговорить с местными жителями, — замечает полковник, — особенно со стариками. Возьми, яшули, это на себя. Ты со всеми на короткой ноге, лучше столкнешься.

— Боля*... — говорит Караев и по старой военной привычке прикладывает руку к шапке.

Поисковой группе майора Семенова достался едва ли не самый трудный участок: тридцатиметровые обрывы и пропасти.

Выданные солдатам веревки оказались короткими. Старшина Кучкин предложил удлинить их брючными ремнями. Это позволило пограничникам проникнуть в самые глубокие ущелья, но там поискам мешал туман. То и дело приходилось включать аппараты, создающие поля ультразвуковых колебаний, туман концентрировался в мелкие капли и быстро оседал.

Поиск велся днем, ночью все группы выходили на рубежи блокирования, вливались в группы заграждений.

Полковник Коваченко приехал к месту расположения группы Семенова ночью.

Вторая ночь без сна дает о себе знать. Полковник заметно осунулся, но бодрится, шутит с солдатами. Они называют его отцом. Когда Коваченко приезжает на заставы проверять службу, никто не нервничает, хотя всем известно: если полковник обнаружит недостатки — пощады не будет. Его всегда ждут, потому что знают: приедет, поможет, будет легче.

Семенов докладывает полковнику о том, что проделала группа за день и о планах на завтра.

В квадрат, отведенный поисковой группе майора, входило подземное озеро Янтарное. Об этом таинственном озере говорили разное. Утверждали, что оно невероятных размеров и состоит из нескольких водоемов, соединенных между собой извилистыми рукавами, заполненными водой; что оно имеет несколько выходов в подземные пещеры, один из которых — а может, и не один — находится на территории соседнего государства.

Будто был случай, когда небольшая группа отваж-

* Ладно, хорошо.

ных туристов, вооружившихся фонарями, попыталась на свой страх и риск обследовать это озеро на надувной лодке. Предприятие окончилось трагически: никто не вернулся из-под земли. Вслед пропавшим без вести была отправлена поисковая группа, вооруженная спасательным снаряжением. Спасатели плыли на лодке по подземному озеру до тех пор, пока хватило веревки, конец которой был привязан к каменному выступу на берегу. Если бы не крепкая веревка, то им вряд ли удалось бы справиться с течением, которое неудержимо несло лодку по подземной реке. Поиски пришлось прекратить.

Потом (во время землетрясения) в пещере, где находилось озеро, будто бы произошел обвал, после чего озеро уменьшилось, и больше не представляло опасности.

Озеро являлось редкой достопримечательностью природы. Местное издательство выпустило брошюру, в которой говорилось, что озеро со временем может послужить базой для создания водолечебницы, потому что купание в нем благотворно действует на организм и способствует излечению многих кожных заболеваний.

Озеро привлекало к себе и туристов. У входа в пещеру, в нескольких километрах от границы и от шоссейной дороги, нередко останавливались машины со студентами, школьниками, рабочими и колхозниками, приехавшими посмотреть на чудо природы, покупаться в озере, где круглый год теплая вода. Вооружившись фонарями и факелами, туристы спускались в глубь пещеры через узкую горловину в кругом уступе горы к небольшой площадке — единственному, относительно пологому месту, с которого можно войти в озеро. Другие берега были не чем иным, как вертикальными каменными стенами с узкими глубокими щелями, смыкающимися кверху.

Поговаривали, будто правительство республики уже выделило средства для благоустройства пещеры и озера, что туда в скором времени будет проведено электричество. Но пока туристы, как и их древние собратья, пользовались факелами, копоть от которых лежала тол-

стым слоем на камнях и пачкала одежду всех, кто туда спускался.

Семенов был на озере несколько раз, купался в нем вместе с пограничниками при свете переносной трехсотватки: наверху в это время работал привезенный с заставы движок с динамо-машиной от кинопредвижки.

Было жутковато входить в совершенно прозрачную, с янтарным блеском воду этого полного тайн озера.

Возможно, оно образовалось миллионы лет назад, и в нем еще купались первобытные люди, а может, здесь они и жили, прячась от зимней стужи и летней жары.

Легкое течение относило от берега. Или это только казалось майору под впечатлением рассказов о том, как не вернулись туристы, решившие обследовать озеро на лодке.

Семенов предполагал, что и надводная и подводная части озера соединены с другими полостями, которые еще не исследованы. И лазутчики могли укрыться именно там — ведь лучшего тайника и не придумаешь.

И вот теперь его поисковой группе предстояло облавлять все закоулки подземной пещеры, в которой находилось Янтарное озеро. Коваченко еще днем приказал, чтобы в распоряжение майора срочно прислали спелеолога, двух легких водолазов с аквалангами, надувные лодки, веревочные лестницы и небольшой переносный прожектор.

Встретившись сейчас с полковником, Семенов доложил, что аквалангисты уже прибыли и теперь отдыхают, завтра с утра пограничники начнут обследовать озеро. Спелеолог проводит занятие с солдатами по правилам безопасности, которые необходимо знать и соблюдать неукоснительно всем, кто спустится под землю.

Обсудив с офицерами план работы, побеседовав со спелеологом, полковник улетел на вертолете в другой район поисков, а Семенов со своей группой продолжил подготовку к обследованию пещеры. Пограничникам были выданы свитеры, комбинезоны из плотного материа-

ла, зимние шапки (чтобы предохранить голову от ударов), перчатки, резиновые сапоги, электрические фонарики с запасом лампочек и батареек, компасы, веревки, саперные лопаты, кирки и ломики. И Вагидов привез все это туда кружным путем.

Поисковая группа выехала к озеру на рассвете.

Рассвет в горах — не то, что на ровной местности. Здесь почти не бывает переходных утренних сумерек. Все темно-темно, а потом вдруг моргнул глазом — и, смотришь, уже кругом видно.

Пограничники разговаривают вполголоса. Из-под ног у лошадей то и дело выпархивают горные курочки — кеглики. Отлетев, садятся на склоны гор и быстро-быстро бегут вверх по серым каменистым осыпям.

Спустившись к подножию горы, пограничники попадают в туман. Молчаливый и таинственный, он бродит по вздыбленной земле, будто ищет что-то или хочет спрятать от солнца, которое уже выглянуло из-за хребта. Но разве может туман тягаться с этим огромным огнедышащим шаром?! Даже снег не в силах удержаться на вершинах гор, и они вынуждены летом снимать перед солнцем свои белые шапки.

Туман тает на глазах у пограничников. Все отчетливее видны сквозь белесую муть поросшие аркой склоны далеких гор, ущелья, зубчатые хребты на горизонте.

Вот и вход в пещеру, похожий на приоткрытую пасть чудовища. Из пасти клубится пар, будто в глотке чудовища полыхает пожар. Даже летом есть разница температур в озере и на поверхности. Зимой над пещерой висит белое облако.

У входа в пещеру на время поиска выставлен часовой. Он докладывает Семенову, что ночь прошла спокойно. Возле небольшого костра лежит, подтянув колени к подбородку и обхватив руками свой автомат, солдат Вагидов. Час назад он привез сюда необходимое для обследования озера оборудование и надувные лодки.

Спуск в пещеру, на ее верхний балкон, пограничники совершают по деревянной, грубо сколоченной лестнице,

которая намертво пристроена к краю горловины. По этой лестнице обычно спускаются туристы. На «балконе» царит вечный сумрак. И люди, когда на них смотришь сверху через горловину, кажутся маленькими-маленьками.

Над головой пограничников грозно нависают круто поставленные пласти горных пород. Слугнутые со своих гнездовий дикие голуби, со свистом рассекая воздух, вылетают наружу.

Наверху заработал движок электростанции, и мрачное сырое подземелье осветилось электрическим светом. Пол здесь пологий. Там и тут валяются упавшие с потолка каменные глыбы. Неподалеку — отверстие, похожее на воронку. Чтобы попасть к озеру, нужно спуститься по этой воронке еще ниже метров на сорок. Под ногами зыбится довольно мягкая почва — помет летучих мышей, нашедших в пещере пристанище.

С каждым метром глубины отчетливее ощущается теплое дыхание озера. Горловина, по которой спускаются пограничники, все круче загибается вниз, и уже скоро дневной свет перестает проникать сюда. Теперь пограничники попадают в царство вечной ночи. На пути у них новый зал, не такой большой, как первый, но более таинственный. Над головами с писком проносятся мыши. Несмотря на абсолютную темноту, они не натыкаются на людей: посылаемые ими волны отражаются от окружающих предметов и сообщают об их отдаленности и форме.

И люди могут выработать в себе способность чувствовать предметы в темноте.

О таких способностях Семенов читал в «Аэлите» Алексея Толстого. Обитавшие на Марсе люди племени Земзе на расстоянии «могли чувствовать природу и форму вещей, подобно тому, как магнит ощущает присутствие другого магнита».

И Семенову захотелось развить в себе это свойство, это чувство препятствия. Он считал, что оно очень нужно пограничникам.

И вот теперь он, как слепой, научился чувствовать препятствия на расстоянии.

Снова горловина в конце зала и опять спуск среди каменных нагромождений. Пройдены последние метры. Пограничники на берегу подземного озера. Вода настолько прозрачна, что ее совсем не видно. Солдат Шульгаев делает неверный шаг и падает в воду. Впрочем, у берега мелко.

Свет фонарей и переносной электролампы едва достигает потолка и отвесных, уходящих в воду стен. Только с одной стороны чуть виден берег, густо покрытый сажей от факелов туристов. Сколько их тут было!

Семенов приказывает встать солдатам цепочкой. Сверху начинают передавать необходимые для исследования озера вещи: лопаты, кирки, лестницы и все остальное.

Озеро напомнило майору об Илге.

Однажды он повстречался с ней в горах, и она попросила провести ее на озеро искупаться. Ему неудобно было ей отказать.

Не успел он тогда пристроить между камней наскоро сооруженный факел и разостлать газеты, как Илга сбросила платье и вошла в озеро.

Нет, родители, видно, не зря назвали ее Илгой, что в переводе на русский значит «мечта». Все было как во сне. Аспидно-черные стены, красноватый чадящий свет факела и белое красивое тело Илги.

— Не смотри на меня так, — сказала она.

Илга впервые назвала его на «ты» и чуть улыбнулась этому.

Семенов понимал, что в этом «ты» было больше, чем просто желание женщины перейти к более дружескому обращению. Он хотел этого, хотя и боялся признаться себе. Ему страшно было думать о том, к чему в конце концов могли привести их отношения. Нет, хотьсть еще не все. Ему известны были и такие понятия, как «долг», «сознание». Он никогда не простил бы себе, если

бы забыл об этом. Семенов не принял этого «ты», хотя и хотел принять.

— Будьте осторожнее, Илга, — сказал он. — Очень прошу вас.

Илга напугала майора, проплыв с фонариком в поднятой руке туда, где озеро делало поворот.

Он стоял на берегу и кричал ей, чтобы она немедленно вернулась. На какое-то мгновение Илга скрылась за черный каменный уступ. И майору показалось, что течение потащило ее в глубину, что она кричит что-то.

Он сунул факел в расщелину и бросился в воду, но Илга выплыла из-за скалы и стала приближаться к берегу, все так же держа фонарик в поднятой руке.

Всю обратную дорогу он молчал. И Илга молчала, бросая на него виноватые взгляды. Только у развилики дорог, одна из которых вела на заставу, а другая — на радиолокационную станцию, она сказала, что ужасно устала и хотела бы отдохнуть.

Они присели на камень.

Он смотрел вдаль, но чувствовал, как огромные глаза ее устремлены на него.

— Изучаем? — спросил он, доставая сигарету.

— У вас хорошие волосы, — сказала она. У нее это вышло просто, по-детски непосредственно.

— Были, — с иронией сказал он. Вот так же когда-то говорила ему и жена. И добавляла: «Если у нас появится девочка, пусть у нее будут твои волосы». У Маша волосы были жидкие, тонкие и постоянно секлись. По вечерам она закручивала их на короткие алюминевые трубки, отчего голова у нее становилась маленькой, словно обшипанной, а белый выпуклый лоб и толстый подбородок выделялись еще больше.

Маша спала с трубками всю ночь, напоминая Семенову космическую гостью из научно-фантастического романа. Ему не нравилось смотреть на эти трубки, и он как-то купил ей шелковую косынку, чтобы повязывала голову на ночь. Впрочем, Маша давно уже смирилась со

своими волосами и не больно-то следила за ними: так, причешет на скорую руку, уходя на работу, и все.

— Были, — повторил Семенов и вздохнул. Вздох получился немножко театральным, и он смущился, чувствуя, как лицо заливается краской. Ему казалось, что он давно расстался с этой детской привычкой краснеть, а вот теперь она снова появилась у него.

— Засеребрился на висках. В нашей жизни дело к вечеру, как сказал поэт.

Илга покачала головой, усмехнулась:

— Посмотрели бы, сколько у меня седых волос. Пол-головы...

— Не вижу.

— Выкрасила, вот и не видите.

— Как? Разве это не ваш цвет?! — искренне удивился майор, рассматривая волосы Илги.

— Я почти такая же темная, как и вы, если, конечно, не считать моих седин. Вот и приходится красить. Не хочется выглядеть старой.

«Побольше бы таких старушек», — подумал Семенов, дивясь возможностям современной косметики.

— А почему вы выбрали этот пшеничный цвет?

— Все потому же, — улыбнулась Илга, — темные волосы меня старят. А вам не нравится?

— Ну что вы, у вас хорошие волосы.

Илга засмеялась.

— Ну вот и обменялись любезностями, — она снова посмотрела на голову Семенова и добавила: — Только я на вашем месте сделала бы короткую стрижку.

— Почему? Не вижу логики.

— Это лысым нужны длинные волосы. Чтобы прикрывать свою плеши.

Ответ не очень-то удовлетворил Семенова, в нем было много субъективного, однако, попав в город, он вдруг вспомнил о разговоре с Илгой и зашел в парикмахерскую.

Через пятнадцать минут от его пышной шевелюры осталось только воспоминание.

«Канадский бобрик» — так называлась новая стрижка по прейскуранту. А в сущности голова Семенова была теперь похожа на ощетинившегося ежа. Он долго рассматривал себя в зеркало, проводя ладонью по волосам, чтобы пригладить их, но безуспешно. В выражении его лица появилось что-то новое, непривычное, немного мальчишеское. Почему-то вспомнилась фотография Маяковского, где поэт был с такой же прической, и это воспоминание немного успокоило его.

На заставе каждое, даже мизерное, событие становится достоянием всех. Новая прическа начальника тоже не осталась незамеченной.

— Вы просто помолодели лет на десять! — сказала Семенову жена замполита. — Никогда не думала, что стрижка может так преобразить человека.

Примерно такая же реакция была и у солдат, когда они увидели майора в столовой. Все сошлись на том, что канадский бобрик идет начальнику заставы.

Только жена не заметила, что он постригся по-новому.

— Как ты находишь мою прическу? — вынужден был спросить он за ужином.

Она мельком взглянула на него и пожала плечами:

— Ничего.

— Ничего или хорошо? — он повернул голову в одну сторону, потом в другую. — Илга находит, что такая прическа мне больше к лицу, — он тотчас же понял, что этого не нужно было говорить. Но он не жалел о сказанном. Он не привык скрывать что-либо от жены.

— Не понимаю, зачем нужно было остригать хорошие волосы, — бросила она. — Ну да вам с Илгой виднее.

Семенов отодвинул тарелку и вышел из-за стола.

В распоряжении пограничников две надувные лодки. Нагрузив в них все необходимое, солдаты трогаются в путь.

Они, как приказывал им Коваченко, решают прежде

всего обехать озеро вдоль берегов, чтобы убедиться, каково же оно по величине и конфигурации, осветить прожектором стены и потолок пещеры, посмотреть, нет ли щелей в скалах, ответвлений и лазов.

Аквалангисты тем временем должны обследовать подводную часть озера, для этого их снабдили специальными электрическими фонарями в водонепроницаемых футлярах.

Междуд лодками и берегом налажена телефонная связь. Пограничники в любую минуту могут прийти на помочь друг другу.

Впрочем, берег на озере в том понимании, какое вкладывает в это слово человек, есть только в одном месте, со стороны воронки, по которой туристы спускаются к воде. Со всех других сторон озеро окружено отвесными известняковыми стенами, смыкающимися вверху в виде свода, как в старых церквях. Там и тут с потолка спускаются, словно диковинные ожерелья, светящиеся в луче прожектора сталакиты. Стены пещеры подточены водой, насыщенной сероводородом, и так низко над ней нависают, что подъехать иногда к береговой кромке просто невозможно.

Поиск продолжается.

Продовольствие и вода в труднопроходимые горные районы доставляется вертолетом.

Илге тоже хотелось вместе с пограничниками искать нарушителя. В первый день поиска она пришла на заставу и попросила, чтобы и ее взяли с собой. Это желание было наивным до смешного, оно основывалось только на том, что Илга знала майора, знала пограничников и хотела им помочь. Наконец, она надеялась на доброту Семенова, на его хорошее отношение к ней.

А он чуть не сказал вслух, что она не отдает отчета своим словам, что вся ее затея — чепуха. Разве мог он допустить, чтобы Илга действовала вместе с пограничниками, ведь ей пришлось бы с утра до вечера лазить по скалам под палящими лучами солнца или под

дождем, спать у костра, довольствоваться сухим пайком, терпеть лишения. Ее могла укусить змея или какая-нибудь сколопендра...

— У нас очень тяжелый участок, — сказал он, — вам будет трудно.

— А это мы еще посмотрим! — храбро ответила она.

— И смотреть не надо. Я ведь знаю, что говорю, — Семенов встал и подошел к Илге, заглянул ей в глаза. — И не хмурьтесь. Вам это не идет.

— Оставьте это, — она отвернулась.

Он впервые видел ее такой. Попытался отшутиться: дескать, если за лазутчиков возьмется Илга, тогда нечего будет делать пограничникам и всех придется уволить в запас. Но она не приняла шутки, гневно сверкнула глазами и ушла, не подав руки.

Илга не успокоилась. Она позвонила в колхоз Каравеу и узнала, где находятся дружинники: они держали под наблюдением реку и обследовали дно в том месте, где Илга увидела старика.

— Мне можно к ним? — спросила она. — Я аквалангистка и смогу быть полезной.

— Ягши*, — согласился Каравеу.

Вооружившись маской, дыхательной трубкой и фонарем, который брат сделал сам, она садится на велосипед и отправляется к реке.

Через три часа девушка была на месте. Ныряльщики разбрелись по всему берегу. Каждый занимался своим делом, и на Илгу никто не обратил внимания: многие колхозники знали ее, привыкли видеть среди военных.

Некоторое время Илга стояла на берегу, глядя на площадку, где увидела белобородого старика. Ей вспомнилось все до мельчайших подробностей: как он привязывал к скалистому выступу веревку, как, присев на корточки, пристально смотрел на стремительно бегущий поток, как лихорадочно дергал веревку, точно подавал кому-то в воде условный знак, как тихо и ворчливо говорил что-то, обернувшись назад, и как ему ответили

* Хорошо.

из-за выступа скалы. А потом кто-то протянул руку с огромным пакетом.

Тогда Илга бросилась к своим сообщить о старице, о его подозрительных действиях и разговоре с людьми, которые находились за выступом.

И вот теперь, чтобы найти тех, с кем разговаривал стариц, подняты сотни людей, приведены в действие техника, машины, вертолеты.

А может, других лазутчиков вовсе и не было? Может, ей все это послышалось и привиделось? Иначе куда бы они могли скрыться?

Илга чувствовала себя виноватой в том, что причинила беспокойство многим людям. И Янис сказал ей с усмешкой:

— Ты, разбойница, всегда была большой выдумщицей. Помнишь, в детстве наврала тетке, что какие-то черные усытые дяди поймали тебя во дворе и хотели посадить в мешок, чтобы увезти в жаркую страну и корить изюмом. Тетка после не отпускала тебя одну гулять, все заставляла меня следить за тобой. Так что я не удивлюсь, если мы никого не найдем.

Потом пришел на память разговор с Семеновым. Она уже не обижалась на него. Он всегда хотел ей только хорошего, она это знала.

— Милый... — произносит она вслух и невольно оглядывается. Нет, ее никто не слышит. Она снова повторяет это слово, на этот раз громче.

Да, она любит этого молчаливого и даже сурового, на первый взгляд, человека с мягкими, мечтательными глазами. У нее мало надежд на то, что эта любовь принесет ей счастье, но она ничего не могла поделать с собой.

Вероятно, каждому отведено свое: кому хорошее, кому плохое. Что делать! «Такова жизнь», как говорят французы.

Она радовалась, когда случайно встречала его в горах, и они шли часть пути вместе, разговаривали. Семе-

нов был влюблена в эти горы, в свою работу и интересно рассказывал об этом.

Иногда она не видела его несколько дней. И тогда меркло все вокруг. Он был нужен ей, очень нужен.

За что она полюбила его? Такого вопроса Илга никогда не задавала себе.

Нельзя было сказать, что Илга не взвешивала свои чувства. Ей не семнадцать. В Семенове она увидела сильного человека. На него можно было положиться.

Илга была уверена: и ему плохо, когда ее нет рядом, и он радуется, хотя и не говорит этого, видя ее. И тогда она мысленно называла его родным.

Будущее страшило ее. Она боялась о нем думать.

Одно время она, как и Семенов, каждый день решала, что с завтрашнего дня поведет себя иначе. Но приходило «завтра», и она убеждалась, что не в силах изменить что-либо.

В минуту откровенности Семенов сказал Илге, что ему бы хотелось быть с ней рядом в трудную для нее пору, защитить, помочь, подбодрить, приласкать. Он так и сказал: «приласкать». Это было единственное признание с его стороны. И она запомнила его.

Теперь она чувствовала себя одинокой, никому не нужной. Она жалела себя.

Где-то на середине реки раздался всплеск. Илга вздрогнула.

«Рыба резвится», — подумала она, стыдясь своего искуства.

Илга и не заметила, как из-за гор выплыла огромная темная туча, забрала в плен солнце и теперь пытается накрыть собою и ее, Илгу.

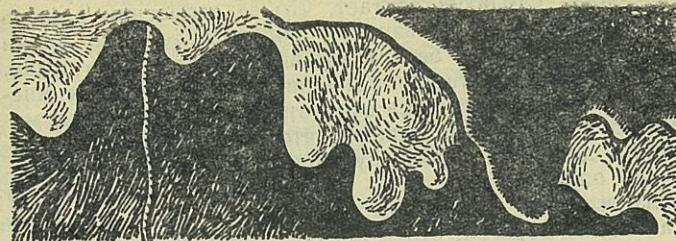
Она грозит туче кулаком и быстро снимает с себя платье и туфли. На ней отличный шерстяной купальник с поролоновыми вставками. В этом купальнике она не замерзала даже на Рижском взморье осенью.

Надев резиновую шапочку, тапочки, маску, Илга привычным движением взяла в рот пластмассовую дыхательную трубку и пошла в воду. Через минуту она уже

плыла, вглядываясь в дно реки. Вода чистая, как хрусталь. Илга хорошо видит водоросли, которые тащат течение. Но вот дно реки углубляется, и Илга с трудом различает отдельные камни, обросшие темнобурыми растениями. Течение подхватывает девушку и несет вниз по реке.

Обследование подземного озера продолжалось двое суток. Сорок восемь часов пограничники не выходили из пещеры, которая была похожа на бumerанг, имела несколько разветвлений под водой и связывалась коридорами с другими подзем-

ными полостями, о существовании которых раньше могли только предполагать. Воздух в побочных пещерах был очень насыщен не находившими выхода парами сероводорода, поэтому майор Семенов распорядился их оставить: без кислородных аппаратов там нельзя было прожить и пяти минут, так что всякое пребывание в этих пещерах лазутчиков исключалось.

В одной из полостей сержант Климов обнаружил стариные изделия из обожженной глины. Семенов приказал обозначить это место условными знаками, чтобы потом найти и отправить кувшины, горшки, пиалы в местный музей.

Пограничники покидают пещеру. Солдат Вагидов, неизвестно для чего, зажег факел, совершенно здесь не нужный — пограничники пользовались электрическим освещением, — и черные клубы дыма потянуло в угол потолка. Направив туда луч переносного прожектора, пограничники увидели высоко над головами узкую щель и торчавший оттуда конец веревки. Это «открытие» заставило их еще задержаться в пещере. Семенов приказал внимательно изучить стены и выяснить, можно ли подняться по ним к щели в потолке.

Стены оказались без выступов. По ним нельзя подняться без специального снаряжения, и, судя по всему, таким снаряжением здесь никто не пользовался.

Каким же образом туда попала веревка? Ведь до нее метров шестьдесят-семьдесят.

Солдат Степаков считает, что ее забросили в щель ракетой, которой пользуются мореплаватели во время штормов, бросая с берега веревку на тонущее судно. Однако большинство пограничников склоняются к мнению, что в щель имеется вход откуда-то со стороны, может, даже из другой пещеры; что веревка эта использовалась для того, чтобы спуститься, предварительно сделав определенный путь по неведомому подземному ходу, или для того, чтобы поднять того, кто пришел сюда той же дорогой, что и пограничники. Веревку просто не успели или забыли убрать.

Таким образом, пограничники должны были или искать другой вход в пещеру (а его даже местные жители не знали), или попытаться подобраться к щели по гладкой каменной стене и потолку. Для того, чтобы «проложить» этот путь, надо было забить в каменные стены металлические крючки или скобы, какие бывают на дымовых трубах. Но это требовало времени и специальных инструментов.

Был и еще один путь — подняться к потолку по складной металлической лестнице, которой обычно пользуются пожарники. Но как такую лестницу спустить в пещеру, как ее установить в воде, где весла не достают dna?

Семенов решил доложить обо всем полковнику Коваченко и дать отдых солдатам. Он оставил на озере скрытый пост, а всем остальным приказал покинуть пещеру.

До предела измученные солдаты лезут по каменистым уступам.

Брезжит вдали слабый дневной свет. Еще несколько шагов, и пограничники выходят на уже знакомый им широкий балкон. Сверху тянет прохладой, и все с жадностью вдыхают свежий воздух. У многих кружится голова.

Теперь надо преодолеть крутую деревянную лестницу. Последние метры даются с трудом. Но вот и они позади.

Пограничники, вымазанные в глине и копоти, наверху. Они снова видят небо, солнце, траву, деревья...

Солдат-радист связывает майора по радио с Коваченко. Полковник приказывает Семенову немедленно быть на заставе...

Начальник отряда слушает Семенова молча, вопросов не задает, кажется, его не очень-то даже интересует сообщение майора.

— Ну что ж, — наконец, говорит он. — Будем подбираться к щели в потолке пещеры, где обнаружена веревка. Пока это единственная возможность получить новую информацию. — И вдруг безо всякого перехода сообщает Семенову, что исчезла сестра лейтенанта Берзиня Илга.

— Как это? — вырывается у майора.

— Неизвестно, — говорит Коваченко. — На берегу реки, напротив площадки, где она увидела старика, найдены ее платье и велосипед.

— Утонула?!

— Если бы так, ее должно было выбросить на отмель, как выбросило Мамеда. Разве только зацепилась под водой за корягу... Мы вызвали водолазов.

Семенов подходит к графину и наливает воды. Пальцы у него дрожат. Он не хочет верить услышанному.

Звонит телефон. Полковник снимает трубку. Докладывает руководитель одной из поисковых групп майор Туликов.

Семенов не слышит, о чем говорит начальник отряда. Он думает об Илге, о том, что если бы он взял ее с собой, ничего бы не случилось.

— Разрешите выйти, товарищ полковник, — просит Семенов. — Я сейчас вернусь.

— Идите. Я вас вызову, — говорит Коваченко, внимательно глядя на майора.

Семенов выходит на крыльцо, достает сигареты. Спички гаснут, и он никак не может прикурить. Подходит старшина Кучкин и подносит горящую папиросу. Семёнов благодарит кивком головы и идет на пустырь.

Илга! Нет, он отказывается верить, что с ней что-то случилось. Он и думать об этом не мог. Он так надеялся, что трудная полоса ее жизни кончилась, что она устроится работать в школу, к Маше, что в конце концов будет счастлива...

Ему припомнился один разговор с Илгой. Он сказал ей тогда, что если бы был писателем, обязательно написал бы трактат о том, как быть любимой. В то время он думал о своей жене. Ну разве можно обидеть человека, если он ищет в тебе опору, уважает твоё мнение, если он нежен с тобой?..

— Конечно, женщина может быть к одному человеку нежной, к другому нет. Нужно, чтобы она любила человека, — ответила Илга.

— Но разве не бывает так, что люди любят и вместе с тем не считаются друг с другом? И совсем не нежны?

Илга пожала плечами.

— Я видела однажды в поезде, как старик и старуха были трогательно нежны друг с другом. И завидовала им, потому что знала: не всем удается сохранить теплоту и привязанность на всю жизнь. Сначала любят, потом привыкают: семья, дети — вроде бы и никогда думать о любви...

— Что с тобой, Костя? — слышит Семенов голос жены. Маша стоит перед ним с вязанкой дров. — На тебе лица нет. Почему не идешь домой?

Семенов молча глядит на Машу, он даже не взял у нее дрова, не спросил, как дома, здоровы ли ребята...

Они так же молча идут по дорожке.

— Ты устал, — говорит Маша. — Весь в грязи. Тебе надо отоспаться.

— О чём ты говоришь? — отвечает он с раздражением. — Какой может быть сон, когда пропал человек. Ему нужно найти.

— Это ужасно... — Маша качает головой. — Но ведь поиски идут. И тебе совсем не обязательно быть там. Тебе надо отдохнуть.

— Нет, я тоже буду ее искать. Я должен, понимаешь ты, должен!..

Маша внимательно смотрит на Семенова.

— Ты никуда не пойдешь, — говорит она твердо. — Ты будешь отдохать.

— Я все равно не смогу заснуть, — отвечает он. — Это я виноват, что она пропала. Я не взял ее с собой. Из-за тебя не взял.

— Почему из-за меня?

— Ты бы потом мне житья не дала со своей ревностью.

— Это не ревность, — говорит она. — Я ведь вижу, как ты изменился в последнее время... Что произошло с тобой, Костя?

— А что могло со мной произойти? — он пожимает плечами.

— Ты стал другим. Совсем другим.

Она и раньше говорила ему об этом, часто говорила. Он по обыкновению отмалчивался. Но сейчас не выдержал.

— А почему человек должен оставаться всегда одним и тем же? Почему?

У Маши на глазах слезы, лицо ее темнеет, она становится старше лет на десять. Губы ее подергиваются, и вот она уже рыдает, по-ребяччию втягивая в себя воздух.

— Пора с этим кончать... — говорит она. — Я устала...

Но Семенова сейчас не трогают ее слезы. Он отдает какие-то приказания старшине Кучкину, солдатам, а сам думает об исчезнувшей Илге и о своей жизни.

Помня о детях, Семенов многое прощал Маше, старался не думать о ее неровном характере. Но простить — еще не значит забыть. Прощают умом, а забывают сердцем. Сердце ничего не забывало.

И когда они снова скорились, Семенов вспоминал тысячи обид, накопившихся за годы их жизни.

В такие минуты он сравнивал их совместную жизнь с наполненным жидкостью кувшином, куда время от

времени бросали горсти грязи. В период затишья грязь оседала на дно и жидкость становилась прозрачной, светилась всеми цветами радуги. Новый скандал — очередная пригоршня грязи шлепается в кувшин, поднимает со дна осадок. И жидкость в одно мгновение темнеет...

Он знает, грязь не исчезнет из сосуда. Оба они вынуждены нести сосуд до смерти. Единственное, что в их силах, — это не бросать в него новых пригоршней, не взбаламучивать жидкость. Впрочем, единственное ли? Можно было еще разбить сосуд, как предлагала Маша, и тогда... Нет, об этом Семенов не хотел и думать.

Он не способен был вычеркнуть пятнадцать лет из своей и ее жизни и начать все сначала. Ведь в их жизни было многое и хорошего, такого, что никогда уже ни с кем другим не будет, потому что молодость не повторяется. Это хорошее он никогда не сможет забыть, оно будет ему укором за то, что он не сумел донести кувшин до конца.

— Товарищ майор, вас вызывает полковник Коваченко, — докладывает дежурный.

Майор отправляется в канцелярию.

Глава третья

ИЛГА находит на дне реки старое блюдо. Вынырнув (ого, каким оно оказалось тяжелым!), она выходит из воды и внимательно осматривает его. Хотела позвать дружинников, голоса которых слышались за мысом, показать им находку, но раздумала. Жалко было терять время. Теперь, прежде чем нырнуть, Илга поднялась вверх по реке метров на двадцать, так, чтобы течение не уносило ее далеко от площадки, как это было прежде. Вода настолько чистая, что видно вокруг метров на

пять-шесть. Она заметила несколько характерных камней под водой и ориентировалась по ним, осматривая дно.

Блюдо она нашла недалеко от берега, каменной стеною возвышавшегося над рекой, и снова поплыла к тому месту в надежде найти что-нибудь такое, что позволило бы разгадать тайну старика.

Она ныряет несколько раз. Внимание ее привлекает кусок тонкого провода. Хватается за него, пытается поднять, но не тут-то было. Провод привязан к чему-то. Течением относит Илгу в сторону. Приходится снова выходить на берег, подниматься вверх по реке. Зато, когда она ныряет, провод оказывается прямо под ней. Перешибая его руками, она добирается до огромного светло-серого камня, к которому он привязан.

Камень лежит на уступе скалы у самой поверхности. Встав на него, Илга по пояс высывается из воды. Она прислоняется к нагретой солнцем скале, нависшей над рекой, и несколько минут отдыхает, раздумывая над тем, для какой надобности провод привязан к камню. На всякий случай она решает привезти провод тоже на заставу — наверное, это поможет пограничникам в поиске.

Накрапывает дождь. На воде пляшут белые пузырьки. Увлеченная поисками, Илга снова надевает маску, берет в рот трубку и пытается отвязать провод. И тут происходит неожиданное: камень поддается в сторону.

Илга видит темное отверстие в скале. Так, значит, провод служит ориентиром к таинственной подводной норе! Его могли привязать и нарушители, которых ищут пограничники. Воображение ее разгорается. Она решает, что блюдо, только что найденное на дне реки, обронили контрабандисты...

Илга выбирается из реки за фонарем. Когда она снова подплывает к серому камню, то видит, что он стоит на месте и полностью закрывает отверстие. Ей стало не по себе. Но когда валун опять сдвинулся с места и открыл нору, девушка поняла: камень установлен так, что

под действием веса человека отодвигается в одну сторону, под действием течения реки — в другую.

Она взяла палку, вставила ее между камнем и скалой и сбросила его.

Глубокий вдох — и Илга под водой, просовывает в нору голову и руки с зажженным фонарем.

Грот в подводной своей части — всего лишь небольшая комната. Луч света упирается в каменные стены, дрожит над головой мягкими, расплывчатыми бликами, значит, над водой есть воздух. Не раздумывая, Илга ныряет и через несколько секунд оказывается уже по другой стороне каменной стены.

Сноп света от фонаря озаряет стены и потолок огромного и довольно живописного грота. Девушка выходит на усыпанный галькой берег, под ногами обкатанные водой камни.

Она осматривается, трогает ладонью торчащие сбоку глыбы черного каменного свода. На пальцах сажа. Провод теперь идет в сторону, по берегу подземного ручья. Воздух сырой, но довольно свежий, значит, пещера как-то сообщается с надземным миром.

Несколько мгновений Илга вслушивается в темноту. Все вокруг молчит. И это молчание кажется ей зловещим. Она стоит, сжавшись, готовая в любую секунду уйти назад, позвать товарищей — дружинников.

Но любопытство побеждает. Илга берется за провод и делает несколько решительных шагов по берегу подземного ручья.

Она уперлась в мокрую каменную стену. Внизу, у самого пола пещеры, неглубокий колодец. Несколько мгновений Илга раздумывает и наконец спускается туда, все так же перебирая пальцами провод. Медленно, как соннамбула, идет по узкой галерее под уклон. Под ногами неожиданно заплескалась вода. Каменный свод пригибает ее все ниже и ниже. Уже через минуту вода достигает Илге до подбородка и вот-вот сомкнется с потолком. Илга протягивает вперед руку с фонарем, щупает свод. Он возвышается над водой, сухой и глад-

кий. Илга чувствует легкий холодный ток воздуха. Значит, можно идти дальше, не боясь, что вода поглотит ее.

Потом галерея круто поворачивает и снова поднимается.

Вода стала теплее. Из нее не хочется выходить. И оттого, видно, воздух кажется более холодным. Но галерея все продолжает подниматься, и девушка выбирается из воды. Она в узком длинном коридоре, по каменистому полу которого навстречу ей, словно обрадовавшись гостье, бежит говорливый ручей. Илге стало спокойнее. Ручей олицетворял в этом суровом застывшем мире движение и жизнь.

Провод ведет девушку вдоль ручья. Вода в нем удивительно теплая и ласковая, она напоминает Илге о подземном Янтарном озере, где она была однажды с начальником заставы.

Сколько историй, похожих на легенды, рассказал он ей в тот день! Она узнала, что озеро, вернее пещера, в которой оно находится, когда-то давным-давно служила защитой и убежищем для обездоленных и преследуемых беглецов, что по озеру переправляли контрабанду из другой страны в Россию. Но потом как будто бы произошел обвал, и этот тайный путь был перекрыт.

«Перекрыт ли? — думает Илга. — Может, остались еще и другие ходы, например в подводной части озера? При современной технике их можно обнаружить и использовать».

Мелькает догадка: «А что если этот ручеек каким-то образом связан с Янтарным озером? Что если нарушителям известны эти мрачные подземные полости, известен вход, искусно скрытый рекой? Что если лазутчики воспользовались им и теперь ходят уже где-то...»

Илга останавливается. Раздумывать некогда. Нужно немедленно вернуться к дружинникам, сесть на велосипед — и скорее на заставу, чтобы рассказать пограничникам о своих догадках.

Не выпуская из рук провода, Илга возвращается обратно. Она почти бежит по гулкому тоннелю, не чувст-

вую боли в разбитых об острые камни ногах. Вот и галеряя. Но что это? Илга с ужасом видит, что та почти доверху заполнена водой. Как это произошло, она не знала, только поняла, что отрезана от подземного зала, сообщающегося с рекой, стеной воды в несколько десятков метров. Преодолеть ее, имея простую маску, Илга не могла, у нее не хватило бы дыхания.

Оказаться заживо погребенной в темном каменном мешке?

Она в изнеможении опускается на мокрые камни и закрывает глаза. Слышно, как бежит и бежит говорливый ручей, словно хочет сказать ей что-то важное... А если все-таки рискнуть пробиться сквозь толщу воды? Но тогда стоит только зацепиться за что-нибудь и застрять хотя бы на полминуты — ее ждет страшная смерть. Нет, лучше не рисковать.

А если пойти вперед, туда, куда поведет провод?

Она не знает, как долго прятнется он под землей. Но другого выхода нет. Есть только надежда. Впрочем, это не так-то уж и мало для тех, кто не позволяет обстоятельствам придавить себя. Она была уверена, что дружинники хватятся ее, найдут платье. Только бы им найти нору в воде, тогда они все поймут...

Нужно торопиться, потому что энергия батареек фонарика не безгранична. Если она иссякнет раньше времени, Илге не сдобривать. Кроме того, она не может долго находиться под землей, ведь провод, на который у нее единственная надежда, может увести ее от теплого ручья...

Илга поднимается по коридору, все так же не выпуская из рук провода. Потом спохватывается, возвращается и, подняв кусок породы, пишет им на стене свое имя, рисует стрелку направления своего пути.

Впереди слышится неясный, приглушенный шум. Она невольно останавливается и выключает фонарь. Непроглядная темнота окружает ее. Илга прислушивается, но, кроме однообразного плеска воды, ничего не улавливает. Наверное, впереди водопад.

Девушка снова включает фонарь и идет вперед. Свет фонаря красиво расцвечивает натечные образования на стенах. Но Илге сейчас не до восторгов. Коридор кончается, вернее, круто уходит вверх, откуда падает вода. Провод уходит туда же.

Рядом с водопадом установлена веревочная лестница. Поколебавшись, Илга решает подняться по ней.

На высоте четырех метров коридор снова идет по горизонтали. Теперь он такой извилистый, что лучи света от фонарика все время натыкаются на стены.

Вдруг впереди Илга слышит голоса. Выключает фонарь. Голоса повторяются. Значит, не ошиблась.

У Илги гулко колотится сердце. Ее слегка познабливает. Только бы не дать страху поработить себя.

Не выпуская из рук провода, она осторожно, медленно продвигается вперед. Сделав один поворот, второй, третий, она увидела на стенах слабый, колеблющийся отсвет.

Илга замерла. Возвращаться назад не имело смысла, идти вперед — опасно.

И все-таки она пошла вперед. Еще один поворот — и удивительнейшая картина предстала перед ней.

Огромное подземное озеро с неясными контурами берегов и высокими живописными сводами над водой. На небольшом полуострове два ацетиленовых светильника (вот почему она ощущала запах карбида кальция!) освещают все вокруг. Около светильников — паткатка, люди.

Приблизившись к каменной стене, согнувшись клачиком, Илга наблюдает за ними.

Дрожь унялась. До ее слуха долетают слова. Неизвестные разговаривают на чужом языке.

Их было пятеро — в шарообразных шлемах с широкими полями и в темных, лоснящихся при свете комбинезонах, склеенных с высокими резиновыми сапогами. Руководил ими низкорослый худой человек в очках из пластика, какие обычно надевают мотоциклисты. Дви-

жения его были резки, голос отрывистый, повелительный. Так мог говорить только человек, привыкший командовать и даже издеваться над подчиненными, привыкший, чтобы его распоряжения выполнялись безропотно и быстро. И все безоговорочно слушались этого человека. Илга мысленно назвала его «Патроном».

На берегу озера стояла большая и широкая надувная лодка. Люди грузили на нее намотанные на катушки веревки, рулоны с лестницами, огромные рюкзаки, лебедку с тросом.

Один из них, долговязый и сутулый, сидел на камне с вытянутой, словно перебитой, ногой. Иногда к нему подходил «Патрон», и они о чем-то говорили, глядя на развернутую тут же карту. Потом человек в очках аккуратно сложил карту, сунул ее в карман и подал сидевшему руку. Тот, тяжело опираясь на палку, поднялся и, волоча ногу, поковылял к спущенной на воду лодке, где уже сидели трое в круглых пробковых шлемах.

«Патрон» ушел в палатку, наверное, забыл что-то, — подумала Илга, наблюдая из-за камня за лазутчиками. Он вышел с огромным фонарем в руках, хлопнул по плечу долговязого и сел в лодку. Гребцы взялись за весла. Оставшийся на берегу отвязал веревку и толкнул лодку палкой. Она отчалила от берега и бесшумно поплыла по черной, как деготь, воде. «Патрон» включил фонарь. Луч заскользил по воде и уперся в высокую каменную стену.

В стенах были две широченные щели. Лодка направилась к той, что находилась правее и дальше от берега. На корме лодки стояла катушка с проводом, конец которого был привязан к камню у палатки. По мере удаления лодки провод разматывался с катушки.

Оставшийся на полуострове человек, как бы застыл, опершись на палку. Лодка уже скрылась в расщелине, и свет фонаря, который держал в руках «Патрон», померк совсем.

И вдруг произошло необыкновенное: человек отбро-

сил палку, побежал к палатке и юркнул в нее с ловкостью кошки. Илга верила и не верила глазам. Она забыла о холодах, который сковал ее, забыла о еде.

Из палатки вырвался душераздирающий стон, потом все стихло. Илгу знобило. До боли стиснув зубы, чтобы не раскривляться, она плотнее прижалась к скале.

Между тем человек вышел из палатки с рюкзаком. Он торопился. Было похоже на то, что он не сообщник тех, кто уплыл на лодке.

Кем же все-таки был этот странный человек, куда собрался? И когда человек подошел к проводу, который связывал уплывших с берегом и обрезал его, она окончательно решила, что он друг. Но как он попал в стан врагов? Почему не дал о себе знать пограничникам?

Ну, конечно, он друг. Выполняет какое-то очень ответственное секретное задание.

Человек надевает на плечи вещевой мешок, берет связку веревок, рулон с лестницей, фонарь и, погасив светильники, идет по берегу озера в противоположную сторону. Он, видимо, хорошо знает дорогу и не собирается возвращаться назад, потому что не хочет воспользоваться даже проводом, как это сделали уплывшие на лодке. Ему тяжело, очень тяжело тащить так много вещей, но, вероятно, они нужны ему, раз он взял их с собой в дорогу.

Человек подходит к щели, приседает и освещает стену у ног. Потом поправляет мешок и скрывается в щели.

Илга остается одна, совершенно одна на берегу этого огромного черного озера. Выждав несколько томительных минут, она включает фонарь и идет к оставленной на произвол судьбы палатке. Кто там? Кому принадлежал объятый ужасом крик?

Возле палатки — черные балахоны с капюшонами, большой бидон с карбидом кальция для светильников, катушка телефонного провода, веревочные лестницы, коробка с запасными электробатарейками, лопаты, пробковые пояса — целый подземный склад. Чуть в стороне — консервные банки.

Илга откинула полог. Она чуть не вскрикнула при виде человека, лежавшего в спальном мешке. Голова его была неестественно откинута. Глаза закрыты, рот перекосился. Илга подошла ближе.

— Кто вы? — спросила она, направив ему в лицо свет фонарика.

Он не ответил. Даже не открыл глаз. Илга повторила вопрос, но и на этот раз не последовало ответа. Она коснулась ладонью его лба и тотчас отдернула руку. Взгляд ее остановился на луже крови у ног. Илга поняла: человек убит, и она слышала его предсмертный крик.

Девушка огляделась. В дальнем углу палатки лежал открытый вещевой мешок. Она вытряхнула его. На камни упали: теплое белье, куртка, банки с консервами, нож, коробка с карбидом и фонарь. Возле вещевого мешка валялся водонепроницаемый комбинезон с распоротой штаниной. Значит, проводив лазутчиков, долговязый прикончил лежавшего в спальном мешке человека, надел его комбинезон, взял, что было нужно, и ушел неизвестно куда. Прежде чем что-то предпринять, Илга решила одеться. Теплое белье и комбинезон ей очень пригодились. Потом она сложила в вещевой мешок банки с консервами и вышла из палатки.

Она намеревалась идти по следу человека, который скрылся в щели.

Илга ни на минуту не сомневалась в том, что там, наверху, платье ее, конечно, уже обнаружено, и теперь пограничники обшарят все до последнего камня. Платье натолкнет их на мысль, что Илга обследовала реку, и они, конечно, найдут под водой вход в подземелье. Они придут сюда. Но когда это будет?..

Надо оставить записку, сообщить, что обнаружила нарушителей, которые уехали на лодке через щель в стене, где каменный выступ, что сама она уходит в противоположную сторону, вслед за человеком, который, судя по его поведению, не является их сообщником. Только бы найти карандаш и клочок бумаги. Илга еще раз

внимательно осматривает вещи в палатке и, наконец, обнаруживает в одном из карманчиков рюкзака шариковую ручку. Она кладет записку под камень и здесь же оставляет свой купальник и резиновые тапочки.

Дойдя до щели, Илга тоже приседает. На стене у самой земли видны какие-то клинописные буквы и стрелка, по всей вероятности, указатель пути. Она царапает ножом свое имя и тоже ставит стрелку.

Илга идет по руслу пересохшей подземной реки. В этой бесконечно длинной и извилистой галерее гораздо холоднее, чем на озере. Чувствуется ветерок, но теперь холода ей не страшен. На ней вязаная шапка, пробковый шлем, теплое белье и водонепроницаемый комбинезон с сапогами. Сапоги, правда, очень велики, а штаны брюк разорваны, но это можно считать мелочью. Она продвигается по руслу довольно быстро и через некоторое время догоняет идущего впереди человека. Он идет торопливо, чуть приседая от тяжести вещевого мешка.

— Эге-гей! — кричит она. — Подождите!

Человек бросает вещи и отскакивает к стене, гася фонарь.

«Испугался», — думает Илга и на всякий случай тоже выключает фонарь и прячется за выступ. И тотчас своды длинного каменного коридора огласились треском автоматных очередей. Илга впервые за свою жизнь услышала свист пули.

За первой очередью следует вторая, третья. Потом наступило гробовое молчание. Человек будто растворился в этой густой темноте. Илга тоже не спешит выявить себя.

Сколько прошло времени: десять минут или три часа — она не представляла. Ей казалось, прошла вечность. Но стрелявший не ушел, потому что она не слышала его шагов. Он все еще был здесь и хотел ее перехватить. Нет, она первая не пошевелился, не зажмет фонарь, хотя бы ей пришлось умереть вот так, прижав-

вшись спиной к холодной и влажной стене. Пусть он знает, что имеет дело с достойным противником.

«А может, и не с противником даже? — думает она. — Скорее всего не с противником. Но как сказать ему об этом, прежде чем он еще не выпустит очередь из своего дурацкого автомата?» Только теперь она осознала всю нависшую над ней опасность...

Вдали послышалось, как осыпаются камни: человек зашевелился. Вот он зажег фонарь. Круглое пятно света от рефлектора шарит по темному тоннелю. И тогда Илга решает подать голос.

— Подождите стрелять! — кричит она. — Я без оружия. И я вовсе не враг. Вам нечего бояться. Я помогу вам. Подождите стрелять!

— Кто ты? — спрашивает человек на русском языке.

— Женщина. Или вы не слышите?

— Как сюда попала?

— Так же, как и вы. Через подводную нору в реке.

— Подойди ко мне, — говорит он.

Илга решает, что играть в прятки дальше нет смысла. При желании он сумеет настичь ее. И тогда дело может обернуться хуже.

Она оторвалась от стены и пошла навстречу неизвестному.

Он стоял, широко расставив ноги, с автоматом, направленным на нее. Он в любую секунду мог нажать на спусковой крючок, Илга знала это.

— Пусть вас не смущает мой вид, — говорит она, превозмогая страх. — Я воспользовалась одеждой, которую нашла в палатке. Там остался человек. Вы его убили?

— Он все равно умер бы. Его придавило во время обвала, — сказал неизвестный. — Он только мучился. Просил избавить его от страданий.

— Вы кто? — спросила Илга.

— Человек, — усмехнулся он. — Аль не видишь?

— Наш человек?

— Ваш. А то чей же!

— Я так и думала! — оживилась Илга, подходя к неизвестному и разглядывая его. Он был выше ее на целую голову, нескладен, громоздок. Черты лица мелкие, как у женщины. Держался очень настороженно и не отводил пальца от спускового крючка.

— У вас особое задание? Я помогу вам, — сказала Илга, стараясь казаться спокойной. — Куда вы идете?

— Слишком много вопросов.

— Понимаю. Я не буду спрашивать ни о чем. Я искала улики против старика. И, как видите, нашла, — с гордостью сообщила она. Илга была так уверена в этом человеке, что даже не пыталась скрыть от него свои мысли, не пыталась хитрить. — Я хорошо плаваю и ныряю. Так что могу оказаться вам полезной.

— Против какого еще старика?

— Который прошел вас через границу.

Илга вдруг почувствовала слабость во всем теле и села на камни. У нее кружилась голова.

— Я хочу есть, — сказала она.

Человек достал из рюкзака хлеб и банку с колбасным фаршем, ловко открыл ее и молча подал девушке.

Пока Илга ела, он примостился тут же, развернулся на коленях карту подземных полостей и водил по бумаге длинным узловатым пальцем, о чем-то сосредоточенно думая.

Утолив голод, Илга встала и подошла к человеку. Он тотчас же свернул карту и убрал ее в карман.

— Готова? — спросил он.

— Да, — ответила она.

— Тогда в путь. У нас мало времени. Ливни в горах могут повториться, и тогда мы будем отрезаны от мира водяными пробками. Придется ждать. А продуктов в обрез.

Илга вспомнила о начавшемся дожде во время обследования ею дна реки и ей стало понятно, почему она, попав в пещеру, не смогла выбраться обратно: во время паводка вода проникла под землю, вздула ручьи и заполнила галерею.

— Прихвати-ка эти вёревки, — сказал он Илге. — А я понесу рулон с лестницей и буду освещать путь.

Они шли долго, очень долго. Иногда на их пути попадались разветвления, и, прежде чем войти в одно из них, человек доставал план и внимательно изучал его. Потом ползал по глине и камням, ища на стенах тайные отметки.

С Илгой он не разговаривал, и это заставляло ее быть в напряженном ожидании чего-то плохого.

А вдруг это не наш человек?

По коридорам, входящим в систему многоярусного, запутанного лабиринта, они пробираются, согнувшись в три погибели. Илга то и дело обнаруживает под ногами крохотные кусочки угля, видимо, некогда отвалившиеся от факелов, тряпье, почти окаменелые кости. Кто-то и раньше проходил уже по этим местам.

Илга останавливается иногда, чтобы поправить рюкзак, перехватить из руки в руку веревку и незаметно для своего спутника рисует на стене стрелки и пишет свое имя. Девушка ставит эти метки для пограничников, которые, как она была убеждена, уже ищут ее.

Дважды они спускались по веревке в колодцы, дно которых было заполнено щебнем и земляными наносами, проползали по узким извилистым каменным трубам, толкая впереди себя поклажу. В иных местах лазы были так засыпаны гравием и белой пылью кристаллического гипса, что путникам приходилось расчищать дорогу маленькой саперной лопаткой.

Иногда на их пути попадались величественные залы, сверкающие хрустальными кристаллами сталактитов с готическими вершинами, где шаги раздавались гулко, как в храмах, а голос звучал, как иерихонская труба. Никогда она не видела ничего подобного, но даже и в такие минуты Илга не забывала об опасности.

Порою их пронизывал нестерпимый ледяной сквозняк, и они слышали разноголосое зловещее завывание ветра или на них обрушился откуда-то сверху поток

холодной воды. Они проходили мимо гигантских водопадов с яростным гулом низвергавшихся откуда-то с каменных круч, спускались по неустойчивым осыпям, где один камень вызывал лавину, пробирались, страхуя друг друга веревкой, по ломким каменным уступам и карнизам над зловещими пропастями.

Человек торопился и торопил Илгу. Она едва успевала за ним, до крови натирая ноги. Наконец, они сделали привал, чтобы перекусить. Илга попыталась заговорить с человеком, но он отмалчивался.

Она сидела и слушала тихую, чарующую музыку капель. Эта музыка убаюкивала. Илга невольно зевнула и прикрыла глаза. Сморенная усталостью девушка заснула в одно мгновение. Ей даже начало что-то сниться.

— Спать не время, — сказал над ее ухом человек и поднялся. Она тоже встала. Надев рюкзаки, они пошли дальше.

На карте начальника отряда были отмечены все подземные пустоты и пещеры в районе пограничной полосы, все действующие и пересохшие водные магистрали, шахты и колодцы.

Коваченко и Семенов уже больше часа самым тщательным образом изучали эту карту. В подземных пустотах, которые примыкали к границе, они бывали и сами. Впрочем, они знали только три таких полости: Янтарное озеро, естественную пещеру, в которой геологи обнаружили родонит и оникс — полудрагоценные поделочные камни, — и до поры до времени замуровали ее (пройти туда можно только через железную дверь, которая закрыта на замок) — и, наконец, древнее городище.

Сооруженное далекими предками в мягком песчанике, оно, как и подземное озеро, посещалось туристами. Городище состояло из двухъярусного лабиринта коридоров, по сторонам которых имелись комнаты. В иных

комнатах сохранилась некоторая домашняя утварь, глиняная посуда и даже корчаги с зерном.

Все три полости по приказу Коваченко были тщательно осмотрены. Никаких следов нарушителей границы там не обнаружено.

Хуже обстояло дело с кирзами. Многие из них полуобвалились и были непроходимы для человека, да и действовавшие представляли большую опасность для тех, кто попытался бы их обследовать. В них было много ядовитых змей. Кроме того, укрывшимся там нарушителям ничего не стоило уничтожить любого, кто попытался бы спуститься вниз. Сами же они оставались в пределах недосягаемости.

Полковник отдал приказ поисковым группам не спускаться в кирзы, а держать под наблюдением все выходы из подземных водных магистралей.

На карте отмечены и небольшие пещеры в горах, где обычно чабаны укрываются от непогоды. Оперативной ценности они не представляли, но полковник распорядился, чтобы и их осмотрели самым тщательным образом.

Две подземные полости обведены на карте контуром. Об их существовании и размерах имелись только предположения, сделанные на основе рассказов старожилов и наблюдений исследователей за небольшими горными речушками, уходящими под землю, а потом снова вытекающими из-под земли уже в нескольких километрах от прежнего места. Случалось, речушки меняли свое русло, пропадали на несколько лет, а потом опять появлялись. В народе их называли «блуждающими».

Одна из этих речушек находилась неподалеку от того места, где Илга обнаружила старика и где только что были найдены ее велосипед и платье с босоножками.

Коваченко не раз встречался со специалистами по пещерам и исследователями подземелий. Они рассказывали ему об образовании пещер в горных породах — известняке, доломите, гипсе, каменной соли, об исследованиях карстовых пропастей и пещер, которые прово-

дятся за рубежом и в Советском Союзе. Коваченко до скончания изучил в свое время предложенную ему специалистами-спелеологами литературу о пещерах. Он знал, что в отдельных районах мира встречаются величайшие подземные полости, целые пещерные системы, часто многоэтажные, а также карстовые шахты и вертикальные пещеры-бездны. Проникнув в глубь таких пещер, спелеологи проходили под землей десятки километров.

На американском континенте в штате Кентукки имеется одна из величайших пещер мира. Ее назвали Мамонтовой. В пещере больше двухсот проходов, десятки огромных гротов, несколько рек, водопадов и озер. Протяженность пещерной системы — двести пятьдесят километров.

Громадные пещеры есть и в Швейцарии, Австрии, Югославии, Чехословакии, Франции, Венгрии, Германии, Испании. Иногда пропасти в пещерах достигают глубины в несколько сот метров. Так, во Франции в пещере Берже на известняковом плато Сорнен (Верков) спелеологи-альпинисты, как сообщалось в книге известного французского исследователя пещер Кастре Гренобля, «спустились на глубину 985 метров и обнаружили дальнейший спуск более чем на тысячеметровую глубину. Впоследствии на глубине 1128 метров в этой пропасти был достигнут конечный сифон».

В нашей стране на севере европейской части, в Приуралье, Крыму, Средней Азии и в Сибири тоже имеются большие пещеры и пропасти.

И каждый год спелеологи находят все новые и новые подземные пустоты. Они исследуют их, ведут наблюдения за натечно-капельными и кристаллическими образованиями, придающими неповторимую красоту сказочным подземным дворцам, собирают сталактиты и кристаллы, пещерный жемчуг, изучают жизнь летучих мышей и рыб, живущих в пещерах.

Полковник Коваченко все больше склонялся к мысли о том, что лазутчики, которых ищут пограничники, скры-

лись где-то под землей, в пещерах, входы которых были разрушены во время землетрясения.

Уже дважды полковник звонил Караеву в колхоз, но жена председателя отвечала, что Мамед еще не вернулся домой.

— Как только приедет, скажу, чтобы позвонил вам, — пообещала она.

В разговоре с Караевым о задержанном на границе Алабаше чабаны вспоминали имя некоего Тангры Берды, который когда-то был пособником старого контрабандиста, продавал перенесенный через границу опий, но потом от этого дела отошел и стал работать в одном из скотоводческих колхозов. Теперь Тангры Берды вышел на пенсию и жил со своим сыном Персяном.

Караев знал старого Берды и поехал к нему с надеждой выведать у него что-нибудь об Алабаше и его методах перехода границы в прошлом.

Коваченко и Семенов с нетерпением ждали возвращения Караева. Через час полковник снова снял трубку, чтобы связаться с колхозом, но в это время увидел за окном старый, видавший виды газик Караева. Председатель приехал на заставу сам. Видно, он очень устал, бородка из черной превратилась в серую, но маленькие светло-карие глаза смотрели победоносно.

Семенов вызвал дежурного и попросил принести из кухни специально приготовленный для Караева зеленый чай и пиалы.

Поздоровавшись с офицерами за руку, Караев начал рассказывать, как чуть не свалился в пропасть вместе с машиной из-за промоин на одном из серпантинов. Рассказывает ярко, со всеми подробностями, будто он весь во власти только что пережитого дорожного происшествия. Коваченко и Семенов не перебивают Караева, несмотря на то, что сейчас их интересует совсем другое.

Семенов разливает по пиалам чай, молча ставит перед Караевым блюдце с конфетами, хотя знает, что Мамед никогда не пьет кок-чай с конфетами, если ему нужно утолить жажду.

— Ну, а как поживает Берды? — спрашивает Коваченко, воспользовавшись паузой в разговоре.

— Вепат болды *. Или, как у вас говорят, «приказал долго жить», — Караев вытирает платком лицо.

— Вах, вах**! — Коваченко качает головой. — Значит, поездка была напрасной. Правильно говорят: домашняя дума в дорогу не годится. Жалко. Очень жалко.

— Кое-что я все-таки узнал, — говорит Караев, хитро подмигивая. — От сына Берды — Персяна. Стайды Берды иногда вспоминал о своем не очень-то хорошем прошлом.

— Что же он вспоминал, Мамед-ага? — с нетерпением спрашивает Семенов.

Вспоминал, оказывается, многое. Например, то, что Алабаш переходил границу со своими сообщниками под землей. Путь этот хранился ими в строгом секрете. Никто не знал, где начало и где конец этого пути. Однажды конкурирующая с Алабашем банда попыталась проследить за ним, узнать, где вход в подземную пещеру, но в самую последнюю минуту, когда сообщники Алабаша уже скрылись под землей, главарь увидел людей из этой банды и убил их, а потом бросил в реку. Самое удивительное во всем этом для Коваченко было то, что тела бандитов нашли в том самом месте, куда Мамеда вынесло рекой. Значит, вход в пещеру находится где-то недалеко, может, даже рядом с площадкой, на которой его увидела девушка.

Самому Берды атаман Алабаш не говорил о входе в свое подземное царство, только как-то похвастался, что вход этот хранит от любопытных взоров река. Берды считал, что Алабаш прятал под землей все свои богатства, потому так и оберегал тайну.

— Река, говоришь, скрывает вход? — переспрашивает Коваченко. — Это уже наводит на некоторые размышления. Не скрывается ли вход в пещеру под водой?

* Умер.

** Выражение досады, сожаления.

В Италии, на острове Капри, где одно время жил Горький, есть так называемый Голубой грот. Вход в него у самой воды. Во время прибоя его даже закрывает волной. Чтобы попасть в грот, туристы вынуждены ложиться на дно лодочек. А весельщики ловят удобный момент, когда отхлынет волна и буквально вгоняют свои лодочки вместе с прихлынувшей волной в маленькое отверстие в горе. Сам же грот таких размеров, что даже сводов его не видно над головой. Вот я и думаю, нет ли подобного грота и у нас на участке? Крутые берега реки дают основания к таким заключениям. Ведь именно в этом квадрате находятся и блуждающие речки. А если учесть, что эта местность только после войны отошла к нам, когда установилась новая граница, то можно сделать далеко идущие предположения.

— Вы думаете, именно в этом месте Алабаш уходил под землю, переправляя контрабанду в Россию с сопредельной стороны? — говорит Семенов.

— Во всяком случае это не противоречит нашим соображениям.

— Значит, нужно бросить все силы на обследование берегов и дна реки.

— Правильно, — соглашается полковник. — И думается, путь этот уже найден Илгой. Не попыталась ли она отправиться по следам нарушителей, приехавших на лошадях с Алабашем к реке? Ведь фонарь, который она взяла у брата, не обнаружен на берегу, как велосипед и платье. Зато там найдено серебряное блюдо с ее отпечатками пальцев. Видно, она нашла его в реке. Действовала на свой страх и риск. Отчаянная девушка!

Семенов вдруг вспомнил, как она плавала в подземном озере.

— Она и не представляет, в какой опасности находится, — проговорил он. — Нужно форсировать поиски.

— Нужно, — соглашается Коваченко и смотрит на майора. — У вас есть практический опыт работы под землей, на озере. Вам, как говорится, и карты в руки.

— Я только что об этом хотел просить вас, — говорит Семенов, обрадованный предложением полковника. Коваченко чуть улыбается:

— Значит, все-таки существует телепатия... Поезжайте туда немедленно. Поставьте перед людьми задачу. А я тем временем свяжусь с другими заставами, подошлю вам хороших пловцов, ныряльщиков. Лишний человек в этом деле не помешает.

Глава четвертая

НОРУ под водой в реке обнаружил солдат Вагидов. И не потому, что он лучше других умел нырять. Просто ему повезло. Он увидел, как плывшая перед его носом рыбина метнулась в сторону и исчезла в черной дыре. Вагидов повернул за ней и ухватился за выступ скалы. Несколько секунд он рассматривал отверстие, стараясь определить его глубину, но дыхание кончилось, и он вынырнул.

Вагидов поплыл к берегу, чтобы доложить о своей находке майору. Семенов в это время разговаривал с только что прибывшими из города студентами-аквалангистами. Он просил их обследовать подводную часть берегов реки.

Сообщением Вагидова заинтересовались все, кто участвовал в поисках тайного входа в подземный мир. Студенты еще не успели надеть акваланги, а несколько солдат уже бросились в воду, чтобы убедиться в открытии, сделанном Вагидовым.

Сомнений не было — перед ними находилась заполненная водой пещера.

Майор приказывает аквалангистам обследовать пещеру и выяснить, сообщается ли она с другими подземными полостями.

Он почти уверен, что обнаруженная Вагидовым нора известна контрабандистам. Нет, он не думал, что через нее можно попасть в обширнейшие пещеры, поиски которых велись уже много лет. Он предполагал, что это подводное убежище похоже на построенное в Великую Отечественную войну итальянцами помещение для боевых пловцов в Сардинии. Та подводная пещера сообщалась с сухим помещением под землей. В ней находились снаряжение, взрывчатка, съестные припасы. Итальянские подводные диверсанты намеревались использовать их после того, как территория будет занята противником. В их планы входило уничтожение береговых объектов, минирование кораблей, десантирование, проникно-

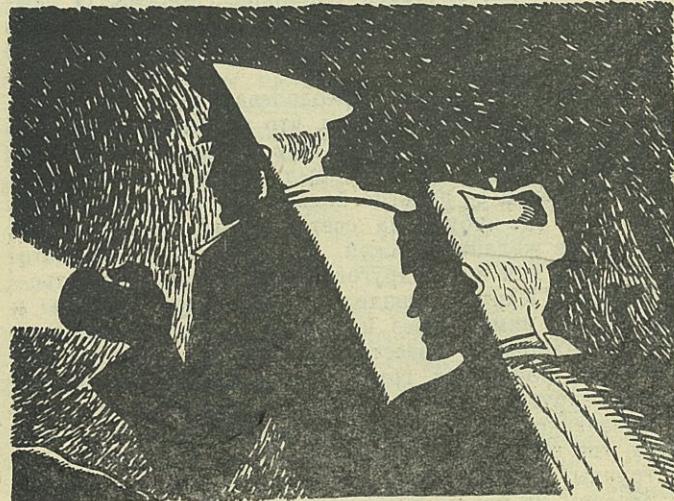
вение на сушу в разведывательных и диверсионных целях.

Семенов связывается по радио с начальником отряда и докладывает ему о первых шагах пограничников под землей, о проводе, обнаруженному в пещере.

Получив от полковника подробные инструкции, он сам возглавил группу, которой было поручено обследовать подземные полости и найти следы нарушителей границы. О каждом своем шаге он должен был докладывать в штаб отряда.

В группу входят десять человек. Помощником у майора — старшина Кучкин.

Проникнув в пещеру и надев там теплое шерстяное белье, телогрейки, прорезиненные плащи (все это находилось в целлофановых мешках), пограничники взяли с собой автоматы, фонари и тронулись в путь.

Пользуясь тем же проводом, что и Илга, они без осо-
бого труда добрались до колодца, где вынуждены были
снова раздеться, сложить одежду в непромокаемые ме-
шки и пройти по шею в воде через узкую галерею. Вы-
бравшись на сушу, пограничники тотчас же увидели
нацарапанное на стене уходящего в глубину коридора
имя девушки. Значит, она жива.

Но где она? Что с ней? Не попала ли в лапы врагов?

Пограничники идут дальше по длинному коридору. Он приводит их к водопаду. По веревочной лестнице, которой несколькими часами раньше пользовалась Ил-
га, они поднимаются на следующий этаж. И опять их ведет узкий извилистый ход. Они делают один поворот, второй, третий, четвертый и выходят к подземному озеру. На берегу его обнаруживают палатку, потущенные светильники, снаряжение для подземных работ. Продвигаясь по каменным залам и коридорам, пограничники тянули за собой телефонный кабель. О каждом своем шаге они докладывали на поверхность дежурному, который был постоянно связан по радио с начальником отряда.

Семенов шел первым. Преодолевая преграды на пути, он думал об Илге, боялся, что не успеет вызволить ее из этого каменного плена. Ему бы только знать, что она жива, здорова. Он готов был теперь согласиться на то, чтобы потом ее никогда больше не видеть. Пусть бы жила себе где-нибудь на свете, пускай бы исполнились все ее желания, пускай бы была счастлива, потому что она, как никто другой, имела право на счастье.

Сержант Климов увидел ее резиновые тапочки и записку под ними. Через несколько минут содержание записи становится известно начальнику отряда, руководителям поисковых групп, начальнику войск погра-
ничного округа.

Коваченко отдает приказ сосредоточить все силы у места, где обнаружена подводная нора, перебросить туда группы, которые вели поиск по соседству с рекой.

Вечером на берегу реки разбили небольшой военный

лагерь. Вертолет доставил туда специалистов-спелеологов и все необходимое для подземных работ снаряже-
ние: рулоны с гибкими лестницами и связки веревок, лебедку с тросами и шахтерскую одежду, электрические лампы и аппараты ночного видения, надувные резиновые лодки и продовольствие.

Никто не знал, куда и с какой целью уплыли лазутчики на надувной лодке, почему оставшийся на берегу человек порвал провод, связывавший этих нарушителей с лагерем, убил находившегося в палатке сообщника и ушел в противоположном направлении.

Самым тщательным образом были обследованы ост-
авшиеся на берегу вещи.

Внимание полковника Коваченко привлекли доставленные из-под земли колодки с прибитыми к ним ло-
шадиными подковами, странные неудобные балахоны с капюшонами, напоминающими куклуксклановские оде-
ждия и особенно содержимое карманов убитого человека. Здесь был пистолет, величиной со спичечный коробок, бесшумно стреляющий крошечными ампулами с сильнодействующим ядом, вызывающим моментальный паралич нервной системы. Слуховой аппарат, с по-
мощью которого можно услышать разговор людей, находящихся в нескольких десятках метров. Стальные браслеты с острыми крючками. Набор тюбиков с какими-то мазями и жидкостями. Нейлоновые трубы с резиновыми присосками. Все эти вещи говорили о том, что пограничники встретились с хитрым и хорошо подготов-
ленным врагом.

Черные куклуксклановские балахоны, позволяющие до неузнаваемости изменять очертания фигуры человека, носили когда-то японские «невидимки» — «ниндзя», которые с незапамятных времен использовались в качестве наемных шпионов и убийц. И виды оружия у них были свои собственные: сверхсекретные миниатюрные духовые ружья, которые состояли из нескольких скрепленных вместе трубочек, заряженных отравленными иголками. Стреляли из таких ружей так же, как маль-

чишки стреляют комочками жеваной промокашки, сильно выдувая ее из железной вставочки.

Даже в самой Японии многие считают, что ниндзя обладали сверхъестественными способностями, могли превращаться в кого угодно: в ящерицу, змею, в паука, — проникать сквозь стены.

Как знать, может, на этот раз через границу перешли люди, изучившие необычное искусство японских ниндзя?

Все эти сообщения тревожили Коваченко. Он должен был продумать каждый шаг пограничников под землей, предусмотреть, учесть каждую мелочь.

Было решено снарядить две поисковые группы, одну из которых послать на надувной лодке в след упавшим по озеру нарушителям, другую — в противоположную сторону, куда ушла Илга и загадочный для нее человек.

Как и во время обследования Янтарного озера, к лодке подсоединили катушку с телефонным проводом, чтобы всегда можно было связаться с остальными. Командиром этой группы назначили начальника соседней заставы майора Туликова.

Анализируя записку Илги, пограничники решают, что оставшийся на полуострове человек, видимо, знал больше, чем те, что уплыли на лодке, может, он даже специально послал лодку в нужном ему направлении. Он действовал так, будто не хотел, чтобы отправившиеся на лодке люди вернулись обратно.

Как знать, не являлись ли те люди нужными человеку на берегу только до определенной поры?

Туликов делится своими соображениями по телефону с начальником отряда. Полковник отвечает, что не был бы удивлен, если бы узнал, что человек на берегу не только хотел отделаться от упавших на лодке, но и послал их на верную смерть.

— Так что будьте осторожны, — говорит Коваченко. — Постоянно поддерживайте связь друг с другом. Как только почувствуете, что лодку несет течением,

гребите к берегу, швартуйтесь тросами за каменные уступы. Берегите себя.

И вот в каменной стене, которая уходила под воду, перед пограничниками выросли два темных узких проема. Илга писала, что нарушители скрылись в правой щели, которая была дальше от берега.

Гребцам почти не приходится работать веслами. Течение само несет лодку по подземной реке. Стоящий на носу майор Туликов освещает путь. Луч его фонаря то и дело натыкается на выраставшие из воды скалы, и тогда он дает преображенам команду взять левее или правее. Иногда он и сам орудует запасным веслом, отталкиваясь от каменных островков.

Порою река настолько широка, что берега еле-еле просматриваются с лодки, а порою так близко подступают друг к другу, что гребцы убирают весла и отталкиваются от каменных утесов руками.

В группе майора Семенова пограничники несут с собой вёревки и другое снаряжение, необходимое для подъемов на карнизы и спусков в пропасти. Находящийся вместе с ними спелеолог отмечает путь стрелками. Он рисует их мелом или углем на стенах (в зависимости от цвета этих стен) через каждые десять-пятнадцать шагов, а на поворотах — через один-два шага. Стрелки своим острием всегда указывают на выход. Возле стрелок спелеолог ставит номера, чтобы в любую минуту можно определить пройденное расстояние. Пограничники идут по руслу пересохшей реки. Время от времени им попадаются стрелки, нацарапанные рукой Илги, и тогда они убирают шаги, хотя идти и ползти с тяжелой поклажей по узким и низким каменным коридорам очень трудно.

Возле ревущего водопада Шульгаев находит две пустые консервные банки с остатками бекона на стенках. Из них еще не выветрился запах мяса.

В одной банке — заколка для волос с маленькими

стеклянными камешками. Илгина. Семенов однажды нашел такую же на каменной плите, где она сидела, долго носил в кармане, а потом, встретившись с девушкой в горах, отважился заколоть ей волосы. В общем, получилось несколько банально. В ответ она поправила воротник у майора, провела рукой по его шее. Это растрогало Семенова. Напомнило ему о молодости, о том, как они с Машей души не чаяли друг в друге, не могли наговориться при встрече, как были предупредительны. Куда все это девалось?

Как-то, уже после рождения дочки, он в шутку упрекнул Машу в том, что она не ласкова с ним.

— Ты же видишь, я кручуясь, как волчок, — ответила она.

«Как будто для того, чтобы поцеловать, нужно время. Нет, — подумал тогда Семенов, — дело не только в ребятах».

Она всю себя отдавала детям, могла ворковать с ними с утра до вечера, терпеливо выслушивала их путаные рассказы и каждому находила нужные слова. Они видели в ней друга и охотно доверяли свои маленькие тайны.

В такие минуты Семенов чувствовал себя отчужденным.

Майор положил заколку Илги в карман. Сейчас не время для воспоминаний. Надо было торопиться. Каждая минута могла стоить Илге жизни.

Пересохшее русло реки привело путников к огромной пропасти. У Илги мороз по коже прошел, когда она заглянула вниз. Луч фонаря потонул в темноте, не достигнув дна. Слышно только, как глухо шумит откуда-то падающая на камни вода.

Площадка возле пропасти неровная. Там и тут валялись камни, и казалось, что они упали с потолка пещеры. К одному из них была привязана толстая веревка, конец ее свисал в пропасть.

Человек потянул за веревку и, перебирая и склады-

вая ее у своих ног, вытащил наверх. Длина ее — несколько десятков метров. Человек долго рассматривал размочаленный конец веревки.

— Должно, перетерло камнями, — сказал он.

— По ней кто-нибудь спускался? — спросила Илга.

Человек не ответил. Он взял камень и бросил в пропасть. Илга стала считать: раз, два, три, четыре... За четыре секунды камень пролетает шестьдесят метров.

Человек выругался и бросил в пропасть еще один камень. И опять Илга почти успела досчитать до четырех. Глубина пропасти, таким образом, оказалась равной примерно пятидесяти метрам.

— Нам не хватает шести метров, — сказал он, развертывая легкую капроновую лестницу. — Придется, стало быть, воспользоваться еще и веревкой. — Он привязывает конец лестницы к тому же камню, к которому привязана оборвавшаяся веревка. Делает он все быстро, споровисто. Когда лестница была укреплена, он подвязал к другому ее концу веревку и начал спускать в пропасть.

— Полезешь первой, — сказал он Илге.

Она сжалась, представив, как будет болтаться в темной бездонной пропасти, спускаясь по гибкой раскаивающейся лестнице. Но разве можно было сказать о своем страхе?!

На всем длинном пути к этой пропасти человек всегда посыпал ее первой. Он как бы испытывал на ней крепость карнизов, по которым им приходилось идти, прочность веревок. Она давно уже поняла, что он такой же враг, как и те, что уехали на лодке по озеру, только у него своя цель, не похожая на ту, что преследовали остальные нарушители. В пути он пользовался начертанным на твердом листе бумаги планом, который никогда не показывал Илге. Зачем человек шел по руслу подземной реки, зачем пробирался по узким лазам, зачем

преодолевал по карнизам пропасти, она не знала. Куда он должен был выйти, с кем встретиться?

Когда-то давно она попала в веселый лабиринт из стекол в парке культуры и отдыха. От души хохотала над собой, что не могла найти выход.

Этот же подземный лабиринт был сродни скорее таинственному лабиринту на Крите, в котором жило чудовище Минотавр. Где она, нить Ариадны, которая помогла бы найти выход отсюда?

Несколько раз Илга пыталась заговорить с неизвестным во время привалов, но безуспешно. Он молчал как рыба. А если она надоедала ему с расспросами, поднимался и брал рюкзак. Она скоро поняла, что ей лучше не тормошить его, пусть не торопится, тогда у нее останется больше времени.

Спешить — не входило в планы Илги. Она была уверена, что ее уже ищут: радовалась, что отодвинула от щели камень под водой. Ведь это облегчило пограничникам поиск входа в пещеру. Они пойдут по лабиринтам, найдут ее письмо и узнают все, что она видела.

Илга знала, что нужна этому страшному человеку до поры до времени, нужна как носильщик, как подсобник. Достигнув цели, он постарается освободиться от нее. А может, он сделает это и раньше. Для Илги важно было определить этот момент и попытаться защитить себя.

Их путь, видимо, уже подходил к концу, потому что человек вдруг ожил, ему не сиделось на месте, он без конца курил. Иногда даже наставлял песенку «Катюша». Илге странно было слышать любимую нашим народом песню из уст этого угрюмого, обросшего щетиной человека.

«Может, он хочет сбросить меня в эту пропасть, а сам подастся другой дорогой? — думает она. Но тотчас же прогоняет эту мысль. — Он мог бы сделать это гораздо проще: столкнул бы, и все. Нет, ему, видно, тоже

нужно спуститься в пропасть. Он обеспокоен: выдергивает ли лестница — и опять посыпает вперед меня».

— Как только спустишься, дерни за лестницу три раза, — говорит он. — Я отправлю на веревке рюкзаки. Примешь.

— Хорошо, — отвечает Илга, привязывая фонарь к поясу. Она встает на колени у края пропасти и берется за лестницу. Руки у нее слегка дрожат.

Первые десять метров капроновая лестница лежит на чуть наклонной каменной стене, потом стена обрывается, и Илга зависает над пустотой. При каждом движении рук и ног лестница раскачивается, как маятник, сверху сыплются песок и камни, и девушка вынуждена «замирать» на месте, ждать, пока лестница «успокоится». Время от времени она берет в руки фонарь и освещает все вокруг. Она видит черные, местами мокрые, стены, уходящие в бездну. Илга боится теперь только одного, как бы у нее не закружились голова и она вдруг не выпустила бы из рук гладкие пластмассовые перекладинки. Ноги ее неожиданно упираются в порожек, она встает на него, и тотчас же порожек начинает шататься, ускользать из-под ног. Илга крепче цепляется за лестницу, нащупывает ногами болтающиеся в пустоте перекладинки. Откололшийся от скалы камень с шумом падает на дно пропасти, падает совсем рядом, она чувствует даже поднявшуюся пыль.

Кончилась последняя ступенька. Илга как можно крепче обхватывает коленями веревку и спускается ниже. Вот уже руки простились с последней перекладиной, коснулись тонкой веревки. Последние метры спуска самые трудные. Все тело приходится держать на весу, уставшие руки скользят по веревке, которая жжет ладони. Илга судорожно цепляется за веревку, крепче сжимает ее коленями. Наконец, ноги касаются долгожданной тверди.

Сил нет. Илга садится на камни и смотрит вверх. Где-то на головокружительной высоте горит одинокий огонек — светит фонарем ненавистный ей человек. Она

вспоминает о его наказе и дергает три раза за веревку. Пусть он спустит сюда рюкзаки, пусть начнет спускаться сам, а потом она посмотрит, как ей действовать.

Нервы у Илги так взвинчены, так гулко бьется сердце в предчувствии решающей схватки, что она не сразу обращает внимание на бегущий у ее ног ручей. До него можно дотянуться рукой. Вода в нем теплая, как и на озере, по которому уплыли остальные нарушители границы. И она успевает подумать, что ручей этот, наверное, тоже связан с тем подземным озером, где они купались с Семеновым. Может, если идти по этому ручью, как раз и придешь к озеру.

Рядом с Илгой опускаются вещевые мешки. Она быстро отвязывает их и опять дергает за веревку три раза.

Закачалась из стороны в сторону лестница, закачала-ся фонарь. «Костыль», как мысленно называла Илга своего спутника, начал спускаться в пропасть. Спускается он очень медленно и осторожно, страхует себя еще и веревкой. А Илга все еще не придумала, как ей действовать в эти решающие минуты.

Руки ее ощупывают вещевой мешок «Костыля». Она надеется найти там оружие. Но ей попадаются только круглые консервные банки и что-то мягкое, по-видимому запасное белье.

Сыплется песок, летят камни, Илга вскакивает и прижимается к скользкой, мокрой стене. «Костыль» тоже ступил на шаткий, полуобвалившийся карниз. Она стоит и смотрит на перемещавшуюся по вертикали светлую точку. Иногда точка останавливается. Луч света шарит по стенам.

Снова летят камни. Один из них, с острыми выступами, она берет в руки и ждет. Теперь Илга знает, как будет действовать. «Только бы не опоздать, — думает она, — только бы вовремя нанести удар. И такой, чтобы «Костыль» сразу же потерял сознание. Сумеет ли она справиться с ним?»

Она делает шаг к веревке. Раздался ужасный крик, и к ногам Илги падает огромная каменная глыба. Илга

освещает ее фонариком и видит лежащего под камнем «Костыля». Несколько мгновений девушка стоит, не шелохнувшись, оцепенев от страха. А сверху все еще сыпется каменный дождь. Наконец, все стихает, и только шумит у ее ног бурливый поток. Она бросается к «Костылю», освещает его лицо. Он лежит без движения с закрытыми глазами. Рядом валяется его автомат, который он за все время пути ни разу не выпустил из рук. Илга отпихивает автомат ногой и склоняется над человеком. Грудь «Костыля» тяжело вздыхается и опускается. Значит, жив, и это радует девушку. Как будто перед ней и не враг вовсе, готовый в любую минуту уничтожить ее. Нужно отвалить от его ног камень, высвободить. Не таким-то легким делом оказывается это для тоненькой, хрупкой Илги. Камень точно прирос к ногам «Костыля». Она заходит с другой стороны и упирается плечом в стену, а ступнями в камень. Кажется, поддается. Илга поднажала еще, и камень отваливается в сторону.

Она осматривает человека, расстегивает молнии на комбинезоне. Упавший сверху камень, как видно, сшиб с лестницы «Костыля» и повредил ему ноги. Илга отвязывает от его пояса большой финский нож и разрезает водонепроницаемые брюки. Ноги у человека до самых колен раздроблены, на камнях тускло поблескивает лужица крови. Прежде всего она решает перевязать «Костыля». Расстегивает его рюкзак, вытряхивает содержимое на камни в надежде найти что-нибудь пригодное для перевязки. Среди вещей, рассматривать которые ей было сейчас недосуг, она находит полотенце и несколько пустых полотняных мешочков. Илга разрезает их на полосы и начинает бинтовать «Костылю» ноги. Потом она прикладывает к его лбу мокрую тряпку. Илга делает все, что может, что в ее силах. Она ни разу не задала себе вопрос, зачем она это делает.

Она поступала так, как поступали во время войны санитары, спасая жизнь только что стрелявшим в них врагам.

«Костыль» открывает глаза. Лицо его искажается от боли, когда он пытается шевельнуть ногами; вырываются вопль отчаяния. Несколько минут человек лежит молча, устремив глаза вверх. Он сжимает и разжимает кулаки.

Илга понимает, что теперь не подвластна ему. Она думает о том, что ей делать дальше.

— Как тебя звать? — вдруг спрашивает человек.

Илга назвала свое имя. В ее ответе чувствуется вызов: «Видишь, мне не нужно таиться, хитрить. Мне нечего скрывать». Она не удивилась его вопросу. Она не удивилась бы, если бы вдруг этот человек стал рассказывать ей о себе, о том, куда и зачем он шел и вел ее за собой.

— Илга... — повторяет он. — Непонятное звание. Ты откуда родом?

— Из Прибалтики.

— Не бывал там. Говорят, культурный край.

— А ты откуда? — спрашивает Илга.

— Саратовский.

— А как же очутился там?

— Это не для твоих ушей разговор, — отвечает ей человек. — Поговорим лучше о тебе. У тебя есть родители? Кто ты? Кем работаешь?

— Мои родители погибли в войну. На фронте. Погибли в боях за Родину, — говорит она все с тем же чувством превосходства над ним. — А я работаю учительницей в школе.

— Не сладко, стало быть. Я бы мог сделать тебя богаче.

Илга настороживается. Это то, ради чего затеян весь разговор? Сейчас он будет «обрабатывать» ее, она это чувствовала. И не ошиблась.

— Ты была бы самой счастливой на свете, — продолжает человек. — Купалась бы в золоте.

Илга невольно улыбается. Каким же примитивным он представлял себе счастье... Однако она ничего не отвечает ему. Пусть он скажет все, что хочет. Пусть да-

же думает, что она может клюнуть на его крючок. На его хитрость она должна отвечать хитростью. Сейчас главное — узнать от него как можно больше.

Несколько минут «Костыль» лежит без движения, морщится от боли.

— Послушай, Илга, — хрипит он, превозмогая боль. — Я не враг вашей стране. Не шпион и не диверсант. Мне это совсем ни к чему, потому что я сам из этой же страны. Но теперь живу в другом царстве-государстве. Так получилось. И дело совсем не в этом. Я пришел сюда, под землю, за золотом, которое оставил тут один знакомый.

— За каким золотом? — спрашивает Илга. — Откуда оно здесь?

— Это старая история. И не всем нужно ее знать. Ты должна теперь помочь мне взять это золото.

— Каким образом?

— Этот вопрос мне уже нравится. Ты потащишь меня туда, куда скажу. Это уже близко. И не будет больше ни пропастей, ни обрывов.

— Как же я подниму тебя?

— Надо постараться, если хочешь быть богатой. Игра стоит свеч, как говорили наши предки. А они знали толк в золоте.

Отдышавшись, человек продолжал:

— Некоторые блага обещаю тебе даже под землей, когда доберемся до места. Кроме золота, там есть и еще кое-что, нужное человеку. Подлечишь меня. Восстановим силы, а потом я выведу тебя кратчайшим путем на божий свет и хорошенко отблагодарю.

Илга поняла, что «Костыль» не врал, когда говорил о спрятанных в горах богатствах, не случайно же в рюкзаке у него оказались мешочки. Для золота припас, для всяких драгоценностей.

Она вспоминает рассказы Семенова о легендах, связанных с Янтарным подземным озером, о том, что пещера, в которой она находится, служила когда-то убежищем для невольников и разбойников, о том, что по

озеру переправляли контрабанду из одной страны в другую, и ей стало ясно, каким образом попали сюда богатства, за которыми пришел этот человек.

Теперь ей казалось, что она поняла, зачем пожаловали сюда все эти люди в пробковых шлемах, зачем «Костыль» притворился, что не может идти с ними, потому что «сломал ногу». Как видно, они не знали, где лежит золото, а «Костыль» знал, но он не хотел делиться с ними этим богатством и направил их по ложному пути. Впрочем, все это были только домыслы Илги.

«Что же ответить «Костылю» на его предложение? — думает Илга. — Что предпринять? Не может же она сидеть вот так с ним и ждать, когда сядут батарейки в фонариках, кончаться продукты, и они навсегда останутся на дне этой страшной пропасти».

— Поменяй мне тряпку, — просит «Костыль».

Илга идет к ручью, но зорко следит за «Костылем». Вдруг она бросается назад и выхватывает у него вчетверо разорванную бумагу. Он хотел уничтожить план подземелья.

— Отдай! — грозно приказывает он.

— Нет! — она прячет в карман листки. — Это может пригодиться.

В ее голове мгновенно созревает план действий.

— Слушайте меня внимательно, — говорит она. — Сейчас я уйду от вас тем же путем, которым мы пришли. Но вы не беспокойтесь. Я оставлю вам часть продуктов и фонарь. Даже нож могу оставить.

— Ты не бросишь меня! — кричит он, судорожно хватаясь за землю. — Я погибну здесь!..

— Не погибнете. За вами придут. И скорее, чем вы можете предположить, потому что по нашим следам давно идут пограничники.

— Ты не дойдешь одна. И я погибну. Это глупо. Останься. Мы будем самыми богатыми. Если хочешь, помогу тебе уйти через границу, где за золото можно купить все, что душа потребует. Мы поженимся, купим особняк с бассейном, машину, яхту, заведем прислугу.

Откроем прибыльное дело. Нам будут завидовать. Увидишь.

— Нет! Нет! — повторяет она, испытывая брезгливое чувство к этому человеку.

Она собирает в одно место банки с консервами, сыр в тюбиках, икру и честно делит все это на две равные части. Даже батарейки от карманного фонаря разделила поровну.

Что причитается ей, она складывает в свой вещевой мешок, остальное кладет возле его изголовья.

Он не спускает с нее глаз, он готов в любую секунду вцепиться в нее. Она это чувствует, старается не подходить близко.

— Ты погибнешь! — твердит он. — И я погибну.

— Меня спасут. И вас тоже.

Она берет автомат «Костыля», вещевой мешок, берет фонарь и направляется к свисавшей веревочной лестнице.

Он шлет ей вдогонку проклятья. Клокотавшая в камнях вода заглушает его крики.

Труднее всего Илге преодолеть первые шесть метров по веревке, привязанной к лестнице. И тут ей помогает другая веревка, которой страховала себя «Костыль» при спуске. Делая передышки, она продевает ее у себя под мышками, затягивает петлей. Наконец, руки ее касаются перекладинки, а вот на нее становятся и ноги. Теперь Илга могла ускорить подъем. Она не преодолела еще и половины пути, как вдруг почувствовала, что лестница натягивается и идет в сторону.

Илга вцепилась в перекладину и замерла. Ей хотелось бы верить, что все это ей просто кажется. Но лестница продолжала уходить в сторону, а потом вдруг остановилась на секунду и пошла обратно. У Илги сжалось сердце, перехватило дыхание. Теперь у нее не было сомнения — лестницу раскачивал «Костыль». На мгновение она представила, как он, обезумев от страха и отчаяния, судорожно цепляясь за камни, подтащил

свое раздавленное тело к ручью, как ухватился за свисающую сверху веревку...

«Дура! — шепчет она. — Я же могла подтянуть ее к лестнице и завязать».

Лестница стегает ступеньками по стене и идет назад. Илья пытается подниматься, но лестница словно упливает у нее из-под ног, девушка не может попасть на перекладину. Одно неосторожное движение может стоить ей жизни. Илья продевает руки между ступеней, просовывает ногу и прижимает к груди веревку. Теперь девушка будто срослась с лестницей и страхнуть ее невозможно. Но она понимает, что долго так продолжаться не может. Раскачиваясь, лестница где-то высоко над ее головой трется о камни и может разорваться. Сверху то и дело срываются каменные глыбы и со свистом пролетают мимо, в любую секунду они могут ударить ее по голове, сбить с лестницы.

Надо что-то придумать, надо обезопасить подъем.

И тут она вспоминает об автомате «Костыль», который висит у нее на плече.

Свободной рукой она пытается снять его, но ремень автомата зажат вещевым мешком и ей снова приходится высвобождать руку, просунутую между ступеньками. Наконец, автомат у нее в руках.

Илья направляет ствол автомата вниз и нажимает гашетку. Вырывается тугой сноп огня, и в ту же секунду подземные своды оглашаются раскатистым эхом. Ничего подобного Илья не слышала. Ей казалось, что где-то под ее ногами рвутся фугасные бомбы.

Но «Костыль» продолжал раскачивать лестницу. Охваченный лютой злобой, он, как видно, не думал о себе.

Илья дает еще одну очередь, потом еще. Она стреляет до тех пор, пока не кончаются патроны. Автомат ей больше не нужен, и она швыряет его в пропасть.

Смертельно уставшая, оглушенная, Илья прижалась к лестнице и застыла. Она не может двинуть ни рукой, ни ногой. Она не может даже понять, продолжает ли

раскачиваться над бездной, подобно гигантскому маятнику, или висит спокойно. У нее кружится голова и только пальцы, помимо воли, крепко сжимают веревочную лестницу. И нет силы, которая бы разжалла эти пальцы здесь, над пропастью.

Илга видит, как на стену падает мощный сноп света, скользит по камням и останавливается на том месте, где замерла она, сросшись с лестницей.

— Держитесь, Илга! — слышит она до боли знакомый глуховатый голос майора Семенова.

Она не верит себе. Ей хочется, чтобы Семенов еще раз назвал ее имя. Но он молчит. Нет, нет, она не могла ослышаться. Голос Семенова она узнала бы из тысячи других. Он пришел за ней. Он спасет ее. Ее мучениям настал конец.

Илга смотрит вверх, где мелькают, словно светлячки, ослепительные кружки света от фонарей. «Пограничники нашли нору», — думает она с радостью. Она хочет крикнуть им, но голос не повинуется ей.

На веревке спускается уже человек. Вот, наконец, он поравнялся с Илгой, осветил лицо. Это же Семенов! Какое старое, измученное у него лицо! И как он дорогий...

Семенов крепко прижимает Илгу к себе и кричит, чтобы тянули наверх веревку, к которой он привязан, и лестницу.

— Наконец-то, мы нашли тебя! — говорит он.

Она чувствует на своем лице его дыхание.

— Милый, — шепчет Илга, обнимая Семенова. Она целует его в небритую щеку и вдруг как-то сникает вся. Голова ее опускается ему на грудь.

— Илга! — говорит Семенов. — Что с тобой? Слышишь? Потерпи! Совсем немного осталось.

Она не отвечает. Ее руки больше не обнимают его, они упали, как плети. И голова Илги все так же опущена вниз.

Она потеряла сознание.

Глава пятая

«ПАТРОН» досадовал, что допустил непростительную оплошность, взяв с собой часы с несветящимся циферблатом. В темноте по ним нельзя узнать время.

«Патрон» думал о том, что прошло уже больше суток с тех пор, как он сидит в этой узкой, глубокой щели, отдававшись от Исмаила-заде и Мухамеда-отлы, и все еще не придумал, как выбраться ему из этой каменной ловушки.

Вспаленное воображение то и дело возвращало его к событиям последних дней.

Трудности начались у него еще за границей, когда он готовил операцию вместе со своим коллегой по ремеслу и ближайшим помощником Шварцем. Они перелистали десятки досье, подбирая людей, которые хорошо знали горы, языки и обычай местных жителей, были ловкими, сильными, выносливыми, умели владеть оружием.

Пришло обратиться и к старой хитрой лисе — контрабандисту Алабашу. Он согласился провести людей «Патрона» через границу и указать им тайный путь под землей.

Алабаш рекомендовал в группу некоего Мартынова, служившего во время войны в немецкой полиции на оккупированной русской земле, а затем бежавшего через Западную Германию в сопредельное государство.

Мартынов понравился «Патрону». Он знал горы, умел метко стрелять. Был суров, даже деспотичен. И молчалив. На него «Патрон» возлагал большие надежды, но уже в самом начале пути под землей он умудрился сломать ногу и его пришлось оставить в лагере ухаживать за неожиданно ослепшим Шварцем. Таким образом, из шести человек дееспособными оказались только четверо.

Но разве можно было сравнить оставшихся в его

распоряжении людей с человеком, одно имя которого в годы войны наводило страх на врага?!

«Патрон» познакомился с Шварцем еще во время войны. Оба они были боевыми пловцами в легкой флотилии специального назначения, участвовали в нападении на Гибралтар, прикрепляли боеголовки торпед, а также мины-присоски к днищам военных кораблей, первыми в составе десантов высаживались под огнем на побережье противника. Работа была опасной, требовала большого мужества и сильной воли.

Вот тут-то «Патрон» и увидел, каков Шварц в деле. Он добился, чтобы тот взял его к себе в напарники — боевые пловцы всегда действовали вдвоем.

Шварц смело глядел в глаза смерти, но не спешил в ее объятия. И она, точно пугаясь его, проходила мимо, забирала с собой менее опытных бойцов.

Шварц дважды спас жизнь «Патруну».

Но у Шварца не было достаточной гибкости, он не хотел верить, что война в конце концов проиграна. И когда все войска той страны, где они служили, готовы были капитулировать, он продолжал думать о победе, горячо поддерживал планы командования флотилии о нападении на Сьера-Леоне — африканскую базу английской Южно-Атлантической эскадры и даже на Нью-Йорк.

«Патрон» поступил иначе. Он сдался в плен, в конце концов нашел себе других хозяев и вот уже несколько лет руководил крупной разведывательно-диверсионной школой.

Нельзя сказать, чтобы жизнь его на этом поприще была спокойной и размеренной. Он готовил шпионов и диверсантов, которые могли бы в любую минуту отправиться хоть к черту на рога и взяться за любое дело. Но «Патрон» не сетовал — ведь за это хорошо платили. В банке уже скопился некоторый капиталец, и «Патрон» все чаще думал над тем, чтобы уйти из школы и открыть свое дело.

Он сказал об этом шефу.

В ответ получил это дьявольское задание. Ему сказали, что оно последнее, и представили человека, который будет ему помогать. Этим человеком оказался Шварц, с которым он не виделся больше двадцати лет.

Шварц мало изменился. И внешне и убеждениями. Он все так же был похож на большую кошку, которая в любую минуту могла выпустить когти и броситься на противника. Он мечтал о реванше и верил в победу.

О своей жизни в послевоенные годы Шварц говорил скромно и неохотно. «Патруну» удалось только узнать, что одновременно Шварц участвовал в гидрографических работах, занимался подводными изысканиями в экспедициях специального военного назначения, потом жил в Японии, учился там частным образом у одного из современных мастеров «ниндзяцу» — «искусству быть невидимкой», отлично овладел японскими традиционными видами спорта: каратом, дзюдо, кендо.

В диверсионной школе тоже обучали некоторым приемам дзюдо, который в народе чаще называют «джиуджитсу». Но «Патрон» знал, что ниндзяцу превосходила все виды борьбы. Он несколько раз пытался ввести у себя в школе это необычное искусство, которое передается ниндзями из поколения в поколение и держится в глубокой тайне, но так и не нашел человека, который бы знал ниндзяцу.

«Патрон» попросил Шварца продемонстрировать курсантам некоторые приемы, и Шварц без оружия в несколько секунд разбросал в стороны четырех вооруженных инструкторов школы. Никто толком так и не понял, как он это сделал, а Шварц отказался объяснять примененные им приемы — он предпочитал сохранять в тайне тонкости своего ремесла.

И вот Шварц ослеп. Ослеп сразу, как будто ему выкололи глаза. Это было несчастьем для всей группы «Патруна», потому что этот человек больше всего был нужен под землей.

«Патруну» не пришлось успокаивать Шварца — тот

держался как следует, только попросил, чтобы его не бросали одного.

И «Патрон» не посмел отказать человеку, которому был обязан жизнью. Он оставил с Шварцем Мартынова.

Мартынов торопил «Патрона», говорил, что в эту пору здесь начинаются дожди. Вода проникает под землю и заполняет пустоты, которые придется использовать при организации «моста под каменным небом». (Так была названа хозяевами «Патрона» эта операция.)

«Патрон» и сам не намерен был долго задерживаться в пещерах, которые находились на чужой земле. Его делом было обследование старого пути контрабандистов, оборудование труднопроходимых мест, проведение под землей телефонной связи, электрических маяков. После этого он обязан был доложить по радио шефу о готовности принять группу диверсантов. Проводив эту группу до Янтарного подземного озера, он мог считать свою задачу выполненной. Его ждала безбедная жизнь где-нибудь на берегу лазурного моря.

Сначала надувная лодка с четырьмя путниками шла спокойно по длинному извилистому отводу,циальному созданному миллионы лет назад природой, шла туда, куда ее направляли гребцы, и «Патрон» довольно потирал руки. Но потом случилось непонятное. Лодка вышла из повиновения, ее понесло, завертело на водоворотах.

«Патрон» пытался связаться по телефону, который они тянули от подземного лагеря, но телефон не отвечал. Как видно, оборвало провод.

«Патрон» приказал путникам грести к берегу подземной реки в надежде высадиться, не спеша обдумать свое положение и принять какое-то разумное решение. Но берега представляли собой отвесные скользкие стены, за которые нельзя было зацепиться. По ним скатывались целые потоки воды. Как видно, в горах шел дождь, и путники попали в паводок.

Началась паника. Гребцы действовали неслаженно,

отчего лодка стала совсем неуправляемой. Ее несло подземным потоком.

Свет фонаря, который был в руках «Патрона», то и дело натыкался на зловеще выступавшие из воды скалы. Каждая такая скала могла повредить резиновую лодку. Стоявший рядом с «Патроном» человек выставлял вперед весло, чтобы принять или ослабить удар о камни. Но это не всегда удавалось. Лодка все-таки столкнулась с каменной скалой, в воду полетели рулон с капроновой лестницей и мешок с продуктами.

Но это было еще не самое страшное. На одном из поворотов лодку так стукнуло о скалу, что из нее вывалился стоявший с веслом человек. Барахтаясь в воде, он взывал о помощи, и крики его, удесятеренные эхом, леденили кровь. Помочь плывшему было невозможно, потому что его подхватило течением и понесло вперед, в широкую боковую щель, где над бешено мчавшейся водой грозно свисал каменный «дамоклов меч».

Обезумевшие от страха гребцы сбились в кучу на середине лодки, и их невозможно было растащить по своим местам даже клещами. Теперь лодка неслась по прихоти подземных течений в неизвестном направлении. Только чудом камни не разорвали резиновую обшивку.

Где-то вдалеке послышался хлюпающий шум воды. Примерно так, только во сто краттише, шумит вода, выливаясь из ванны через верхнее отверстие.

«Патрон» направил туда фонарь и увидел вдали, у быстро приближавшейся каменной стены, страшный водоворот. Подземная река будто обрывалась куда-то вниз, может, в саму преисподнюю. Увидели это и двое других спутников «Патрона». У всех троих сработала одна и та же мысль: сейчас лодка подплывет к этой гигантской воронке и ее начнет засасывать вместе с водой. Как сделать, чтобы этого не случилось?

— Немедленно взять весла, — крикнул «Патрон», — вставить в уключины и держать горизонтально!

Едва гребцы успели выполнить команду, как лодку уже завертело в страшном водовороте. Выпали в ту ми-

нуту кто-нибудь из сидевших в лодке, его тотчас засосет в одну из каменных щелей.

Освещая фонарем своды пещеры, «Патрон» увидел углубление в скале на высоте трех-четырех метров. Площадка пещеры выступала вперед и свисала над водой в виде карниза. Зацепиться за этот карниз можно было только веревкой, если, конечно, удалось бы забросить ее петлей.

«Патрон» не смог бы сказать, сколько раз пришлось забрасывать веревку, прежде чем одному из гребцов удалось накинуть петлю на карниз. Но они сделали это и подтянули лодку к своду пещеры, пришвартовались к скале. По веревке же они перебрались на выступ и вытащили из лодки рюкзаки и металлическую коробку с неприкословенным запасом продуктов, состоявших из сухих галет и шоколада. Надежда на то, что им удастся отсидеться в углублении пещеры, не оправдалась. С потолка ее лилась вода. Выступ же был похож на небольшой балкон, нависший над клокочущей водой. На нем невозможно было даже установить палатку. Но он был той обетованной твердью, встав на которую, гребцы почувствовали, что жизнь продолжается. Они прижались к стене и молчали. Они даже не думали, как им быть, как выбраться из каменного плена. Они были просто подавлены свалившейся на их голову бедой, проклинали тот день и час, когда дали согласие участвовать в этой операции.

Но «Патрон» не терял голову. Ему приходилось бывать и не в таких переплетах. В школе он преподавал «курс на выживание» и знал, как важно в такие минуты быть самим собой, как важно трезво оценить обстановку и начать действовать. Действовать, когда бездействуют другие! О, это золотое правило уже не раз помогало ему выходить победителем.

Сначала «Патрон» попытался сориентироваться по плану, которым его снабдил Алабаш, но тут же понял, что это не имело смысла.

«Патрон» что-то не помнил, чтобы Алабаш, расска-

зыва о своих переходах через границу под землей, говорил о реке, по которой они плыли. Старик уверял, что лодка им потребуется только для того, чтобы зайти в глубокую бухту озера, а точнее, в рукав (контрабандисты будто бы пользовались для этой цели обычным плотом). А погом уже якобы весь путь пойдет по сухим пещерам, величественным залам и переходам, украшенным удивительными арками из натечных образований. Где же эти пещеры, залы и переходы? Может, Алабаш и Мартынов выдумали все про бухту и залы, нарочно направили их по ложному пути?

Зачем они это сделали? Он не имел ни малейшего представления. Он мог только предполагать.

Теперь «Патрон» все больше приходил к выводу о том, что и он, и его шефы, решившие создать «мост под каменным небом», кем-то пойманы на крючок, и эти «кто-то» тоже хотят воспользоваться этим «мостом» в своих целях и подослали им старого контрабандиста Алабаша, а потом и Мартынова. Как знать, может, Мартынов вывел из строя Шварца? Он давал ему пить что-то из своей фляги. Может, Мартынову поручено похоронить и меня в этих проклятых катакомбах?..

«Ну что ж, если это так, то Алабаш и Мартынов со своей миссией почти справились, — думает «Патрон».

Он завидует им, потому что теперь они получат то, что положено.

Выполняя задание, «Патрон» всегда думал о возрождении, которое его ожидает. И это помогало ему в самых трудных обстоятельствах.

«Ладно, — заключил он, — надо подумать о том, как выбраться из этой каменной ловушки. Смеется, говорят, тот, кто смеется последним». — «Патрон» даже представил на секунду, как будет смеяться, когда его шефы, узнав о тайных кознях соперников, заставят плясать под свою дудочку не только Алабаша и Мартынова, но и тех, кто стоит за ними.

«Патрон» вспомнил, как, поднимаясь на каменный балкон по веревке, он соскользнул вниз и почувствовал

что ноги его, погрузившись в воду, уперлись в каменный выступ. Он как бы ненароком осветил его фонарем. Выступ уходил вдаль. Как знать, может, он даже опоясывал пещеру? Что ж, он узнает об этом, как только немного спадет паводок и даже воспользуется им, чтобы уйти отсюда. Сейчас главное — немного отдохнуть, восстановить силы.

У «Патрона» была завидная способность засыпать в любой обстановке, при любых обстоятельствах. Он умел спать стоя, на ходу. Он сказал спутникам, что растянул ногу, когда поднимался к «балкону» и не может стоять. «Патрон» сел на коробку с неприосновенным запасом и тотчас заснул.

Проснулся он от толчка в бок. Возле него, привязавшись веревкой к скале, усаживался толстяк Исмаил-заде, как видно, окончательно изнемогший от усталости.

— Садись и ты, а я постою, — сказал «Патрон» Мухамед-оглы. И подвинулся на край «балкона».

Клокотала под «балконом» вода, и ухо «Патрона» уловило в этом клокотании что-то новое, отличное от того, что он слышал, засыпая. Наверное, изменился напор воды. «Патрон» осветил воронку и увидел, что вода в реке значительно спала. Как видно, дождь в горах прекратился. Обнажился карниз, на который «Патрон»ступил, забираясь на «балкон», обнажились камни на дне реки. За один из них зацепилась оставленная на произвол судьбы лодка. Она была порвана в клочья и представляла жалкое зрелище.

Некоторое время «Патрон» стоял, не шелохнувшись, обдумывая план действий. Он знал, что оставшегося пайка не хватит на время, которое потребуется троим, чтобы подняться по реке к озеру и выбраться из-под земли. Они погибнут с голоду раньше, чем это случится. «Патрон» видел только один выход из создавшегося положения — попытаться выбраться одному. Нет, он не будет предлагать им тянуть жребий, он просто подождет, пока они заснут, сморенные усталостью, потом тихо спустится по веревке к карнизу и уйдет от них.

Через четверть часа сидевшие на «балконе» люди спали, нервно вздрагивая во сне.

Они не слышали, как «Патрон» положил в вещевой мешок коробку с продуктами и батарейками для карманного фонарика, как сбросил в воду стоявшие у их ног, фонари, как тихо спустился по веревке к карнизу и пошел по нему, время от времени освещая дорогу.

Уже скоро карниз скрылся под водой, и теперь «Патрон» шел по дну реки. Вода заметно спала, бежала по своему подземному руслу с меньшим напором и доходила «Патрону» до колен. «Только бы не порвать о камни комбинезон», — думал «Патрон». Ткань совершенно не пропускала воду.

И вдруг он услышал хриплый голос толстяка Исмаила-заде, оставшегося на «балконе».

— Стойте! Куда вы девались, черт бы вас побрал? Где наши фонари?

— Я сейчас вернусь, — ответил «Патрон». — Только разведаю путь.

— Где наши фонари? — повторил толстяк. — Почему вы пошли одни?

Люди на «балконе» требовали, чтобы «Патрон» немедленно вернулся, грозили, что начнут стрелять. Этого «Патрон» боялся больше всего. Покидая спутников, он был, конечно, с удовольствием утопил в реке их автоматы, но спавшие на «балконе» люди держали оружие на коленях. Взять автоматы так, чтобы они не проснулись, «Патрону» бы не удалось.

Возвращаться не входило в планы «Патрона». То и дело спотыкаясь о камни в воде, он продолжал идти вперед в полной темноте.

И тогда те двое начали стрелять. Пули свистели над ухом «Патрона» и со зловещим шипением плюхались в воду. Запахло сгоревшим порохом. Потом стрельба прекратилась, и «Патрон» услышал, как Исмаил-заде и Мухамед-оглы спускались по стене с «балкона» в надежде догнать его. Он ускорил шаги. Сзади снова стали стрелять. «Патрон» обернулся на мгновение и полоснул ав-

томатной очередью по тому месту, где бешено плясали короткие языки пламени. Теперь он уже достаточно далеко удалился от воронки, где булькала и клокотала вода, и его шаги были хорошо слышны. За спиной опять стрельба. «Патрон» отстреливался, пока не почувствовал, как чем-то горячим обожгло правую руку. «Ранило...» — «Патрон» зажал рану возле локтя рукой. Кончились обойма, и он бросил в воду ставший ему обузой автомат. Он шел вверх по течению, ориентируясь в темноте по току воды. Он решил взять правее, где, как помнил, более отлогий берег, надеясь нащупать там углубление в камнях и спрятаться, переждать преследователей. Лишенные продуктов, они не протянут долго.

Наконец, ноги его уже на берегу попали в какую-то яму, и он решил остановиться. Снял с плеч рюкзак, присел. Натренированное сердце билось ровно, но удары его отдавались в простреленной руке. Он выругался, снял шарф и перевязал им рану. Этот шарф «Патрону» подарила Герта — танцовщица из кабаре, с которой он собирался обвенчаться, как только вернется. Он никогда не расставался с шарфом, потому что Герта сказала, будто он принесет ему удачу. «Что же, может, так и будет в конце концов», — подумал он.

«Патрон» услышал плеск воды внизу и шаги по камням. Понял, что преследовавшие его Исмаил-заде и Мухамед-оглы тоже нащупали возвышение и вышли на берег. Остановились. Толстяк бешено ругался. Мухамед-оглы успокаивал его, говорил что из-за этой дурацкой ругани они не услышат шагов «Патрона». Они не знали, что им делать; понимали, что без света и продуктов никогда не выберутся из подземелья.

И «Патрон» это знал. Он решил затаиться, подождать. Исмаил-заде и Мухамед-оглы быстро ослабеют. И тогда он пойдет дальше уже со светом, не боясь преследования.

«Только бы не воспалилась рана, — думает «Патрон». — Только бы хватило сил выбраться из-под земли».

Когда пограничники вытащили из пропасти майора и Илгу, Семенов попросил разложить на камнях спальный мешок. Он положил на него Илгу и расстегнул ворот ее комбинезона. Увидев разодранный на коленях комбинезон, он подумал, что она ранена, и сказал об этом вслух. Нужно было осмотреть ее, и Семенов стал осторожно снимать с девушки комбинезон.

Пограничники отошли в сторонку, занялись подготовкой снаряжения к спуску в пропасть.

Хотел того Семенов или нет, но пограничники догадывались о чувствах майора к Илге. В общем-то его понимали, многим на заставе нравилась эта веселая и бойкая девушка, многие оказывали ей внимание. Пограничники были уверены, что майор — хороший семьянин и никогда не позволит себе что-либо предосудительное по отношению к жене и детям, знали: он сам спрятится со своими чувствами. На заставе всем почему-то хотелось, чтобы между начальником и этой девушкой сохранились теплые, дружеские отношения, взаимное внимание и симpatия, чтобы она приходила к ним в гости и чтобы они видели ее счастливой и жизнерадостной.

Илга открыла глаза и улыбнулась, увидев склонившегося над ней Семенова.

— Вот и опять мы вместе... — беззвучно сказала она. — Я теперь не отпущу вас. Никогда ни за что не отпущу. Почему вы молчите? А я все равно вам скажу: раньше не могла, а теперь скажу. Я всю жизнь искала вас. И нашла. Подумать только, где нашла... Вы нарочно от меня спрятались в эти горы? Почему вы молчите? Ну и что, что у вас семья? Вот вы тут, и вы мой. И всегда будете моим. Слышиште? Даже, если мы будем далеко друг от друга. Так далеко, что никогда не сможем увидеться. Слышиште?

Семенов слышал. Он не только слышал. Он чувствовал и раньше: что-то треснуло в его жизни, когда приехала в горы эта бледная женщина с круглыми глазами. Здесь редко бывают новые люди. И каждый свежий че-

ловек удивляет. К нему все тянутся, о нем хотят знать. Вот и он потянулся. А оно вон как все обернулось...

Встречаясь с Илгой, Семенов чувствовал себя как бы на висячем мостике, переброшенном через реку. Мостик плавно покачивался при каждой их встрече, у Семенова захватывало дух от волнения, но он не спешил на берег.

Наверное, это плохо, когда рассчитываешь каждый свой шаг, когда уже не можешь, очертя голову, броситься навстречу человеку, протягивающему к тебе руки...

— Ты пойми меня, Илга, — наконец говорил Семенов. — Это так неожиданно... Это даже страшно.

Семенов уже давно не думал, что такое любовь. И была ли она у него?

Откуда-то из тумана всплывали картины его встречи с Машей.

Однажды, еще будучи заместителем начальника заставы, он проводил беседу с местным населением в ауле, находившемся в двух десятках километров от заставы. Тогда он заприметил невысокую полную, темноволосую девушку с ямочками на щеках, с черными жгучими глазами. Она старательно записывала в блокнот все, о чем он говорил. «Вот девушка, которую я мог бы представить своей женой», — подумал он тогда.

Они познакомились. Маша понравилась Семенову. Он стал чаще наведываться в аул, где она работала в школе учительницей русского языка.

Спустя некоторое время старшина Кучкин перевез на бричке нехитрые пожитки сельской учительницы, занесенной судьбой после окончания Краснодарского института в жаркие пустынные земли. На свадьбе гостей было два человека: старшина Кучкин и начальник заставы.

Недолго, однако, пришлось им пожить вместе. Семенова назначили начальником заставы в унылых песках, в двухстах километрах от «культурной» зоны.

Даже ему, видавшему виды, жившему в самых трудных условиях, нелегко было привыкнуть к новому, про-

клятому богом меstu. Там и воды-то не было, за ней ездили к черту на кулички — за семьдесят километров.

Нарушений, правда, на том участке было меньше, но зато одолевали степные пожары и не было спасения от ползающих и летающих гадов: змей, скорпионов, мокриц, фаланг, москитов. Но все это не испугало Машу. Она приехала к нему, как только родила сына.

Там же, в горячих сухих песках, Семенов принял боевое крещение как командир, как начальник заставы. И неизвестно еще, как бы он все это перенес, не оказался рядом с ним Маша, всегда готовая подбодрить и утешить.

Казалось бы, тогда Семенову и быть к ней особенно внимательным и нежным. А был ли он таким? Нет, конечно. Он много работал, был всегда в заботах, в поисках. То ломал голову над тем, как лучше разместить инженерно-технические сооружения на участке, то как расставить наряды на границе и надежно организовать ее охрану.

Ночью он садился на коня и выезжал проверять наряды. Думал ли он в то время, что Маша не сомкнет глаз, пока он не вернется домой, будет стоять у окна, прислонившись к стеклу и прислушиваться к шуму в горах? Не думал. Некогда было думать.

Нередко случалось, Маша, не дождавшись его, приходила на заставу и напоминала, что пора обедать или ужинать. А ему нельзя было уйти, не закончив дела. И она стояла рядом, скрестив на груди руки, ждала, смотрела, как он составлял план охраны участка на сутки.

Она жила его думами и заботами все эти пятнадцать лет, даже тогда, когда ей удавалось устроиться на работу. Она родила ему сына, а потом дочку. И все эти годы он никогда не задавал себе вопроса, любит ли он свою Машу или нет. Думал, что любит.

И вдруг эта тоненькая, похожая больше на мальчишку, женщина с огромными глазами. Она заставила его

задуматься, над чем он давно уже не думал и не считал нужным думать.

Главным в его жизни была работа. Нелегкая, напряженная, она отнимала у него все силы. Семенов не мог забыть о ней даже ночью и знал, что в любую минуту ему, может, придется поднять заставу «В ружье!», и он всегда был готов к этому. Только к этому. И то, что на участке границы, охрана которого была доверена ему, никогда не удавалось пройти нарушителю, было его главным счастьем.

— Это даже страшно... — тихо, медленно, словно во сне повторяет Илга последние слова Семенова. И на глазах у нее выступают слезы. Они скатываются по щекам, припорошенным пылью, оставляя мокрые бороздки.

Семенов растерялся. Он привык видеть Илгу веселой, умеющей подавлять в себе то, что не вызывает радости у других. Только однажды, когда ее не взяли обследовать подземное озеро, он видел ее разгневанной.

— Не надо плакать, прошу вас!.. — он осторожно касается рукой Илгиной щеки. — Я сам не знаю, что говорю. Я просто, по-видимому...

— И не надо ничего говорить, — перебивает его Илга. — Умоляю вас, — она приподнимается с брезента на локоть, пытается сесть.

— Он там, внизу, — произносит она отрешенным голосом страшно уставшего человека. — Он с раздавленными ногами. А план, которым он пользовался, у меня в кармане. Возьмите. Он хотел его порвать.

Семенов берет из рук Илги разорванные листки и складывает их.

Первым в пропасть спускается майор Семенов. Зажигает фонарь. Темнота отступает. Начальник заставы видит заваленную камнями площадку и бегущий возле ручей. На берегу валяются нераспечатанные банки с консервами, кое-что из одежды и автомат с расколотой ложкой.

Человека с раздавленными ногами нет.

«Что за чертовщина!» — думает майор, оглядывая камни.

Семенов направляет луч фонаря в глубь ущелья, по которому убегал ручей. Там человека тоже не видно.

Тогда он достает план пещеры, переданный Илгой, и снова рассматривает его. Семенов нашел пропасть, в которой теперь находился, нашел щель, куда убегал ручей. Судя по плану, ручей делал несколько поворотов, пересекал две соединенные переходами полости и уходил в колодец, который был соединен с другим подземным озером, напоминавшим своими очертаниями бumerанг. Сначала майор не придал этому значения и начал рассматривать вычерченный на плане сложный, запутанный ход, соединявший вторую круглую полость с пещерой, похожей на осьминога. В кривых и извилистых щупальцах нарисованы были непонятные кружки, квадраты и треугольники. «Что они могли обозначать?» И вдруг он снова обращает внимание на озеро-бумеранг и вспоминает, что точно такой же бumerанг он недавно вычерчивал на бумаге. Как знать, не являлось ли нарисованное на плане озеро Янтарным?

В широкой части озера был даже вычерчен островок, где обычно туристы устанавливают горящие факелы.

Спускаются пограничники, и Семенов знакомит их с планом подземелья.

Что же касается таинственного исчезновения нарушителя, то все вместе решают, что он, видимо, был ранен не так тяжело, как показалось Илге, и ушел по ручью.

Пограничники пошли следом. Впереди, как и раньше, Семенов. Вода местами доходит ему до колен. Она теплая. Это чувствуют все через резиновые сапоги.

Через час пограничники входят в огромный сводчатый зал. С потолка свисают сталакиты. У всех такое впечатление, будто попали они в каменный лес. Но любоваться этим чудом природы некогда. У Семенова из

головы не выходят кружки, квадраты и треугольники, простиженные на плане. Что они могли обозначать?

Миновав зал, пограничники снова попадают в коридор, и тут вдруг до их ушей доносятся далекие, приглушенные голоса. Все замирают на месте, гасят фонари. Что за люди идут им навстречу, как они попали сюда, с какой целью?

Может, это те, о которых писала Илга в записке, — те, которые уплыли на надувной лодке? Семенов приказывает рассредоточиться, припасть к земле, взять автоматы на изготовку.

Старшина Кучкин включает аппарат ночного видеения. Сноп незримых инфракрасных лучей шарит по пещере. Прильнувший к окулярам Семенов видит с помощью аппарата все, словно днем.

Слышны шаги. Потом на темных стенах пещеры появились желтые блики света. Люди шли с фонарями. Кто-то, видимо идущий впереди, сказал:

— Осторожно, здесь яма!

Фраза на русском языке. Это сильно озадачило всех. Семенову даже показалось, что он где-то слышал уже этот молодой и нервный голос.

— Возьмите правее, орелики, тут какая-то щель, — опять доносится до слуха пограничников. — Потом мы ее обследуем.

И как только было произнесено это слово «орелики», все тотчас заулыбались: это было любимое обращение к солдатам начальника сержантской школы Парамонова. Значит, его группа добралась до отверстия в своде пещеры с Янтарным озером!

Теперь офицерам стало совершенно ясно, что путь этот и решили использовать лазутчики для перехода в Советский Союз из сопредельного государства.

Парамоновцы добрались до отверстия в потолке пещеры по пожарной лестнице, которую переправили к Янтарному озеру по частям и смонтировали там на деревянном плоту. Проникнув в узкую щель, курсанты обнаружили установленный в камнях ручной ворот, похо-

жий на тот, который используется в деревенских колодцах. Даже веревка была накручена на толстый деревянный барабан с ручками. Ворот, по всей вероятности, служил контрабандистам для подъема и спуска людей и товаров. Неподалеку от ворота стоял деревянный топчан, покрытый полусгнившей овечьей шкурой. Видно, на нем когда-то спал дежурный и находился он там по многу дней. Об этом свидетельствовали обнаруженные в каменной нише запасы пищи, корчаги с водой и вином.

Попав в подземную полость над Янтарным озером, курсанты прошли довольно длинный коридор и уперлись в стену из огромных каменных глыб. Очевидно, когда-то здесь произошел обвал, и дальнейший путь был навсегда закрыт. Курсанты хотели уже вернуться обратно, как вдруг услышали за стеной несколько автоматных очередей и чей-то крик. Как проникнуть через стену? Обследовали всю полость и обнаружили колодец, на который раньше никто не обратил внимания. Колодец был доверху заполнен теплой водой, которая ручейком струилась по полу пещеры. Решили, что колодец должен в своей подводной части сообщаться с другой подземной полостью.

Аквалангисты обследовали колодец. И без особого труда нашли из него выход. Потом они помогли переправиться курсантам.

Семенов, в свою очередь, рассказал начальнику школы о том, как Илга обнаружила нарушителей границы, как шла с одним из них, как его придавило камнем, и как он пытался оборвать капроновую лестницу, по которой поднималась девушка. Потом он исчез. Как в воду провалился. А ведь двигаться не мот.

— Не прихватили ли спутника Илги те, кто отправился на лодке? — сказал Парамонов.

На это никто ничего не мог ответить.

Перед тем как спуститься в пропасть, Семенов позвонил по телефону начальнику отряда и доложил о том, что Илга найдена, что преследование нарушите-

лей продолжается, спросил, как обстоят дела в группе майора Туликова. Коваченко ответил, что связь с группой Туликова прервана.

Семенов и Парамонов решили действовать вместе: в первую очередь обследовать пещеры, обозначенные на плане, который передала Илга, а потом уж, если потребуется, искать новые пути под землей.

С трудом преодолев полуузаваленный камнями коридор, пограничники выходят в обширную пещеру, своими очертаниями очень напоминающую осьминога: во все стороны от нее отходило около десятка узких извилистых щелей.

Чтобы ускорить поиск, Семенов предлагает обследовать сразу все щели. Он берет солдата Степакова и направляется с ним к щели, которая нарисована на плане в виде рыболовного крючка. Щель настолько узка, что им порою приходится пролезать боком.

Пройдя несколько метров, Семенов замечает в стене небольшой отщелок. Он задерживается на минуту, чтобы осветить его фонарем. Степаков идет дальше. Майор заходит в отщелок и тотчас же останавливается, как вкопанный.

Прямо перед собой он видит прижавшееся к стене странное, заросшее длинными волосами существо, похожее и на зверя, и на человека.

«Примерещится же такое!» — думает Семенов, стараясь отогнать этот призрак. Майор знал: галлюцинация — спутник многих исследователей, у которых мозг устал, а зрение утомлено темнотой. Спелеологи видят под землей разноцветные огни, цветущие сады, слышат человеческую речь, она даже кажется им знакомой.

Майор стоит в нерешительности, освещая затянувшуюся в двух метрах от себя человека-зверя. Страшилище закутано в странные цветастые материи. Ноги у него обмотаны тряпками.

«Нет, не с этим человеком Илга шла от подземного

озера, — думает Семенов. — Этот просто плод моей фантазии».

Майор делает шаг вперед, чтобы окончательно убедиться в своих предположениях, и в это время на голову ему обрушивается страшный удар. Вскрикнув, Семенов падает на камни.

Глава шестая

НАК только начальнику отряда сообщили о том, что с поисковой группой Туликова связь прервана, он немедленно позвонил командиру авиаотряда и попросил, чтобы его вертолетом перебросили к реке, где была обнаружена подводная нора.

Через два часа полковник находился уже под землей, на берегу озера и инструктировал резервную поисковую группу, которая должна была отправиться вслед за группой Туликова. Он сам осмотрел снаряжение пограничников, велел заменить кое-кому брезентовые куртки и сапоги.

— Помните о дисциплине. Если кто-то отстанет или уйдет в боковой отщелок, немедленно организовать поиски, — предупредил Коваченко. — Помните о правиле одной руки: чтобы не заблудиться, нужно придерживаться одной стороны. Помните о скоплении опасных газов и если что — надевайте противогазы и не зажигайте огня, иначе можете задохнуться или взорваться. Не дотрагивайтесь без надобности до сводов, не разговаривайте промко — это может вызвать обвал.

Пограничники, посланные за Туликовым, уже подплывали к гроту, когда увидели в его глубине слабый свет. Об этом тотчас же доложили командиру отряда.

Коваченко приказал погасить огни в лагере и на лодках. Гребцам велел укрыться в соседнем гроте. Так, чтобы они могли в любой момент перекрыть входы в щели и отрезать приближавшимся людям путь к отступлению.

К счастью, ничего этого делать не пришлось: находившиеся в засаде пограничники сразу узнали и лодку, и людей, которые в ней сидели: это вернулась поисковая группа Туликова.

Туликов докладывает полковнику о результатах поиска: группа попала в сильное течение и их несло по извилистой реке. Они не могли ни за что зацепиться, потому что берегов в том понимании, какое вкладывают в него обычно люди, у этой реки нет. Есть отвесные скалы, по которым в некоторых местах скатывалась вода. Потом лодку стало засасывать в боковую щель. И засосало, и протащило течением под нависшим над самой водой, длинным и острым, как дамоклов меч, камнем. И только с помощью якоря удалось остановить эту бешеную свистопляску. Пограничники переждали паводок на месте.

Ожидание это было малоприятным, потому что отовсюду летели брызги, и пограничники чувствовали себя, как под душем.

Спустя несколько часов вода в реке спала, течение уменьшилось. Гребцы без особого труда вытащили лодку из боковой щели и тронулись дальше.

Метрах в трехстах от того места, где река неожиданно уходила под землю, пограничники увидели сидевших на камнях спина к спине двух человек с автоматами. Им велели сесть в лодку, и они безропотно исполнили приказание. Они сделали это даже с какой-то поспешностью, будто боялись, что пограничники раздумают и оставят их там на веки вечные. На все вопросы они отвечали пожатием плеч, как видно, не понимали языка и твердили только «кам», «кам», подносили руки ко рту и активно шевелили челюстями. На еду набросились с нечеловеческой жадностью.

Туликов все-таки попытался выяснить у лазутчиков, куда девались их сообщники, показывая им на пальцах, что в лодке было четверо, а стало двое. Наконец они поняли вопрос и так же знаками объяснили, что один, по-видимому, утонул, а другой убежал вверх по течению.

— Вероятно, они сказали правду, — подытожил рассказ Туликова полковник. — А много ли вы видели на пути щелей и ответвлений, в которых можно было бы спрятаться человеку?

— Щелей на пути встречалось много и осмотреть их все было просто невозможно, — ответил Туликов.

К Коваченко подошел телефонист:

— Звонит капитан Парамонов.

Полковник ждал этого звонка с нетерпением.

Парамонов доложил о встрече с группой Семенова, которая спустилась в пропасть, и о совместных поисках неожиданно исчезнувшего нарушителя границы.

Коваченко узнал от Парамонова, что в одной из щелей был ранен камнем в голову майор Семенов. Состояние его тяжелое, транспортировать невозможно. Старшина Кучкин оказал первую помощь.

В конце этой щели-загогулины обнаружены лазутчик с раздавленными ногами и страшный, похожий на Брубелевского «Пана», стариk с длинной косматой бородой. По всей вероятности, он-то и ударил майора. Языка, на котором лопочет этот странный, вероятно, лишившийся рассудка человек, никто из пограничников не знает. Лазутчик же с раздавленными ногами упорно молчит.

Там же найдены сундуки с медной, серебряной и золотой посудой, золотые монеты, драгоценные камни, ковры, рулоны с разноцветным шелком, склад с оружием и продовольствием, бочки с лампадным маслом, опиум.

Не исключено, что стариk жил в пещере несколько лет, потому что недалеко от того места, где его нашли, обнаружен сравнительно небольшой задрапированный

шелком грот, в котором находились: широкий покрытый коврами топчан, посуда, светильники с маслом, кресало для добывания огня. Возле стены сделано углубление, и в нем бежит ручей с теплой водой. Неподалеку от этого грота, в глубокой щели, свалка пустых консервных банок и отбросов.

Сообщение Парамонова очень удивило всех. Очевидно, склад с драгоценностями и продовольствием принадлежал когда-то контрабандистам, пользовавшимся подземным путем для перехода границы. Потом банду уничтожили. Часть контрабандистов скрылась за границей. В числе последних оказался и предводитель шайки Алабаш.

Оставшиеся в живых, конечно, не забыли о спрятанных в горах богатствах и предпринимали попытки овладеть ими. Не случайно, видимо, сразу же после разгрома шайки Алабаша на этом направлении было много попыток перехода границы. Старику, видимо, удалось добраться до склада, однако выйти из под-

земных лабиринтов он не сумел: проход к Янтарному озеру неожиданно для него оказался заваленным. Вернуться он тоже не смог, потому что веревка, по которой он спускался в пропасть, оборвалась. Так и остался он заживо погребенным в каменном мешке.

Кто-то вспомнил напечатанный в «Огоньке» рассказ-легенду Сергея Смирнова «Бессменный часовой». Автор всем известной книги о героях Брестской крепости повествовал о том, как в 1924 году был обнаружен в одной из старых русских крепостей солдат, проживший в на-глуко засыпанном подземелье девять лет. Все эти девять лет герой нес службу — охранял большой интендантский склад, оставленный при отступлении русской армии летом 1915 года. Солдат питался сухарями, консервами и другими продуктами, имевшимися на складе. Свое подземелье он освещал стеариновыми свечами, но потом там произошел пожар, и они сгорели; сгорели и спички. Человек был обречен на вечную темноту.

Возможно, и этот старик был когда-то часовым у бандитов или принимал награбленное добро? Может, он жил под землей с той далекой поры, когда была разгромлена банда Алабаша?

Алабаш, конечно, не забыл об оставленном в тайниках добре. Сам он уже не мог отправиться в это рискованное путешествие: стар стал, немощен, едва волочил ноги. И вот, наконец, ему подвернулся случай: к нему обратились за помощью люди, которым нужно было перейти границу. Алабаша вряд ли интересовали мотивы, которыми они руководствовались. Для него было главным то, что люди эти хорошо снаряжены, имеют водонепроницаемые комбинезоны, отличные капроновые лестницы, веревки, лебедки, приборы для подводного плавания. Он постарался сделать так, чтобы в группе оказался свой человек, такой, которому можно было довериться. Только одному ему рассказал Алабаш, как пройти к тайникам в пещерах. Они, как видно, заранее разработали план действий, согласно которому должны были направить лазутчиков по реке, падающей в пропасть.

Они думали только о том, как добраться до богатства и благополучно возвратиться.

Впрочем, все эти предположения могли оказаться и неверными.

Полковник приказывает Парамонову отрядить группу пограничников за врачом и медикаментами.

— Создайте Семенову наилучшие условия, организуйте дежурство.

Парамонов ответил, что за врачом он уже послал, Семенов перенесен в пещеру, где жил косматый старик. Старшина Кучкин не отходит от майора ни на минуту.

Полковник приказывает немедленно доставить «Врублевского Пана» в штаб отряда, допросить с переводчиком, туда же отправить и всех задержанных лазутчиков.

— Главное сейчас для нас — выяснить цель перехода границы всей группой нарушителей.

Потом Коваченко просит телефониста связать его с солдатами, которые дежурили у лебедки наверху пропасти, справляется о здоровье Илги. Илга сама сообщает, что чувствует себя отлично.

— Я пришлю за вами людей, — говорит ей начальник отряда. — Вы сейчас нужны нам, как воздух, потому что видели больше нас всех. Ваши показания крайне необходимы для следствия.

— Тогда я немедленно пойду им навстречу.

Но полковник просит ее остаться на месте. Он боялся, что Илга снова попадет в какой-нибудь переплет.

Полковник звонит «наверх» и просит справиться на метеостанции о погоде на ближайшие дни.

— Синоптики обещали хорошую погоду, без осадков, — ответили ему.

Сообщение это радует Коваченко. Значит, подземные реки не выйдут из берегов, значит, поиск «Патрона» можно продолжить с меньшим риском для жизни солдат.

Он сам составляет план поиска, исходя из тех сведений о пещерах, которые теперь известны погранич-

никам, формирует новые поисковые группы и инструктирует их.

В штаб отряда он возвращается вместе с Илгой на машине. Она заметно осунулась, побледнела и, как-то вроде притихла. Ее даже не очень интересуют горные красоты, причудливо растущая из камней арча, перебегающие дорогу курочки. Она все думает о чем-то, на вопросы отвечает однозначно.

Коваченко понимает: не нужно бы ему заводить с ней разговор о том, что она видела и перенесла под землей, пусть бы отошла от недавних потрясений, но у него нет другого выхода.

Сначала он задает ей самые безобидные вопросы о пещерах, о впечатлениях, которое они на нее произвели, и незаметно переводит разговор на другую, более интересующую его тему.

Илга рассказывает обо всем ею увиденном и услышанном, о том, как выглядят лазутчики, каковы их особые приметы, о том, как она пыталась вызвать на кровеносность «Костиля», и как из этого ничего не вышло.

В отряде Коваченко снова встречается с учеными-спелеологами, которых республиканская Академия наук командировала для оказания помощи пограничникам. Он рассказал им о найденном под землей человеке и поинтересовался, как долго, по их мнению, может находиться в подземелье живое существо.

Оказывается, известно немало фактов о жизни под землей в течение нескольких лет.

Полковника знакомят с последними исследованиями.

Французский спелеолог, например, двадцатипятилетний Жан-Пьер Мэрте спустился в пещеру Оливье, которая находится во французских Альпах, неподалеку от Ниццы, чтобы пробыть там полгода. За молодым исследователем, обосновавшимся на глубине ста метров, ведутся систематические наблюдения. Основная пища Жан-Пьера — консервы, но ему доставляют в пещеру и

фрукты и овощи. Он пользуется такими благами цивилизации, как электричество, книги, грампластинки. Исследователь уже потерял счет времени и живет по собственному ритму бодрствования и сна.

Полковник приходит к выводу, что «Врубелевский Пан» мог прожить в пещере несколько лет. Не исключено, конечно, что он в свое время выполнял роль проводника диверсантов во время их переходов по подземным лабиринтам.

Больше суток майор Семенов находился без сознания. Очнувшись, он увидел, что лежит на огромном цветном ковре, разостланном на возвышении, которое примыкало к стене пещеры, завешанной у изголовья красным шелком. С потолка свисали медные лампы с причудливыми завитушками, бросая пучки света на многочисленные подушки, в беспорядке валявшиеся тут же на ковре.

Майору опять показалось, что это галлюцинация. Он закрыл глаза и через минуту снова открыл. Странная обстановка ковров и шелковых занавесей не пропадала. Он попробовал приподняться, но голова оказалась такой тяжелой, что ее невозможно было оторвать от подушки. И тотчас же он почувствовал боль в висках и затылке. Семенов повел глазами в сторону и увидел старшину Кучкина, дремавшего на камне. Стоило майору шевельнуть ногой, как Кучкин тут же вскочил.

— Где мы? — спросил майор.

Старшина приложил палец к губам, давая понять Семенову, что разговаривать ему нельзя. Только час назад отрядный врач обработал рану на голове Семенова и сделал майору тонизирующий укол.

— Пока все там же, под землей. Но вы не волнуйтесь, товарищ майор. Нарушитель задержан, а за компанию с ним и тот, кто унес его из пропасти, а потом «погладил» вас по голове.

— Кто это?

— Пока неизвестно. Прикинулся дурачком. А может, и на самом деле трехногий. Жил здесь. У него присос еще лет на пять: и муки, и консервов мясных, и тканей всяких. И масла для ламп. Целый склад.

Семенов верил и не верил тому, что говорил старшина.

— Конечно, это один из сообщников Алабаша, — продолжал старшина, — может, с тех пор здесь, как Алабаш за границу подался. Я читал где-то, что пираты своих провинившихся собратьев высаживали в океане на необитаемые острова. Вот, может, и этот провинился у Алабаша, тот его и замуровал здесь, думал, умрет без дневного света, а он не умер, только очумел. А может, тот, что тюкнул вас, пришел за богатством, на подобие «Костиля», а обратно уйти не смог.

— О каком богатстве толкуешь? — спросил майор, вспомнив рассказ Илги.

— О том, что в «щупальцах осьминога» спрятали контрабандисты. Не забыли условные треугольники да ромбики на плане? Кружки — золото и другие драгоценности, квадраты — ковры и ткани, треугольники — оружие, а крестики — продовольствие.

Семенов еще раз обвел глазами убранство пещеры, старинные ружья и кривые сабли, развешанные по стенам, и подумал, что перекочевал из реальной действительности в сказку о разбойниках. Только вот старшина в своем старом брезентовом капюшоне разрушал иллюзию.

Семенов закрыл глаза. Кучкин снова сел на камень и застыл в неподвижности. Он устал и хочет спать.

Начальник заставы думает о превратностях судьбы. В памяти майора встают дни, когда он служил в песках. Жил он с Машей и сыном в землянке, а за тонкой фанерной перегородкой жили солдаты.

Воды у них на участке не было. За ней ездили к колодцу, расположенному в семидесяти километрах от заставы. Да и вода-то в нем была тяжелой, насыщенной солями. Выпьешь, будто камень в желудок спустишь.

«А сейчас, — думал он, — почти на каждой заставе вода по трубам подается в казарму, на кухню, в дом для офицеров».

Тогда у его заместителя, только что прибывшего на заставу, волки разорвали сынишку трех лет. После этого Маша не спускала Стасика с рук. Умоляя Семенова, чтобы попросился перевести в другое место, даже заболела, бедняжка. Пришлось отправить ее к родителям.

Потом они жили несколько лет в курортном местечке, в благоустроенном поселке. Хорошо жили. Работы, конечно, хватало и там: участок был на вероятном направлении движения нарушителей. Но Маше с ребенком в «культурной зоне» было легче. Она сдала его в ясли, а сама пришла учительствовать в школу.

Затем назначение сюда, в горы.

Здесь у них родился второй ребенок. Днем, сходя с крыльца, Маша оступилась и упала. Ночью начались схватки. Она металась на постели и приглушенно стонала.

Семенов сбежал за старшиной Кучкиным, на котором лежали и фельдшерские обязанности, и они решили везти Машу в больницу.

В десяти километрах от заставы, когда подъезжали к первому серпантину, Маша схватила старшину за руку.

Семенов с испугом посмотрел на старшину и застучал по кабине. Шофер остановился.

— Не волнуйтесь, все обойдется, — сказал старшина.

Но могло ли это успокоить Семенова?

— Светите мне фонариком, — командовал Кучкин. Он протер руки спиртом, подготовил йод, ножницы, бинт для перевязки пуповины и принялся за дело.

Через две минуты старшина уже держал ребенка в руках. Осторожно положив его около матери, он продолжал делать то, что необходимо в таких случаях. Спокойно, уверенно. И его спокойствие передалось Семенову.

Маша больше не стонала. Спросила, жив ли ребенок. Младенец закричал.

Маша улыбнулась.

— Девочка, — сообщил старшина.

Семенов был на седьмом небе от счастья.

— Теперь полный комплект, — сказал он жене. Дошел из чемодана белую чистую рубашку, и вместе со старшиной они завернули в нее ребенка.

Потом он еще укутал младенца в шерстяную кофту, а Машу укрыл одеялом и шинелью.

Когда поехали дальше, начало светать. Вдали виднелись заснеженные вершины гор, окрашенные в розовое. Там, за горами, поднималось солнце.

Вечно занятый, замотанный, Семенов почти не уделял внимания семье. Забежит домой перекусить, и снова на заставу. Но теперь он понял, что нужно было выкраивать время и для семьи. Ведь как обрадовался Стасик, когда он взял его в горы!

Сейчас Семенов терзался угрызением совести, потому что крошечные минуты, которые выпадали ему для отдыха этим летом, он отдавал не семье, а Илге.

Маша, конечно, тоже была виновата в его отдалении от дома. Она перестала думать о себе, следить за собой, распускала нервы... Но верно и другое: если бы Семенов не дал повода, она не стала бы ревновать его к Илге, не устраивала бы ему сцен. Машу можно понять — она стоит на страже интересов семьи.

Подходит врач, вопросительно смотрит на старшину. Тот многозначительно кивает: мол, все в порядке с майором, очнулся, — и они отодвигаются в сторонку, начинают вполголоса разговаривать о подземном жителе, о богатствах, которые найдены в пещере, о задержанных лазутчиках.

То, что «Патрон» удалось скрыться от пограничников в то время, как они брали его сообщников, возможно, кто-нибудь и назвал бы чистой случайностью, но только не «Патрон». Он знал, что пограничники пове-

рили его сообщникам, рассказал им, что один из их братьев утонул, а другой ушел вверх по течению, оставив их без огня и еды. А между тем сообщники, сами того не сознавая, сказали неправду. «Патрон» не успел уйти, он лежал в нескольких метрах от них и молил судьбу, чтобы она смилиостивилась над ним и позволила ему «оторваться» от своих недавних спутников. И, наконец, судьба вняла его мольбам, послала сюда пограничников, которые забрали его преследователей и уплыли обратно.

С каким наслаждением «Патрон» выбрался из ямы, расправил онемевшее тело, зажег фонарь!.. Он с жадностью набросился на консервы, думая, как ему быть дальше.

Он решил, что Мартынов, проникнувший под землю со своими, не известными ему целями уничтожил слепого Шварца раньше, чем попался пограничникам. Так что Шварц до конца выполнил свой долг. Мартынов же выдал группу, и теперь пограничники ищут нарушителей под землей. «Патрон» понял, что подземный путь обнаружен, и его шефам не удастся наладить переправу через кордон. Он не получит и ломаного гроша за операцию. Как это ни горько было сознавать, «Патрон» понимал, что дело могло обернуться хуже. А пока он на свободе и, если судьба еще раз смилиостивится над ним, он выберется из этих каменных чертогов и уйдет за границу.

«Патрон» не верил ни в бога, ни в черта, но теперь на всякий случай решил помолиться и попросить у все-вышнего помочи, потому что знал, как трудно попасть наверх, где, конечно, пограничники ждут его появления.

Он понимал: сейчас ему лучше всего отсидеться где-то в теплом сухом местечке, подождать, пока пограничники не уйдут, решив, что он погиб, пока заживет простреленная рука. Но где под землей найти такое место, где взять продуктов и батареек для фонаря? Об этом «Патрону» приходилось только мечтать. А мечтать он не любил, потому что мечты его никогда не сбыва-

лись. Вот хотел обеспечить себя и Герту на склоне лет, а вышло все иначе. Плохо вышло.

Думая так, «Патрон» брел вверх по реке, время от времени включая фонарик.

Вдруг он увидел свет впереди, услышал голоса, ритмичный плеск воды. «Это меня ищут пограничники!»

Сердце сжалось. Он забыл о ране, которая нещадно горела.

Он лихорадочно думал, как поступить: вернуться назад или уйти в боковую щель. Ему приходит спасительная мысль спрятаться под водой. Именно под водой переждать, пока пограничники проплынут мимо. «Патрону» не раз уже приходилось пользоваться подобной уловкой. Своих курсантов он заставлял по несколько часов сидеть под водой и дышать через трубку. Только где ее взять сейчас? Легкие портативные акваланги смыло с лодки во время паводка вместе со снаряжением. Он вспомнил, что в вещевом мешке есть бутылка с ромом, которым он пользовался для компрессов. Если отколоть у бутылки дно, можно взять горлышко в рот — и под воду. Жаль только выливать остатки рома. А может, лучше выпить? Нет, пить никогда.

Лодка приближается, скоро выйдет из-за поворота.

«Патрон» отходит к стене, берет в рот горлышко бутылки без дна и осторожно приседает в воду.

Лодка выплывает из-за скалы в тот момент, когда лицо «Патрона» скрывается под водой. Глаз он не закрывает. Ему видно, как скользнул луч фонаря по воде и пропал. Случайно скользнул. Пограничники освещали главным образом берега, искали щели, в которых можно было укрыться человеку.

Лодка проплыивает вблизи от затаившегося под водой «Патрона».

Когда затихает плеск воды от весел, он осторожно высовывает сначала лицо, потом голову. Вот когда пригодился бы ему ром!

Комбинезон «Патрона» непромокаем, но вода по-

пала за ворот, просочилась сквозь шарф, которым была затянута рана.

«Патрон» дрожал от холода. Чтобы разогреться, он ускорил шаги.

Через несколько часов он вышел к теплому подземному озеру и увидел огни на берегу, услышал голоса людей. Это пограничники.

Подойти ближе, загаться, выведать, о чем говорят. «Патрон» давно уже убедился: самые фантастические проекты осуществляются, если в них очень веришь. Он понимал русскую речь и надеялся, что ему удастся узнать, как долго думают пограничники оставаться под землей.

Три человека, гремя котелками, едят ароматный горох и тихо беседуют. Говорят о разном: о живом пещерном человеке, найденном под землей, о том, что он пытался спасти раненого нарушителя границы, о складах с продовольствием, оружием и ценностями, которые были обнаружены неподалеку от того места, где задержали пещерного человека и лазутчика, о том, что неплохо бы сейчас выбраться к солнцу... Пограничник, раскладывавший по котелкам пищу из термоса, рассказывает товарищам о том, что колхозники нашли в поле, выброшенное водой из подземной магистрали тело неизвестного человека в одежде, похожей на одежду космонавта. Задержанные под землей нарушители признали в нем своего сообщника.

«Патрон» слушает с затаенным дыханием.

«Значит, это нашёг утопленника выбросило на землю, — думает он. — И щель, в которую его засосало во время паводка соединена с кяризами...»

У «Патрона» рождается смелый план. Нет, он не станет ждать, когда пограничники уйдут отсюда. Это может случиться не скоро. Он вернется назад к той роковой щели и попытается обследовать ее. Она должна вывести его на поверхность.

«Патрон» торопится. Надо добраться до щели раньше, чем вернутся уплывшие вниз по течению подземной реки пограничники. Река совсем обмелела, в самых глубоких местах она доходит ему до пояса.

А вот и щель. «Патрон» хорошо ее запомнил. Все так же грозно свисает над водой каменный «дамоклов меч». Только вода сейчас не бурлит в пенном водовороте, а бежит легко и неприхотливо, точно приглашает последовать за ней. И «Патрон» принимает ее приглашение. Щель вскоре начинает сужаться. Местами до ее стен можно достать расставленными руками. «Патрон» внимательно приглядывается к темным скалам, ему хочется найти на них хотя бы какой-нибудь след, оставленный человеком.

Метров через триста щель стала шире и, наконец, образовала пещеру с двумя выходами. Ручей в этом месте разветвлялся и уходил, теперь уже приглашая «Патрона» последовать за ним сразу в оба коридора. Он останавливается, решая, какая ветвь выходит к искусственной подводной магистрали. Пробует представить, куда бы понес его бешеный поток, окажись он здесь во время паводка. Скорее всего — в правый рукав, потому что он шире. «Патрон» решает идти по правому рукаву. Он торопится, потому что уверен: пограничники тоже будут обследовать щель, по которой он сейчас идет. Ручей все так же катит свои воды по каменному руслу, убегает в черную, непроглядную даль.

И вдруг на глаза «Патрона» попадается нацарапанная на стене надпись $7+23+18 \rightarrow O$. Эта находка так радует его, что он забывает обо всех опасностях. Значит, до него уже кто-то побывал здесь, значит, он на верном пути. Однако смысл цифр, крестов и стрелки с кружком остается для него совершенно непонятным.

«Кресты, возможно, обозначают прибавление количества чего-то к другому количеству, — рассуждает он, — стрелка — направление от полученной суммы к

кругу. А что обозначает круг?» Так или иначе, а надпись эта воодушевила «Патрона».

Метров через сто после этой надписи ручей побежал под уклон, стал прыгать с уступа на уступ. Спустившись на несколько уступов, вода опять потекла по каменному ложу.

Потом снова начались уступы. И тогда «Патрон» решает, что цифры обозначают количество уступов. Продвигаясь вперед, он стал считать уступы и убедился, что смысл цифр разгадал правильно. Теперь он не чувствует под собой ног, спускаясь по уступам, точно по огромной лестнице. Он думает о том, что ждет его впереди, что приготовили ему стрелки и кружок? Вот уже пройдены последние восемнадцать уступов. Опять ручей побежал по ровному месту. «Патрон» следует за ручьем по щели и выходит к небольшому водоему. Вода в нем крутилась, как в огромной стиральной машине. «Значит, в этом месте вода уходит под землю...»

В отчаянии он сжимает кулаки. Неужели весь путь был проделан им напрасно? Неужели ему придется подожнуть здесь? Значит, стрелка указывает путь к гибели? Этого не может быть!

«Патрон» внимательно, метр за метром, обследует стены водоема и обнаруживает небольшой лаз, пробитый человеком. По лазу можно пройти только на четвереньках. Но это не смущает «Патрона». Он готов ползти по-пластунски, только бы выбраться из этого каменного царства.

Вот он почувствовал приток свежего воздуха и увидел свет. Звенит в ушах. «Патрон» не верит своим глазам. Он подползает к тому месту, где вода не кажется похожей на деготь, а чуть серебрится от света, который падает на нее сверху. «Патрон» задирает голову и видит через пробитый в камнях колодец голубое небо. Теперь он понимает, что попал в одну из подземных водных магистралей, и знает, что выберется из-под земли!

Колодец встретилось много, они попадались через определенные промежутки и были очень глубокие, а стены такие гладкие, что невозможно было бы удержаться на них, вздумай он выбраться наверх. Но «Патрон» пока не собирался вылезать.

Отдохнув, он ползет дальше, вслед за бегущей водой и видит, что колодцы становятся все мельче и мельче. Он знает, что где-то подземная магистраль выносит воду на поля, но не собирался выходить там, где его появление могут заметить. Он просто решает для безопасности пройти некоторую часть пути под землей, осматривает каждый колодец и около одного, выложенного из камня плитняка, останавливается. Слишком уж удобны стенки этого колодца для того, чтобы выбраться по нему наверх.

«Патрону» хочется выйти немедленно, но он знает, что это опасно, что надо дождаться вечера или лучше ночи. Ночью никто не заметит, как он вылезет из-под земли и уйдет подальше от этих мест.

И вот потянулись часы ожидания. Он сидит на каменном уступе, поджав ноги, и думает о своей жизни. Ему уже приходилось бывать в Советском Союзе с заданиями «Центра». Однажды он переходил границу в этих местах. Правда, он не знал еще о существовании подземной дороги, но и тогда ему с трудом удалось убраться вовсюси.

А ведь происходило это давно, на границе не было такого сигнального оборудования, как теперь.

Теперь трудно сказать, унесет ли он ноги. Во всяком случае сейчас об этом говорить рано. Пока он сидит в темном колодце и ждет ночи. Что принесет ему эта ночь?

Небо начало сереть. «Патрон» заметил одинокую звезду, слабо и грустно мерцавшую в недосягаемой вышине.

Глава седьмая

ПРОШЛА неделя с того дня, как Илга увидела на берегу старика. Трудная для пограничников неделя.

На карте полковника Коваченко не осталось ни одного незаштрихованного квадрата.

Усилия людей не были напрасными, хотя нарушители действовали ловко, отлично знали обстановку на границе, умело использовали подземные пустоты. В результате поисков были арестованы старый контрабандист Алабаш, бывший полицай, предатель Григорий Мартынов, подданные сопредельного государства Исмаил-заде и Мухамед-оглы и, наконец, подземный житель Джан Малидхан.

Офицерам из отряда немало пришлось повозиться со всеми этими людьми, прежде чем они добились от них каких-либо показаний.

Алабаш начисто отрицал, что знаком с Мартыновым и другими лазутчиками, задержанными под землей, по-прежнему твердил, что искал пропавших лошадей и заблудился.

Показания лазутчиков были весьма невразумительными. Исмаил-заде и Мухамед-оглы говорили, что завербованы как носящие грузы. В их обязанности входило беспрекословное выполнение команд шефа. «Патрон» не посвящал их в свои планы и никогда никому не говорил, с какой целью он обследовал старый подземный путь контрабандистов.

Мартынов сказал, что он вообще ничего общего не имеет с этими лазутчиками, что пристроился к ним только для того, чтобы вернуться на родину и начать новую жизнь. Когда же Мартынову напомнили о его разговорах с Илгой под землей, о сделанном ей предложении помочь ему завладеть подземными богатствами, Мартынов сказал, что не помнит, чтобы вел такой разговор, хотя и не стал отрицать, что мельком слышал о старом складе контрабандистов, хотел найти его и кое-что прихватить на черный день.

Мартынову показали план подземных полостей, который он не успел порвать в пропасти, спросили, где он его взял.

— Выкрад у одного человека, — ответил Мартынов.

Все, что говорили лазутчики, было похоже на правду, и вместе с тем Коваченко видел, что они что-то договариваются, стараются показать, что незнакомы с Алабашем, а он-то во всем этом деле играл, конечно, не последнюю скрипку.

«А что если свести Алабаша с «Врубелевским Паном?» — подумал начальник отряда.

Увидев друг друга, старики остановились, как вкопанные, словно не верили своим глазам, потом бросились один к другому, запричитали: «Эльхепус! Эльхепус!»*. И причитаниям этим не видно было конца. Полковник не мешал старикам, пусть отведут душу, но зорко следил за ними и велел переводчику запоминать каждое сказанное ими слово.

Когда старики немного успокоились, Коваченко, велев увести Джана Малидхана, вопросительно посмотрел на Алабаша.

— Твоя взяла, — сказал вдруг контрабандист полковнику. — Молчать больше не буду.

Алабаш и в самом деле работал пастухом у помещика. Жил впроголодь и знал, что где-то совсем недалеко лежат под землей несметные богатства. Если бы ему удалось заполучить хотя бы некоторую часть их!

Алабаш знал подходы к подводной норе, как свои пять пальцев. Раньше эта местность принадлежала той стране, в которой он теперь жил. А потом, при демаркации границы, отошла к Советскому Союзу. Алабаш с закрытыми глазами мог бы перейти границу даже в тех районах, которые были недоступны другим.

Если бы ему сбросить лет двадцать, если бы ему заменить простреленную и оттого негнущуюся в колене ногу, он сам отправился бы в хоженые и перехоженные его бандой пещеры, сам проник бы к складу и взял от-

* Боже мой! (выражение крайнего удивления).

туда все, что смог унести. Он стал бы в десять раз богаче помещика, у которого служил пастухом.

Сейчас Алабаш был не в силах самостоятельно завладеть спрятанными под землей ценностями. Однако он не отказался от мысли их заполучить. Он мечтал об этом, когда пас в горах лошадей и овец, мечтал ночью, снедаемый старческой бессонницей.

Он знал, что не одному ему известно о спрятанном в горах золоте, ведь кое-кто из его шайки остался живым. Только где эти люди? Разбрелись по белу свету, затаялись. Если бы можно было, он собственоручно уничтожил их, чтобы одному владеть тайной. Знал: они тоже думают о спрятанных богатствах, и не просто думают, а делают попытки к тому, чтобы завладеть ими.

С нетерпением и надеждой смотрел он на своего подрастающего сына, ждал, когда тот окрепнет и станет мужчиной. Только ему он мог доверить тайну, только ему хотел поручить дело, которое не смог сделать сам.

И вот сын вошел в силу. Односельчане, помнившие Алабаша в молодости, говорили, что сын, как две капли, похож на отца — такой же высокий, мускулистый, горбоносый. Будет на старости лет отцу добрым помощником. Даже глаза у сына были отцовские, широко расставленные, как у хищной птицы. Алабаш радовался, когда сына хвалили за ловкость и смекалку. Значит, не зря занимался с ним, заставляя его бегать, прыгать, лазить по горам, стрелять из ружья. Когда сыну исполнилось девятнадцать, Алабаш сказал ему о своей тайне. Отцовский план пришелся сыну по душе. Он мечтал выбраться из помещичьей кабалы.

Целый год ушел у отца и сына на подготовку к операции. Сын изучал местность, на которой ему придется действовать, вычерченные отцом планы пещер. Отец тайно от соседей готовил снаряжение, одежду для подземного путешествия, веревки, фонари.

В одну из дождливых осенних ночей Алабаш проводил сына до норы, подождал, пока тот не уйдет в пещеры, и вернулся домой. Через три дня он пришел за ним,

но сына не оказалось на условленном месте. Еще десять раз приходил он к норе, и все напрасно.

Алабаш понял, что больше никогда не увидит сына, никогда не увидит спрятанного в горах золота.

С тех пор прошло тринадцать долгих и трудных лет.

И вот совсем недавно его попросили за соответствующее вознаграждение показать старый контрабандистский путь под землей.

И снова шевельнулась в сердце старика мечта о богатстве. Он знал, что жить ему осталось немного, и хотел бы отпущеные ему аллахом дни провести в достатке.

Алабаш давно приглядывался к жившему в их ауле человеку, занимавшемуся мелкими спекуляциями. Они вроде бы подружились, хотя человек этот и оставался замкнутым, не любил рассказывать о своем прошлом. Алабаш умел ценить молчание, не досаждал соседу ненужными расспросами. Но окольным путем узнал, кем был этот человек в прошлом.

Вот ему-то и решил старый контрабандист раскрыть свою тайну, когда «Патрон» попросил его подобрать для «экспедиции» нескольких верных людей.

Мартынов принял предложение Алабаша. Они условились, что под землей он незаметно уйдет от лазутчиков и будет действовать самостоятельно, согласно плану, начерченному стариком. Чтобы лазутчики не мешали Мартынову добраться до склада, который находился на пути контрабандистов от норы до Янтарного озера, Алабаш решил послать их в другом направлении, по реке, заканчивающейся водопадом. Он был уверен, что «Патрон» и все остальные там найдут себе смерть.

Между тем пещеры, как и все на земле, подвержены старению и разрушению. Один из обвалов перекрыл сыну Алабаша путь к Янтарному озеру, и он навечно остался в каменной тюрьме. Еще один обвал завалил пропасть, в которую падала река, и это спасло теперь лазутчиков от гибели.

Сыну Алабаша повезло в том отношении, что под землей оказался большой склад с продовольствием и вещами. Он воспользовался этим и сохранил себе жизнь.

Нелегкой была она для Джана Малидхана. Об этих тринадцати годах заточения под землей можно было бы написать книгу. Мы же скажем только о том, что, войдя в пещеры цветущим юношем, он вышел оттуда седым полуумным стариком.

Но Алабаш все равно узнал сына, узнал по каким-то одному ему известным приметам.

На этот раз Коваченко поверил словам старого контрабандиста.

Признался во всем и Мартынов: и в том, что был в войну полицаем на оккупированной фашистами территории, и в том, что по его навету каратели расстреливали советских людей, и в том, что он хотел завладеть золотом и, минуя Алабаша, перебраться за океан, и в том, что ослепил, а потом прикончил Шварца, которого считал самым опасным и коварным противником.

Пограничники по-прежнему усиленно охраняли границу, а поисковые группы снова и снова прочесывали горы и ущелья, пропасти и пещеры. Все известные выходы из подземных полостей были взяты под наблюдение.

Из штаба округа то и дело раздавались телефонные звонки. Начальство требовало новых данных, за ходом поисков «экспедиции» следила Москва.

Коваченко снова садится в машину и мчится в район поиска, чтобы самому посмотреть, как обстоят дела.

Начальник отряда был на пути к заслону, расположенному в ущелье Непроходимом, когда сидевший на заднем сиденье радиострелок принял срочную радиограмму. В ней сообщалось, что пионеры седьмого класса сельской школы, где директором Мария Ивановна Семенова, выследили скрывающегося в киризах человека. Неизвестный, пользуясь темнотой, пытался вылезти из колодца, но, увидев дежуривших пионеров, снова скрылся в под-

земной магистрали. К колодцам посланы старшеклассники, высланы пограничные наряды.

Коваченко велит шоферу немедленно ехать в аул, где размещается школа, просит радиста связать его с близлежащей заставой. Радист передает полковнику микрофон. Коваченко приказывает начальнику заставы выслать к школе всех свободных от службы пограничников.

В ауле школьный сторож вызвался показать кириз, где обнаружен неизвестный.

— Это недалеко отсюда, — сказал он.

Дорогой дед рассказывает, как воевал с басмачами, как выкуривал их из киризов дымом от соломы.

Полковник слушает и не слушает сторожа, ему не терпится скорее увидеть директора школы, узнать подробности, проследить, чтобы правильно был организован поиск выслеженного человека.

...У кириза много людей: пограничники с автоматами, колхозники, пионеры... Люди рассыпались по всему плоскогорью. Возле колодцев костры. Люди брали горящие головешки и трясли их над колодцами. Искры летели вниз: чтобы прятавшийся в киризах человек знал, что подземная водная магистраль находится под контролем и ему никуда не скрыться.

Полковнику показывают колодец, из которого вылезал человек.

— Когда это было? — спрашивает он.

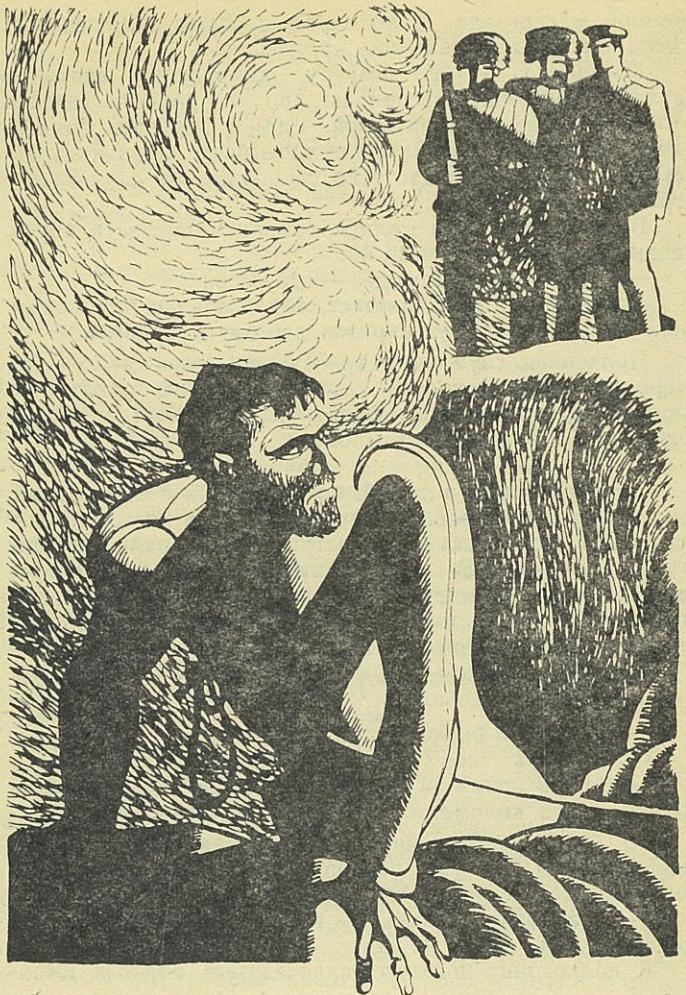
— Полтора часа назад, — отвечает Семенова.

— За это время он смог проползти по магистрали не больше двух километров в ту или другую сторону.

То же самое предположил и начальник близлежащей заставы. Он уже распорядился, чтобы в киризы спустили камни на веревках, загородили проходы.

— Правильно сделали, — говорит полковник. — Теперь лазутчик от нас не уйдет.

К полковнику подходит председатель колхоза Ка-

ев. Он тоже нес дежурство у кяризов вместе со своими колхозниками.

— Что будем делать? — спрашивает он у Коваченко.

Полковнику не хотелось спускать в колодец пограничников: они стали бы мишенью для лазутчика, который вряд ли сдастся без боя.

— А может, и в самом деле дымом его выкурить? — говорит полковник, вспоминая рассказ школьного сторожа.

— Ягши, — соглашается Караев.

Полковник связывается по радио со штабом и приказывает доставить к колодцам дымовые шашки.

Зажечь их и спустить на веревках в колодцы было делом нескольких минут. Тяжелый коричневый дым пополз по подземным магистралям, от него не было спасения.

В одном из кяризов вдруг послышался голос, требующий убрать горящую шашку. Ее немедленно вытащили. Спустя минуту из колодца показалась голова человека и руки. Находившиеся рядом пограничники подхватили его под мышки и подняли. Он тяжело ловил воздух ртом.

Человеку связывают на спине руки и отправляют на погранзаставу.

Полковник благодарит окруживших его пионеров за помощь, которую они оказали пограничникам.

Семенова спрашивает у Коваченко, как чувствует себя ее муж.

— Знаете, я хотела попросить вас отправить меня к нему. — Она смотрит на него умоляющими глазами.

Полковник касается рукой плеча женщины.

— Не волнуйтесь. Возле него врач. Утром я разговаривал с ним по телефону. Майор чувствует себя хорошо. Если хотите, устрою вам разговор с ним, и вы убедитесь, что ему не угрожает опасность. Через неделю-две мы доставим его на поверхность.

— И все-таки мне очень нужно быть рядом с ним. Ну что вам стоит?

— Вы даже представить себе не можете, как трудно добраться до него сейчас, — говорит Коваченко. — Если бы жизнь майора была в опасности, мы пошли бы вам навстречу.

Полковник немного успокоил Марию Ивановну, и она согласилась на то, чтобы поговорить с мужем по телефону.

Этой же ночью полковник допросил руководителя «экспедиции».

«Патрон» понял, что порученная ему подготовка к операции «Мост под каменным небом» провалилась и ему не удастся сбить с толку пограничников.

Полковник предупреждает «Патрона», что если он поможет следствию и пограничникам, суд, видимо, найдет смягчающие его вину обстоятельства. «Патрон» должен рассказать без утайки, с какой миссией он прибыл в Советский Союз, что должен был делать под землей.

— Я сделаю все, что в моих силах. Только прошу вас сохранить мне жизнь.

Две недели майор Семенов находился под землей в окружении товарищей, которые заботились о нем. В пещеру, где он лежал, солдаты Степаков и Шульгаев регулярно доставляли лекарства, высококалорийную пищу, фрукты и овощи. От майора ни на минуту не отходил старшина Кучкин.

Крепкий, закаленный организм брал свое — майор поправлялся.

Уже скоро он стал тяготиться бездельем, ему хотелось быстрее попасть на заставу, встретиться с товарищами, с Машей и детьми.

Когда Семенову становилось особенно скучно, он начинал думать. Вспоминал случаи из своей жизни, прочитанные книги, мечтал о том времени, когда они с Машей и детьми поедут в отпуск к морю, где они никогда

не были, будут валяться на пляже, купаться, собирать ракушки, которые шумят, если их приложить к уху.

Он так об этом и сказал Маше, разговаривая с ней по телефону.

Она заплакала.

Семенову стало мучительно стыдно за то, что не всегда был справедлив к ней, ссорился по пустякам, злился на нее за то, что не следила за модой, как иные женщины, за то, что у нее не хватало вкуса и даже за то, что не умела быть кокетливой с ним.

Как-то давно, еще во время отпуска, Семенову попалась в руки «Лунная долина» Джека Лондона. В романе описывалась жизнь молодоженов Билла Робертса и Саксон. Книга произвела на майора впечатление, особенно те ее страницы, где рассказывалось о том, какой должна быть женщина, чтобы всегда нравиться мужчине.

«Жена должна воплощать в себе многих женщин, — поучала старуха Мерседес молодую Саксон. — И если вы хотите, чтобы ваш муж вас любил, вы должны воплотить в себе всех женщин на свете... Будьте целым садом, полным всегда новых, всегда свежих, всегда неожиданных цветов, и пусть мужчина не воображает, что в этом саду он сорвал последний... Глупы те женщины... которые воображают, будто, завоевав мужчину, они достигли окончательной победы. А потом успокаиваются, жиреют, вянут, киснут и становятся несчастными... Во все века и времена живали великие мудрые женщины. Им незачем было быть красивыми, — их мудрость была выше всякой красоты. Принцы и монархи склонялись перед ними, из-за них сражались народы, гибли целые государства, ради них основывались религии...»

Семенову хотелось, чтобы его Маша тоже была такой женщиной. Он купил «Лунную долину» и привез домой, попросил, чтобы Маша внимательно прочитала книгу.

Роман понравился ей, но она не сделала для себя каких-нибудь выводов...

Иногда он вспоминал об Илге, о тех счастливых мгновениях, которые испытывал, видя ее.

Она внесла в его трудную жизнь что-то новое.

Он не пытался сравнивать Машу с Илгой. Они были совершенно разные, каждая со своими взглядами на жизнь, со своими стремлениями, привычками, со своими вкусами.

Были и досадные мелочи, о которых не хотелось вспоминать. Последнее объяснение с Илгой в пещере, ее слова о том, что она никогда ни за что не отпустит его, что ей нет дела до его семьи. Это не нравилось Семенову. Ему невольно припомнилось, как Маша сравнивала ее с залетной птицей, ищущей женихов. Однажды она даже сравнила ее с Людоедкой Эллочкой.

Ну, разве была Илга похожа на геронию из «Двенадцати стульев», которая, как он помнил, считала себя самой красивой женщиной, мечтала только о нарядах и обходилась тридцатью словами? И все-таки лучше бы Илга не говорила ему о том, что ей нет дела до его семьи. Неизвестно, чего было больше в ее словах: граничащей с безрассудством любви или... эгоизма. Ему стали припоминаться вдруг разные, будто вскользь оброненные слова Илги о Маше, в общем-то нелестные слова: о недостаточном Машином вкусе, о ее смешной ревности. И хотя он сам знал об этом, слышать такое от Илги ему было неприятно. И тогда Илга не казалась ему идеальной. Впрочем, он достаточно пожил, чтобы убедиться, что идеальных людей не бывает.

Конечно, и он во время этого объяснения не выглядел рыцарем, лепетал что-то несуразное о том, что слова Илги неожиданны, что ему страшно... Но что он мог сказать ей?..

Наконец, врач разрешил Семенову встать с постели и походить. Майор ходил с фонарем по лабиринтам звездообразной пещеры, все больше и больше поражаясь величием затерянных во мраке каменных чертогов, теплом термальных вод, которыми пользовались еще в

доисторические времена наши далекие пращуры. Как видно, эти воды нагревались и насыщались целебной силой в далеких земных глубинах.

Осмотривая подземные ручьи, Семенов вспоминал миф об Аретузе, прелестной дочери Греции, за которой однажды пустился в погоню бог реки Алфей. Желая спастись от преследователя, Аретуза обратилась за помощью к богине охоты Диане. Диана превратила девушку в ручей и указала ей в земле щель. Аретуза про никла туда и побежала по длинному подводному тоннелю. Дорога привела ее в Сицилию. Аретуза вышла на поверхность возле города Сиракузы. Но она не смогла спастись, потому что Алфей тоже обратился в речные струи и последовал за девушкой по тоннелю под морем. Он вышел там же, где и Аретуза. И с той далекой поры, как повествуется в легенде, из-под земли бьют два прохладных и чистых источника.

Местные жители сложили эту красавицу легенду, опираясь на факты. Они не раз наблюдали, когда брошенная в реку Алфей ведьма появлялась через некоторое время на поверхности Аретузы в Сицилии. Считалось, что под Средиземным морем проходит путь, соединяющий остров Сицилия с европейским континентом.

Знал Семенов и о других величайших пустотах в земле. Геологи, например, утверждали, что под Ай-Петри могут свободно плавать океанские лайнера. Знал, что подземный мир пока еще мало изучен, и человек чувствует себя в нем неуютно.

«Придет время, — думал Семенов, — и человек не только изучит подземное царство, но воспользуется его особенностями, построит здесь электростанции, заводы-автоматы, лаборатории, оборудует специальные лечебницы...»

Наступил день, когда майору разрешили выйти наружу. Его снабдили аквалангом, чтобы пройти подводным тоннелем в пещеру над Янтарным озером,

Переход не представлял для него большой трудности — рядом все время находился старшина Кучкин.

Семенов подошел к отверстию в потолке пещеры, которое он увидел впервые, обследуя озеро. К отверстию была приставлена пожарная лестница, установленная на понтонах. Она чуть-чуть покачивалась, когда он спускался вниз, к воде.

Через четверть часа после того, как надувная лодка доставила его к берегу Янтарного озера, он увидел над головой в верхнем проеме зала, похожего на пасть чудовища, затянутое тучами неба.

Врач велит ему надеть очки — светофильтры, чтобы глаза привыкли к свету.

Наверху майора ждут жена, товарищи с пограничной заставы и из отряда. Побледневшее и осунувшееся лицо Семенова светится радостью.

Полковник Коваченко по-отечески обнимает майора Семенова.

Майору не терпится узнать обо всем, что относилось к операции.

— Они, как вам известно, решили там, — Коваченко кивает в сторону возвышавшихся гор, — наладить стационарную переправу к нам лазутчиков под каменным небом.

Группа, за которой мы охотились под землей, должна была обновить старый контрабандистский путь, расчистить завалы, установить, где это нужно, веревочные лестницы, а потом принять первую группу диверсантов.

— Ну и как... приняли? — спрашивает Семенов.

— Конечно, — чуть улыбается полковник, — вчера в одиннадцать вечера. Троих. Задержание произвели пограничники вашей заставы во главе с капитаном Вальским.

«Патрон» согласился встретить диверсантов у норы. Их беспрепятственно пропустили через границу, дали возможность проникнуть в пещеру, и там, под каменным небом, каждый из лазутчиков был «принят»

пограничниками. Все обошлось без единого выстрела. Лазутчики, как говорится, даже ахнуть не успели.

После этого «Патрон», как и требовали хозяева, тотчас же связался по радио со своим «Центром» и доложил, что группа принята. «Центром» ему было приказано провести прибывших до Янтарного озера, а самому вернуться обратно. Прибывшие же в пещеру люди будут действовать согласно полученным инструкциям.

— Что это за инструкции? — спросил Семенов.

— Пока нам удалось выяснить, что лазутчики должны наладить некоторые связи...

К горловине пещеры подъезжает автобус с туристами, желающими осмотреть подземное озеро.

Встречавшие майора Семенова переглядываются.

— Давайте-ка по домам, — говорит полковник офицерам и, попрощавшись со всеми, идет к своей машине.

Семенову с женой предстоит проехать несколько километров по горной дороге. Солдат Вагидов ведет машину с предельной осторожностью. Она точно плывет над горами. Маша держит руку Семенова в своей. Она счастлива.

Путь пролегает мимо радиолокационного поста, где по традиции водители всегда останавливали машины, чтобы охладить натруженный мотор. Ехавшие в машине люди обычно выходили размяться, попить водички, переброситься словами со знакомыми локаторщиками, свободными от дежурства.

И на этот раз они не изменили традиции.

Машину окружили солдаты. Они тоже участвовали в поиске лазутчиков и теперь интересовались здоровьем майора Семенова, предложили ему и Маше заглянуть к ним в столовую, подкрепиться.

Семенов принимает приглашение. Он все искал глазами Илгу, но ее не было. Это и радовало и печалило его. Наконец, он увидел ее брата. Они поздоровались. Янис сообщил о последней новости — прокладывают водопровод для санатория. Правление колхоза уже за-

купило трубы, и теперь колхозники начали рыть траншеи. Водопровод пройдет мимо заставы и радиолокационного поста.

— Что-то не видно вашей сестры, — как бы между прочим говорит Семенов.

— Уехала, — отвечает Янис.

— Куда?

— С геологической экспедицией.

— Она же собиралась устроиться здесь учительницей! — майор вдруг почувствовал какую-то пустоту. Он и сам не знал, зачем ему было нужно, чтобы Илга оставалась здесь. Ведь он решил для себя, что никогда больше не будет встречаться с ней. Ни к чему все это. И вдруг на него наплыло Илгинго лицо, ее глаза, губы. И он услышал: «Если я почувствую, что буду не нужна вам, уйду навсегда».

И вот она ушла.

— Она не приедет больше? — спрашивает Семенов.

— Видимо, нет. Знаете, оттуда, — Янис ткнул пальцем вниз, под ноги, — она вернулась какой-то растерянной, не находила себе места, хандрила. А может быть, Илгу расстроило то, что в школе не нашлось вакансии... Мария Ивановна взяла другого учителя.

«Маша остается верна себе», — думает Семенов.

— Я проводил ее вчера вечером, — продолжает Янис.

— Жалко, что не застал ее, — глухо говорит Семенов.

— Я сказал ей, что вас собираются вызволить сегодня из-под земли, но она все равно уехала. Просила поблагодарить за все, что вы сделали для нее.

«А что я для нее сделал? — думает Семенов. — Ничего. Отдал маленькую частичку своей души. Отдал то, что могла бы взять Маша, будь она немного помудрее, умей она воплотить в себе всех женщин, как это умела делать старая Мерседес из «Лунной долины» Джека Лондона».

— Мы ждем тебя, Костя, — слышит он голос жены

и встречается с ее взглядом, настороженным, недоверчивым, нетерпеливым.

— Иду, — говорит он. — «Уже ревнует. Ну что ты будешь с ней делать?»

— Интересующаяся Илгой? — бросает жена ему в лицо.

Он берет ее за руку.

— Не надо, прошу тебя. Это так надоело.

— Сам виноват, — говорит она жестко и безапелляционно.

Семенов горько усмехается. Он всегда был во всем виноват. Он к этому уже привык.

— Ладно, пусть будет по-твоему, — вздыхает он.

Они входят в столовую, где уже накрыты столы и пахнет украинским борщом.

Едят молча. Каждый думает о своем.

Нé у всех жизнь складывается так, как они мечтают. Но в конце концов надо уметь смотреть в корень, видеть в семейных отношениях то, что объединяет, что составляет основу жизни, и стараться не замечать то, что отдаляет друг от друга. А объединяло его и Машу, проживших долгие годы, очень-очень многое, и в первую очередь дети. Они оба были в ответе за их судьбу. И уже ради этого можно было со многим смириться. Только сдавало потихоньку сердце. Оно замечало то, на что Семенов пытался закрыть глаза. Оно реагировало на семейные неурядицы, как счетчик Гейгера на повышенную радиацию. И начало покалывать раз от разу сильнее. Он давно понял: ничто другое не действовало на него так сильно.

Молча они садятся в машину. Водитель проверяет, хорошо ли закрыты дверцы, и заводит мотор. Солдат с автоматом открывает шлагбаум.

И снова под колеса побежала дорога. Езженая и перееzzенная, знакомая до последнего камешка и вместе с тем казавшаяся Семенову всякий раз новой, неизвестной, вызывающей интерес.

Когда до заставы осталось километра полтора, май-

ор попросил шофера остановить машину. Ему захотелось пройтись пешком по тропке, которая сокращала путь, почувствовать под ногами пропитанную солнцем землю.

Маша тоже вышла. Она знала, что он был слаб, и не хотела оставлять его одного.

И Семенов понял это. Она всю жизнь опекала его.

Когда они подошли к знакомой базальтовой глыбе, Семенов почти машинально поднял голову, туда, где было написано метровыми буквами «Пусты!». С тех пор, как Семенов услышал это слово из уст Илги, оно всегда его тревожило. И вместе с тем он не хотел, чтобы оно когда-нибудь исчезло отсюда. Он даже как-то сказал об этом Илге. И еще он сказал ей, что это слово говорит ему о целой человеческой судьбе.

Семенов остановился, как вкопанный, увидев свежие царапинки на буквах. Кто-то пытался их стереть. И почти стер.

— Что с тобой? — спросила Маша, поспешино беря Семенова под руку.

— Ничего, ничего. Пойдем.

Семенов попытался понять, чем руководствовался человек, стирая подпись. Он увидел в этих яростных полосах, похожих на косые струи дождя, некий вызов судьбе. Может, этот человек испытал чувство разочарования? «Неужели действительно все проходит?» — спрашивал себя Семенов.

Он чувствовал, что рано или поздно сбросит с себя непривычную ношу. И это чувство придало ему силы.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая	5
Глава вторая	36
Глава третья	66
Глава четвертая	85
Глава пятая	105
Глава шестая	123
Глава седьмая	140

**Библиотечка
журнала „Пограничник“**

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Воспоминания современников. «Ф. Э. Дзержинский
в ВЧК».

П. Загребельный. Капитан Шёпот (перевод с ук-
раинского И. Карабутенко).

Л. Обухова и В. Травинский. Пять точек.

Лев Аркадьевич ЭКОНОМОВ

В КАМЕННЫХ ТИСКАХ

Главный редактор *М. СМИРНОВ*

Редактор *В. ГОЛАНД*

Художник *В. ПРОВАЛОВ*

Технический редактор *Л. СУХАРЕВА*

Корректор *Е. МИРОНОВА*

Г-43128. Сдано в набор 1 марта 1967 года.

Подписано в печать 21 марта 1967 года.

Формат 70×108/32. Объем 5 п. л. (Услов. л. 6,85).

Уч.-издат. л. 7,6. Цена 20 коп. Зак. 180

Типография журнала «Пограничник».